

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

НИЦ по проблемам современного федерализма

Российская ассоциация политической науки
Пензенское региональное отделение

Ассоциация европейских исследований
Пензенское региональное отделение

Многосоставные государства: опыт и перспективы развития

Сборник статей молодых участников
Всероссийской научно-практической конференции

г. Пенза, 29–30 мая 2019 г.

П о д р е д а к ц и е й
А. Ю. Саломатина

Пенза
Издательство ПГУ
2019

Многосоставные государства: опыт и перспективы развития : сб.
М73 ст. молодых участников Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 29–30 мая 2019 г.) / под ред. А. Ю. Саломатина. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. – 120 с.
ISBN 978-5-907185-29-6

Предлагаемое издание содержит статьи молодых участников (обучающихся в бакалавриате и магистратуре ПГУ) Всероссийской научно-практической конференции «Многосоставные государства: опыт и перспективы развития», состоявшейся 29–30 мая 2019 г. в Пензенском государственном университете.

Издание предназначено для студентов ПГУ, обучающихся по направлениям подготовки гуманитарного профиля.

УДК 342

Ответственный редактор

А. Ю. Саломатин, д.ю.н., д.и.н., профессор, член-корреспондент
Международной академии сравнительного права,
заведующий кафедрой теории государства и права и политологии
Пензенского государственного университета,
руководитель НИЦ по проблемам современного федерализма,
руководитель Пензенского регионального отделения
Ассоциации европейских исследований,
руководитель Пензенского регионального отделения
Российской ассоциации политической науки

Редакционная коллегия:

С. А. Агамагомедова, к.социол.н., доцент кафедры менеджмента
и экономической безопасности Пензенского государственного университета;
К. Г. Гаврилов, к.ю.н., доцент кафедры правоохранительной деятельности
Пензенского государственного университета;
В. В. Гошуляк, д.ю.н., д.и.н., профессор, декан юридического факультета
Пензенского государственного университета;
Н. В. Макеева, к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права и политологии
Пензенского государственного университета;
Е. В. Наквакина, к.и.н., доцент кафедры теории государства и права и политологии
Пензенского государственного университета;
Ш. Г. Сеидов, д.полит.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Пензенского государственного университета;
А. Е. Сиушкин, к.социол.н., доцент кафедры теории государства и права и политологии
Пензенского государственного университета;
О. В. Стульникова, к.ю.н., доцент, заместитель декана по научной работе
юридического факультета Пензенского государственного университета;
О. Е. Шевнина, к.и.н., доцент кафедры истории Отечества, государства и права
Пензенского государственного университета

Издается при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (договор № 19-011-20109/19)

П р и к а з

о подготовке и проведении Всероссийской научно-практической конференции
«Многосоставные государства: опыт и перспективы развития»
№ 328/о от 20.03.2019

ISBN 978-5-907185-29-6

© Пензенский государственный
университет, 2019

К ЧИТАТЕЛЮ

Научная работа студентов – важная часть университетского образования. Тема Всероссийской научно-практической конференции «Многосоставные государства: опыт и перспективы развития», несомненно, стимулирует университетскую молодежь к научным изысканиям своей оригинальностью и всесторонностью. Ведь речь идет о многих и многих формах многосоставной государственности как в далеком прошлом, так и в настоящем. Эти сюжеты можно раскрывать в историко-государствоведческом и историко-правовом ключе, с позиции теории государства и права и конституционного права, налогового права государственных финансов, политологии и теории международных отношений.

В данном сборнике удалось собрать доклады обучающихся в бакалавриате и магистратуре разных профилей. Для подавляющего числа из них – это первая проба пера. А раз так, то неудивительно, что эти работы иногда страдают недостаточной логичностью и отточенностью языка, дефицитом фактического материала и оригинальностью подходов. Однако будем снисходительны. Это все же первая попытка попробовать свои силы, и, возможно, она запомнится молодым авторам на всю жизнь.

Председатель программного комитета,
заместитель председателя оргкомитета
конференции, доктор юридических наук,
доктор исторических наук,
профессор, член-корреспондент
Международной академии сравнительного права

А. Ю. Саломатин

Раздел 1

МНОГОСОСТАВНЫЕ ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МНОГОСОСТАВНЫХ ГОСУДАРСТВ В ДОИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

УДК 342.26

О. И. Алпеева, Е. С. Корнилова
студентки, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

O. I. Alpeyeva, E. S. Kornilova
students, Penza State University, Penza

ИМПЕРИЯ АХЕМЕНИДОВ КАК МНОГОСОСТАВНОЕ ГОСУДАРСТВО*

ACHAEMENID EMPIRE AS A MULTI-COMPONENT STATE

Аннотация. Рассмотрены становление Ахеменидской империи как многосоставного государства, её закат. Приведены характерные признаки державы Ахеменидов, описаны взаимоотношения центральной власти с периферией.

Ключевые слова: империя Ахеменидов, многосоставное государство, периферия, центральные органы власти, завоевание.

Annotation. The article deals with the formation of the Achaemenid Empire as a multi-component state, its decline. The characteristic features of the Achaemenid power are given, the relations of the Central power with the periphery are described.

Keywords: Achaemenid Empire, the multicast state, the periphery, the Central government, the conquest.

Империя – это вид многосоставного государства, для которого характерен целый ряд признаков, позволяющих выделить как феномен имперский тип политической организации общества. Понятие «империя» зародилось в Древнем Риме в значении высшей государственной власти, принадлежащей различным должностным лицам, представляющим интересы римского народа. Постепенно значение понятие изменилось, империей стала называться та территория, на которую эта власть распространялась [2].

Первые государства, претендующие на имперскую форму организации политического устройства, появились ещё в XIV–XIII вв. до н.э. (Хетское царство, Египетское царство), позже процветали Вавилония, Мидия, Ассирийская империя, на смену которым пришла, наконец, Ахеменидская держава, унаследовавшая многое у своих поверженных предшественниц [1, с. 19].

Исследователи выделяют различные признаки, позволяющие называть государство империей. Так, С. Н. Бабурин называет значительные территориальные размеры, единое вероисповедание или светскую идеологию, централизованную система высшей государственной власти, сохранение полиэтнического состава и культурного

* Научный руководитель – д.ю.н., д.и.н., проф. А. Ю. Саломатин.

разнообразия. Д. М. Фельдман добавляет к этому перечню ассиметричные отношения господства и подчинения между центром и периферией, С. Переслегин – доминирование одной из народностей, уникальное цивилизационное наследие. То есть, империя – это нечто большее, чем просто вид государственного устройства, это особое уникальное явление [2].

История империи Ахеменидов начинается в IX в. до н.э., когда в юго-западных горах Азии возникает союз племен, территория расселения которого получила название «Парса» («окраина»), впоследствии видоизменившееся в Персию. Персы считали, что все их вожди вели свой род от Ахемена, жившего в VIII в. до н.э., поэтому все последующие правители, а позднее и весь народ звался ахеменидами. Поначалу ахемениды жили племенами и подчинялись Ассирии, позднее они превратились в вассалов Мидии. Подчиненное положение не нравилось многим персидским племенам, поэтому в 553 г. до н.э. они объединились вокруг одного из далеких потомков Ахемена – Кира Второго и бросили вызов царю Мидии Астиагу, в результате чего Кир II, называемый впоследствии Великим, в 550 г. до н.э. захватил престол Мидийской державы. С этого времени и идёт отсчёт истории Ахеменидской империи.

Признаком любой империи является крупное территориальное пространство, занимаемое ей [1, с. 22]. Естественно, что для расширения территории императоры нередко пользуются не столько договорами о покровительстве с более слабыми племенами и государствами, сколько завоевательными походами. Не была исключением и Ахеменидская империя. Кир II Великий, захватив Мидийское царство, не остановился на достигнутом. За первые десять лет своего владычества он подчинил все прежде подвластные ей территории, соседнее государство Сузы, затем завоевал Анатолийское царство Лидия, потом покорил Вавилонию. После подчинения Малой Азии, было присоединено крупное царство Бактрия и его владения в Согде. В итоге завоеваний Кира Ахеменидское государство из небольшого царства превратилось в величайшую империю, территория которой охватывала пространство от среднеазиатских оазисов до Средиземного моря.

Со смертью Кира завоевания не прекратились. Его сын Камбиз II покорил Египетское царство и стал его фараоном. Вообще примечательно, что покоряя царства, ахемениды позиционировали себя не как завоеватели, а как правопреемники, охотно принимая титулы подчиненных государств.

Следующие крупные завоевания совершил Дарий I, который не был прямым потомком Кира, но принадлежал к роду Ахеменидов. Этот правитель пришел к власти, подавив крупное восстание Гауматы, называвшего себя сыном Кира, но, по словам Дария, являвшегося самозванцем и мятежником, выступившим против всего рода Ахеменидов. По сведениям, содержащимся в Бехистунской надписи, известно, что к моменту подавления восстания Камбиз был мертв, поэтому Дарий взял власть в свои руки. Подчинив бунтующие части империи, Дарий решил упрочить своё положение новыми завоеваниями, в результате которых в империю вошли территории присырдарьинских «прямошапочных саков», северо-западные части Индии, острова Самос, Фракии, Македонии, некоторые греческие города. К концу его правления империя включала в себя территории от Инда на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до Первого нильского порога на юге.

За следующий век правители продолжали расширять свои владения, поэтому империя в период своего расцвета к 400 г. до н.э. имела протяженность от Босфора на западе до Египта и Северной Индии, а в Центральной Азии – до современного Казахстана.

С. Н. Бабурин считает, что империя может существовать только при наличии общей скрепляющей её идеи, это может быть религия или определенная идеология. В империи Ахеменидов присутствовало и то, и другое [2].

Во-первых, для завоевательных походов необходима была движущая сила. Такой силой явилось внушение персам идеи об их превосходстве над другими народами, их особых качествах, в том числе мужестве, чести.

Во-вторых, все правители и народ равнялись на доблестного Кира II Великого. С его образом Отца сравнивались все его потомки, его дело продолжали полководцы, завоеывая новые страны и тем самым укрепляя мощь империи и способствуя её процветанию.

Наконец, в основе завоеваний лежало имперское устремление покорить весь мир. В силу отсутствия глубоких географических познаний персы верили, что мир кончается морем и стремились, во что бы то ни стало, захватить все земли, не случайно официальным названием империи стало «Царство Персии и стран», подразумевающее господство над всем миром, а Дарий называл себя царем стран со всеми людьми [3, с. 133].

Важным скрепляющим элементом всей империи, а не только народа ахеменидов, была религия. Причем, она не насаждалась насильно, напротив, ахемениды были не против заимствований из чужих религий и признавали местный пантеон. В результате взаимопроникновения религий сложилась общая – смесь зороастризма с местными верованиями, произошло это во многом потому, что древние религии, как правило, не были столь нетерпимыми и догматическими, какими стали впоследствии, поэтому существовала тенденция к «заимствованию» Богов. В древности считалось, что у каждого народа есть свой Бог, покровительствующий особой территории, и тот Бог могущественнее, чей народ сильнее, а значит, чей народ покоряет другие. Эти представления повышали авторитет зороастризма. К тому же, зороастризм нес новую идею о космическом характере Божества, так как эта религия зарождалась у народа, не привязанного к какому-либо месту, где господствовал Бог, а странствовавшего, то и Бог имел надтерриториальный мировой характер [4].

Во времена правления Дария зороастризм стал официальной религией персов. Так как зороастризм не был высокоразвитой религиозной системой, способной подчинить умы все завоеванных народов, для контроля над подчиненными территориями Дарий учредил особую административную систему.

Вообще, особенностью Ахеменидской империи является взаимоотношения периферии с центром. В каждой империи в зависимости от особенностей её формирования и силы централизаторских тенденций существует разная степень зависимости подвластных территорий от центра.

А. Дан утверждал, что ахемениды, говоря о своих владениях, перечисляли территории и населяющие их народы от центра к периферии в порядке удаленности от столицы. Геродот писал: «Наибольшим почетом у персов пользуются ближайшие соседи, затем – более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные». То есть, и здесь прослеживается идея возвеличивания собственного народа [3, с. 136].

Отношение к ахеменидам как к завоевателям было разным. Простому народу обычно было всё равно, кто находится у власти, он воспринимал воцарение ахеменидов как смену династий, знать относилась к новому правителю по-разному, в зависимости от того, улучшилось или ухудшилось её положение при нём. Так, исторические источники свидетельствуют о том, что с переходом власти от Вавилонских правителей к Киру Великому местная знать встретила завоевателя как освободителя от вавилонской деспотии.

Отношения между местной аристократией и центром не были враждебными. Ахемениды не стремились уничтожить основы государственности покоренных стран, оставляя общественный и государственный строй неприкосновенным и только назначая туда своих ставленников из императорского рода. Некоторым территориям предоставлялась широкая автономия. Например, отношения с Вавилонией напоминали личную унию, страна становилась резиденцией Кира, но её внутреннее устройство оставалось нетронутым [6, с. 44]. Вообще, Кир запомнился тем, что не стремился угнетать подчиненные народы, а напротив, старался создать наиболее комфортные условия для развития торговли, ремёсел, процветания частей империи. Он поддерживал местные культы, распорядившись, чтобы наместники выделяли средства на строительство храмов и поддержку жрецам.

Сын Кира, Камбиз, следуя политике отца, пытался найти общий язык с местными господствующими верхами. Захватив Египет, царь сохранил египтянам свободу в частной жизни и вероисповедании. Не стал он и перестраивать местную администрацию: знать продолжила занимать должности наследственным путем.

Несмотря на широкую автономию, предоставляемую завоеванным странам, нельзя говорить о том, что положение проживающих здесь людей было «безоблачным». На покоренные народы ложились тяжелые подати и повинности, в зависимых регионах размещались ахеменидские войска. К тому же, не вся знать была довольна сложившимся положением. Если Кир соблюдал её привилегии, то следующие правители по мере увеличения подконтрольных территорий старались держать её в крепких руках, урезая права местной аристократии. Уже при Камбизе наметились первые противоречия между родовой знатью и центральным правительством. Камбиз старался укрепить империю, сделать её более централизованной, действуя порой жесткими методами, за что его прозвали деспотом.

Соответственно, недовольство выливалось в восстания, нередким явлением были и перевороты. Сам Камбиз погиб при таинственных обстоятельствах, его место занял Гаумата, сумевший получить симпатии завоеванных народов, отменив подати и военную повинность. Гаумата всячески поддерживая периферийные территории, ущемляя привилегии персидской знати, что не могло не вызвать её недовольства. После захвата власти Дарием родовая знать ещё долго бунтовала, желая сохранить всю власть в своих руках и выдвигая собственных правителей. Подавление мятежей заняло около года. За это время только в одном Маргиане было казнено 55 000 человек [5, с. 243, 244].

Дарий понял, что империи необходимо новое административно-территориальное устройство, поэтому провел ряд реформ, направленных на укрепление государственности. Вся территория империи была разделена на 20 сатрапий, причем, их границы не совпадали с историческими границами регионов. Тем самым Дарий уменьшил влияние местной аристократии. Но необходимо было сократить полномочия наместников, подчинив их деятельность центру. Для этого у наместников были изъяты военные функции, которые были переданы специальным командующим, подчиняющимся непосредственно императору. Таким образом, у местной администрации отняли возможность противиться центральному правительству вооруженным путем, более того, любое недовольство теперь подавлялось на местном уровне местными же вооруженными образованиями. В ведение сатрапов находилась судебная власть, которую они вершили от имени императора, развитие экономики, регулирование хозяйственной жизни, сбор податей. Крупные сатрапии делились на провинции, управляемые местной аристократией. Дарий полностью восстановил её привилегии, ограниченные Камбизом и Гауматой.

Военные руководители и сатрапы находились под бдительным контролем центральной власти, для чего была создана специальная тайная полиция, называемая

«глаза и уши царя» и обладавшая чрезвычайными полномочиями. Надзор за чиновниками осуществлял Начальник личной гвардии царя («тысяче-начальник»).

Важнейшее положение занимали в государственном аппарате персы, назначаемые на высокие должности, в том числе и в сатрапии. В отдаленных областях власть по-прежнему сохранялась в руках местных правителей, находившихся в вассальных отношениях с империей.

Была усовершенствована организация центрального управления – в столице (Сузах) создавался центральный аппарат, возглавляемый царской канцелярией. Точно такие же аппараты находились на местах: под руководством сатрапа существовало множество должностных лиц со своей четко определенной компетенцией. Для слаженной работы центральной и периферийной власти Дарий приказал всем сатрапиям пользоваться при делопроизводстве арамейским языком. Для улучшения связи между центром и местами были построены новые дороги, в том числе из каменных плит сооружена «царская дорога», соединяющая столицу с западным побережьем Малой Азии, устроена государственная почта. Важную роль играла монетная реформа, создавшая в империи единую финансовую систему и закрепившая за центром монополию на чеканку монет.

Ни одна страна не может существовать долго, если в разных её частях действуют разные законы или обычаи. Дарий упорядочил местное законодательство, максимально унифицировав законы империи. Он произвел кодификацию, дополнив существующее законодательство законами Хаммурапи [5, с. 249].

Большинство восстаний было вызвано недовольством податной системой, поэтому Дарий провел налоговую реформу. При Кире и Камбизе не было твердо установленных податей, так как податная система строилась на подарках, которые преподносила царю местная аристократия, а также на поборах, собираемых по нужде. При Дарии для каждой сатрапии устанавливалась фиксированная сумма, высчитанная с учётом плодородия земель. Подарки сохранились в виде натуральной продукции только как податная система окраинных народов. Персы как господствующий народ освобождались от податей, но обеспечивали натуральные поставки. Подобная налоговая система оставалась неприкосновенной до самого конца существования Ахеменидской державы.

Мощь империи Ахеменидов прежде всего заключалась в её армии, ещё при Кире она делилась на регулярную, находящуюся на содержании у царя, и резервную, состоящую из всех персов и привлекавшуюся на службу только во время крупных военных походов. Воины резервной армии совмещали службу с ведением хозяйства, во время военных походов их семьи не платили податей. Постепенно из-за увеличения завоевательной активности армия стала постоянной. Она состояла из полков 10 тысяч «бессмертных» воинов, набиравшихся из ахеменидской аристократии и служивших в коннице, и формирований из покоренных народов, наёмников и земледельцев, воевавших в пехоте. Высшие руководящие посты традиционно занимали персы. Ахеменидская империя умело пользовалась достижениями завоеванных стран, так, например, корабли в персидском флоте были финикийские и египетские.

Для поддержания порядка в стране, на местах размещались особые военные гарнизоны, подчиняющиеся через военного руководителя непосредственно императору и получавшие от него жалованье. Во время военных походов сатрапии были обязаны поставлять определенное количество местных воинов в ахеменидское войско. Для сохранения мира на границах воинам выдавались окраинные земельные участки, которые им в случае угрозы предстояло охранять [5, с. 250–251].

Реформы Дария не затронули социальный уклад. В основе хозяйствования традиционно находилось земледелие, причем для обработки земли использовался труд плененных в завоевательных походах рабов. Но всё же большая часть земельного

фонда находилась в распоряжении общинников. В правление Дария, когда империя переживала период расцвета, на высокий уровень поднялось развитие ремёсел и торговли, этому в немалой степени содействовала монетная реформа и строительство дорог. Особенно ремесленным производством славились Египет и Малая Азия, где изготавливались экспортируемые в другие государства керамическая посуда и полотно, не отставали и финикийцы, производившие стекло, предметы роскоши, одежду, вавилоняне, занимающиеся изготовлением шерстяной одежды. Дарий помимо строительства дорог занимался восстановлением каналов, по которым, как и морскими путями, переправлялся торговый груз для международной торговли.

Преобразования Дария не только укрепили положения центральной власти, но и послужили толчком для экономического расцвета. Устроенный им порядок надолго установился в империи, последующие правители почти ничего не меняли во внутреннем устройстве страны, предпочитая решать внешнеполитические вопросы.

После смерти Дария империю постигла череда неудач, вызванных неудачными греко-персидскими войнами и чередой разных по масштабу восстаний, вспыхнувших в разных регионах. Усугубляла ситуацию и борьба за престол, происходившая в самой династии Ахеменидов, и усобицы сатрапов, претендующих на самостоятельное управление. В этих условиях остановился рост территории империи, начался внутренний упадок в экономической и культурной жизни. Падение империи становилось вопросом времени, административное устройство теряло прочность, в 360 г. до н.э. отсоединился Кипр, для полного крушения империи не хватало толчка, которым стало нападение Александра Македонского.

Александр Македонский обладал сильной жизнеспособной армией, хорошим военным оснащением, блестящей разведкой. В результате поражений в нескольких ключевых сражениях Дарий III бежал в Восточный Иран, где был убит местным сатрапом. Так Персидская империя вошла в многочисленные владения Македонского. Историки спорят о том, можно ли называть победу Александра Завоевателя крахом империи или же в ней в очередной раз сменилась правящая династия. Некоторые из них называют нового правителя «последним Ахеменидом», настаивая на том, что именно после его смерти пала некогда великая империя [4]. Так или иначе, в IV в. до н.э. Персидская империя перестала существовать. Однако и сегодня она вызывает интерес как уникальная «мировая империя» древности, в которой одной из первых были реализованы «имперские» политические механизмы в построении великой державы, использованные впоследствии многими империями.

Библиографический список

1. Грачев, Н. И. Империя как форма государства: понятие и признаки / Н. И. Грачев // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 18–28.
2. Бабурин, С. Н. Мир империй. Территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. – 770 с.
3. Рунг, Э. В. Имперская идея в государстве Ахеменидов / Э. В. Рунг // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 4. – С. 130–140.
4. Воробьёв, С. М. Несколько замечаний к вопросу об историческом значении Персидской империи Ахеменидов / С. М. Воробьёв // Имперское возрождение. – 2009. – № 1. – С. 76–79.
5. История Древнего Востока : учеб. пособие / под ред. В. И. Кузищина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высш. шк., 2003. – 462 с.
6. Дандамаев, М. А. Политическая история Ахеменидской державы / М. А. Дандамаев. – Москва : Наука, 1985. – 319 с.
7. Бухарин, М. Д. История Древнего Востока / М. Д. Бухарин, И. А. Ладынин, Б. С. Ляпустин, А. А. Немировский. – Москва : Дрофа, 2009. – 699 с.

8. Понтинг, К. Всемирная история. Новый взгляд / К. Понтинг ; пер. с англ. А. Немировой, Н. Тартаковской, А. Бугаковой, В. Гончарова. – Москва : АСТ : Астрель, 2010. – 958 с.

9. Ляпунова, Н. Н. Кочевники Средней Азии и империя Ахеменидов / Н. Н. Ляпунова, Р. Ю. Нечаев // Региональный вестник Востока. – 2007. – № 2. – С. 79–85.

УДК 342

А. И. Минаев
студент, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

A. I. Minaev
student, Penza State University, Penza

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО КИТАЯ В ЭПОХУ ДИНАСТИИ ЦИНЬ*

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF IMPERIAL CHINA IN THE ERA OF THE QIN DYNASTY

Аннотация. Цинь Ши-хуан – основатель династии Цинь, который объединил Китай под своей властью в 221 г. до н.э., разделив страну на 36 провинций, управлявшихся губернаторами, назначаемыми императором. Им было создано централизованное, управляемое государство на основе легизма – учения, проповедующего абсолютное послушание и смирение перед властью императора. Правление Цинь Ши-хуана характеризовалось большим количеством общественных работ, сильной центральной и единоличной властью императора.

Ключевые слова: династия Цинь, Цинь Ши-хуан, первая китайская империя, восточная деспотия, Ин Чжэн, Народная война при династии Цинь, легизм, объединенный Китай.

Annotation. Qin Shi Huang – the founders of the Qin dynasty, which united China under its power in 221 BC. e., dividing the country into 36 provinces governed by governors appointed by the emperor. He created a centralized, governed state on the basis of legism, a doctrine that advocates absolute obedience and humility before the power of the emperor. The rule of Qin Shihuan was characterized by a large number of public works, a strong central and sole power of the emperor.

Keywords: Qin Dynasty, Qin Shih-Houn, the first Chinese empire, Eastern disparity, Ying Zheng, People's War during the Qin Dynasty, legism, united China.

Одно из важных мест в истории Китая занимает империя Цинь, ведь именно в данный период истории страны были проведены важнейшие реформы, сыгравшие прогрессивную роль в истории развития древнекитайского общества, а так же заложена политическая и экономическая основы для страны. Трудность изучения этого периода истории Древнего Китая заключается в малочисленности древних и средневековых источников, по причине негативного отношения многих историков к личности Цинь Ши-хуана за сожжение им конфуцианской и другой идеологической литературы его «противников». Особенности социально-экономических отношений, а так же государственное устройство империи даёт возможность дать анализ данному периоду.

В связи с военными завоеваниями «Шести Царств»¹, существовала необходимость создания системы управления присоединенными территориями. Приближенные

* Научный руководитель – д.ю.н., д.и.н., проф. А. Ю. Саломатин.

¹ Шесть Царств – общее название всех государств, расположенных на территории Китая по учениям Цзоу Яня.

Цинь Ши-хуана вынесли на обсуждение два плана: в первом, Ван Гуань предлагал отдать политическое управление дальними землями сыновьям императора; во втором, Ли Сы советовал создать централизованную систему подчинения, не давая сыновьям политических прав, оставив лишь функции сбора налогов за ними. План Ли Сы был принят императором, ведь, как известно истории Китая, такое разделение территорий между сыновьями приводит к междоусобным войнам. Таким образом, особенностью данного этапа в истории Китая стало укрепление тенденции к централизации государства, усиление роли императора. Государственный аппарат Циньской империи разделялся на центральный и местный, во главе которого стоял император, имевший неограниченную власть.

Говоря об особенностях развития императорского Китая в эпоху династии Цинь необходимо начать с особенностей государственного устройства. После принятия титула хуанди, Ин Чжэн придал своей власти божественный характер. Поскольку Ин Чжэн являлся первым императором циньской династии, то он приказал называть себя Ши Хуанди – Первым высочайшим императором. Управление страной осуществлялось через такие административные органы, как ведомства: военное, судебное, финансовое, ведомство обрядов, ведомство по охране императора, ведомство императорского двора и верховная прокуратура.

Военное ведомство возглавлял тайвей, командующий войском Китая. В его функции входило так же мало серьёзные судебные разбирательства. В данный период регулярная армия состояла из мужчин, старше 23 лет, мобилизованных на военную службу. Территориально армия делилась на округа. Подразделения каждого округа находились в подчинении цзюньвэя. В структуре управления существовала четкая иерархия, где младший по званию подчинялся старшему, так: цзюньвэй подчинялся тайвею, а тайвей – лишь императору. Глава судебного ведомства в Циньской империи (тинвэем) осуществлял следующие полномочия: следил за выполнением уголовных законов; он наблюдал также за тем, чтобы не было никаких превышений власти. Появление ведомства императорского двора было возможным только в период Цинь, так как именно в этот исторический период происходит создание деспотичной монархии при Цинь Шихуане. Это ведомство во главе с шаофу позволила перенаправить часть налоговых поступлений в личное пользование императора, остальная же часть уходила на обеспечение крупной армии и огромного количества чиновников. Таким образом, существовало четкое разделение функций в аппарате управления государством, однако все они подотчетны императору, который сосредоточил в своих руках исполнительную, судебную и законодательную ветви власти. Кроме того, ведя борьбу против местных культов, Цинь Ши-хуан сосредоточил в своих руках и духовную власть, став верховным жрецом Китая. Власть императора была наследственной и передавалась старшему сыну.

Империя Цинь представляет собой классическую древневосточную деспотию. Все экономические и природные ресурсы являлись собственностью императора, так например, часть прибавочного труда общинников, в связи с собственностью на воду императора по праву духовной власти и суверенитета государства, присваивалась ему. Часть прибавочного труда изымалась в виде подушного и поземельного налога, а также в виде коллективных трудовых повинностей. Вся ирригационная система принадлежала так же императору. Деспотичная власть взимала налоги за пользование ирригационными сооружениями, души собирали эти средства и отправляли в казну императора. Природные ресурсы, в частности железорудные и соляные месторождения, были собственностью императора, доходы с которых на прямую шли в его личную казну.

В основе сельскохозяйственной деятельности лежал коллективный характер. Общинные угодья и пахотные земли были общей собственностью, однако часто

выделялась земля, передаваемая отдельным домохозяйством. Особенно это было распространено в развитых регионах империи: Центральном-южном и Восточном Китае. Несмотря на это, право владения частной земельной собственностью отсутствовало, оно было невозможным вне рамок общины. Членами общины являлись лично-свободные граждане, в число которых входили свободные трудящиеся общинники и рабовладельцы общинники. В период империи Цинь существовали органы местного самоуправления в общине – совет старейшин, который рассматривал мелкие споры между членами общины на основе обычного права. Во главе общины стоял личжэн, который совместно с участниками совета (фулао) защищал интересы общины в отношениях с государством и другими общинами, а так же имел право призвать к самообороне общинников в случае какой-либо опасности. Период Циньской империи стал временем, когда часть обедневшей общинников переходили в статус государственного, или вовсе попадали в долговое рабство. Аппарат управления страной существовал за счет, знакомой России, системы кормления, т.е. за счет эксплуатации как рабов, так и простых граждан. Натуральное довольствие чиновников не высоких рангов было единственной уплатой за их работу, никаких земельных наделов или владений император им не жаловал.

В империи существовали социальные лифты для свободных граждан. В своем исследовании И. М. Дьяконов объясняет, что «рабовладельческом обществе присвоение этой части прибавочного труда не носило характера эксплуатации класса классом: царский чиновничий аппарат не был отдельным классом, а сами общинники состояли не только из трудящихся, но и из рабовладельцев. Существовали определенные социальные лифты, так любой простой общинник мог стать рабовладельцем, либо чиновником. Обычно наиболее зажиточные общинники и рабовладельцы проникали в чиновничий аппарат, а разорившиеся граждане переходили в рабское состояние. Желание перехода в категорию чиновников в первую очередь было обусловлено экономическими мотивами – отсутствие налогообложения, поощрения со стороны государства. Таким образом, чиновники стали важной основой и поддержкой императорской власти.

Правление династии Цинь носила, как уже было сказано ранее, характер древневосточной деспотии, базой которого выступала община лично-свободных землевладельцев, рабовладельцев. Это отличало ее во многом от последующих китайских империй и европейских государств, которые базировались на общинах и хозяйствах малоземельных и частно-зависимых безземельных крестьян, либо государственно-зависимых феодальных крестьянах, которые зависели от класса феодалов. Во время правления Цинь Ши-хуана постепенно явным становится тенденция увеличения количества рабов, происходит рост рабовладельческих хозяйств и их доли труда во всех сферах производства – земледелие, промышленность и торговле. Как итог, рабский труд начинает играть ведущую роль в экономических отношениях, что оказывало влияние на свободное население страны, ухудшало положение обычных свободных общинников. Рабы так же составляли крупную часть китайской армии.

Финальным этапом империи можно назвать кризис рабовладельческого строя в Циньской империи и Народная война, в основу которой легло антагонистические противоречия и противостояния между рабовладельцами и рабами, которая привела к улучшению положений свободных общинников и освобождению ряда категорий рабов.

Таким образом, для императорского Китая династии Цинь характерны следующие черты: сохранение свободной общины со своими органами самоуправления, деление общинников на лично-свободных трудящихся общинников (бедные семьи)

и рабовладельцев-общинников (богатые, знатные семьи), функционирование императорской власти в над общинной сфере, абсолютная власть императора, и его священный статус и др. Несмотря на наличие элементов рабовладельческой системы, империю Цинь нельзя отнести к данному типу системы, ведь сохраняется огромное количество свободных общинников в стране.

Библиографический список

1. Переломов, Л. С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.) / Л. С. Переломов. – Москва : Восточная литература, 1962. – 243 с.
2. История Китая : учебник / под ред. А. В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2002.
3. Булдыгерова, Л. Н. История Китая : учеб. пособие / Л. Н. Булдыгерова. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016.
4. Вальдман, А. Б. Грэй Джон Генри. История Древнего Китая / А. Б. Вальдман : пер. с англ. – Москва : Центрполиграф, 2006.
5. Косарев, А. И. История государства и права зарубежных стран : учебник / А. И. Косарев. – Москва, 2007. – 376 с.
6. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник / В. Г. Графский. – Москва : НОРМА, 2007. – 752 с.
7. История государства и права зарубежных стран : учебник / под ред. К. И. Батыра. – Москва, 2003. – 496 с.

УДК 342.28

В. С. Борунова, А. В. Бушуева
студентки, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

V. S. Borunova, A. V. Bushueva
students, Penza State University, Penza

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ СОЮЗЫ ГОРОДОВ*

ANCIENTGREEK CITY UNIONS

Аннотация. Рассмотрены особенности создания и функционирования межполисных и межплеменных объединений Древней Греции VIII–IV вв. до н.э. – амфикистий, симмахий и симполитий.

Ключевые слова: Древняя Греция, союзы полисов, амфикистии, симмахии, симполитии.

Annotation. In article features of creation and functioning of bespoleznyj and tribal unions of Ancient Greece in the VIII–IV centuries BC – Amphictyony, Cimahi and impolite.

Keywords: Ancient Greece, the unions policies, Amphictyony, symmachia, impolite.

К концу тёмных веков на рубеже IX–VIII вв. до н.э. на территории Древней Греции возникли полисы, которые являлись гражданскими общинами, консолидирующими себя как мини-государства. Полисы обладали ограниченной территорией, которую можно было обойти пешком. С точки зрения Аристотеля, идеальный полис – это то место, в котором проживали не более тысячи граждан.

* Научный руководитель – к.и.н., доц. Е. В. Наквакина.

В силу особенностей природно-климатических условий Древняя Греция не была приспособлена к созданию единого обширного государства. Однако полисы заключали друг с другом временные неустойчивые союзы, не отказываясь от собственного суверенитета. Межполисные коалиции в Древней Греции известны, начиная с VIII в. до н.э., которые можно разделить на три основных типа: амфикинии, симмахии и симполитии.

Амфикинии-религиозно-политические союзы Древней Греции. Первоначально амфикинии создавались исключительно в религиозных целях для отправления религиозных культов, но со временем они стали оказывать политическое воздействие на международные отношения. Амфикинии осуществляли следующие политические функции: возлагали запрет во время войны разрушать города, принадлежащие к союзу амфикинии; запрещали лишать их воды во время осад и повелевали охранять общими силами имущество храма; влияли на назначение и смещение правителей племен и городов, входивших в амфикинию; способствовали заключению политических договоров; обладали правом осуществлять некоторые судебные функции.

Особенно следует выделить так называемую Дельфийскую амфикинию при храме Аполлона, которая приняла участие в Первой священной войне (595–586 гг. до н.э.). Данная война была вызвана намерением гавани Крисы, расположенной неподалеку от Дельф, взимать пошлины с посещающих Дельфы паломников, что нарушало священные права граждан на свободное посещение святилища. В 591 г. до н.э. войска Дельфийской амфикинии под командованием фессалийца Эврилоха одержали победу. Территория Крисы была посвящена Аполлону. В честь победы в 582 г. до н.э. были проведены первые Пифийские игры, на которых председательствовал Эврилох. В дальнейшем амфикинию возглавляли фессалийцы.

Таким образом, Священная война показала способность амфикинии решать политические вопросы, подчеркнула военное превосходство Фессалии среди государств к северу от Истма, а также укрепила престиж Аполлона и Дельф.

Помимо этого следует отметить, что амфикиния выступала и в качестве экономической силы. Она имела собственную казну, которая пополнялась за счёт взносов входивших в неё городов, пожертвований паломников, проведения храмовых ярмарок, а также ростовщических сделок.

Амфикиния имела хорошо развитую внутреннюю структуру. Верховным органом амфикинии являлось общее собрание, проходившее два раза в год. По поручению общего собрания общими делами руководили иеромнемоны, которые считались провозвестниками воли Аполлона. В их полномочия входила организация религиозных празднеств, помимо этого они следили за соблюдением «божьего мира» между членами амфикинии. В V–IV вв. в амфикинии была учреждена новая коллегия – пилагоров. Каждый член амфикинии имел по два голоса.

Симмахии – это военно-политические коалиции государств, характерной чертой которого являлось доминирование одного из полисов – гегемона. Наиболее влиятельными симмахиями являлись Делосская (Афинская) и Пелопоннесская Лакедемонская (Лакедемонская или Спартанская).

Объединение таких крупных полисов как Спарта, Афины и Коринф сделало возможным отражение персидского нашествия. Однако решительные победы греков в 480–479 гг. до н.э. привели к разногласию между союзниками, что привело с одной стороны к уменьшению активности Спарты в союзе и её выход из него, с другой – к усилению роли Афин в союзе.

Вскоре в состав союза вошли новые полисы, заинтересованные в развитии военных действий с персами, таким образом, создаётся Делосский военный союз.

Следует отметить, что Делосский союз обладал особой прочностью, чему способствовали общие интересы и цели союзников, однотипное демократическое устройство полисов-членов, продуманная организация союза.

В союзе существовал совет из представителей всех входивших в него полисов, решавший дела союза. В союзе была сформирована общая казна и армия. Однако полисы, входившие в состав союза, не занимались формированием армии, они уплачивали определённую сумму на её формирование и содержание в казну. Первоначально казна находилась на острове Делос и распоряжаться ею можно было только по общему согласию. Однако вскоре Афины добились переноса казны в Афины, и распоряжение взносами уже находилось в руках Афинского народного собрания. Таким образом, с момента создания Делосской симмахии наметилась тенденция верховенства Афин в нём, поэтому данную симмахию называют Первым Афинским морским союзом.

Роль Афин в Делосском союзе усиливается после победы Кимона при Эвримедонте, что приводит к попытке некоторых полисов выйти из союза. Однако эти попытки были жестоко пресечены.

В конце 30-х годов V в. до н.э. происходит усиление Афинского морского союза, который становится самым крупным в истории Греции политическим объединением.

Для Афинского морского союза была характерна единая казна, которая пополнялась ежегодных взносов (форосов), устанавливаемых для каждого полиса-члена союза индивидуально. Каждые 4 года в Афинах в гелиее пересматривалась и утверждалась величина фороса. Не внесённый в срок форос влёк за собой штраф.

Одной из главных особенностей Афинского морского союза являлась попытка ввести единого экономического пространства внутри союза на основе афинских стандартов.

Помимо этого Афинский морской союз преследовал цель унификации государственного управления в полисах, входивших в состав союза, что дало результат в виде некоторой централизации союза.

Судебное регулирование отношений внутри союза происходило в афинском суде присяжных – гелиее.

Следует отметить, что в данном союзе Афины рассматривались не только как полис-гегемон, но и как своего рода столица союза. Однако в ходе Пелопоннесской войны после капитуляции Афин в 404 г. до н.э. союз распался.

В IV в. до н.э. на смену Первому Афинскому морскому союзу, но уже в меньших масштабах был образован Второй Афинский морской союз. Афины также преобладали в этом объединении, но уже в меньшей степени. Однако члены союза старались ограничить влияние Афин.

Высшей властью в союзе обладали афинское народное собрание и синедрион союзников, который состоял из представителей всех полисов-членов кроме Афин. В обязанность членов союза входило внесение в общую казну взносов (синтаксисов). Следует отметить, что синтаксис был меньше предыдущего фороса. Союз имел свой Устав, который было запрещено пересматривать.

Ещё одним крупным военно-политическим объединением являлся Пелопоннесский союз, сложившийся во второй половине VI в. до н.э. Большая часть полисов, входивших в состав союза, относилась к аграрным, со слабо развитым ремеслом и торговлей, а также с олигархическим устройством и консервативной политической программой. Однако в союзе также были полисы, являвшиеся крупными торгово-ремесленными центрами Греции – Коринф, Мегары, Ситон. Всё вышеперечисленное способствовало созданию в симмахии слабо централизованной структуры.

Высшим органом союза являлось собрание всех союзников, проходившее в Спарте под председательством спартанских эфоров. Решения союза утверждались апеллой. Каждый полис, независимо от его размера, имел один голос.

Одной из главных обязанностей членов союза являлось проведение совместных военных действий, каждый полис был обязан выставлять определённое количество воинов, конницу, корабли и вносить денежные средства. Каждый воинский контингент должен был обеспечивать себя продовольствием, снаряжением и оружием. Союзное войско возглавляли спартанские цари, флот – спартанские навархи.

Полисы, входившие в состав Пелопоннесского союза, обладали широкой автономией. Членство в симмахии было добровольным, выход – относительно свободным.

Симполитии – это этнически близкие полисы и племенные объединения, на основе старых племенных союзов. Их возникновение относят к V в. до н.э. Полисы, входившие в состав симполитий, передавали часть своих прерогатив высшему правительственному органу союза. Союзное собрание давало разрешение на объявление войны, заключение мира, союзов и договоров и сношений с другими государствами. Необычность этих союзов состояла в том, что они фактически были государственными объединениями федеративного типа, не имевшими полиса – гегемона. Наиболее известными и влиятельными были Беотийская, Фессалийская, Фокидская, Аркадская и Халкидская симполитии. Однако подробнее хотелось бы рассмотреть Этолийский и Ахейский союзы.

Этолия, находившаяся в одной из западных областей Греции, в период процветания Греции почти не участвовала в течение общей жизни. Однако ситуация меняется в эллинистический период, когда роль Этолийского союза, созданного ещё в классическую эпоху, значительно усиливается. В III в. до н.э. союз распространил свою власть почти на всю Среднюю Грецию, часть Фессалии и некоторые государства Пелопоннеса.

Этолийские горцы занимались сухопутными и морскими набегами, что привлекало их в непрерывные войны с соседями, в частности, с акарнанцами. Военное искусство этолийцев было развито слабо, но они прослыли своей храбростью, мужеством и стойкостью в бою. Этолийцы не знали наёмных войск, они сами несли военную службу, что отличало их от войск других греческих племён. Однако сами этолийцы часто были наёмниками и ценились среди всех прочих.

Точных сведений о возникновении федеративного образования этолийских общин нет, но с точностью можно сказать, что это произошло много раньше, чем усиление Этолийского союза во время подчинения греческих полисов Македонии, который смог отстоять свою независимость.

Члены союза были связаны между собой общностью религии, обычаев и языка. Главной целью Этолийского союза была война, поэтому он не посягал на независимость внутреннего управления своих членов, однако это не касалось вопросов внешней политики.

Общие собрания союза созывались один раз в год в г. Ферме в период осеннего равноденствия, который совпадал с празднеством в честь Аполлона. На собраниях обсуждались вопросы избрания должностных лиц союза, заслушивались и принимались их предложения, вопросы войны и мира, сношений с другими государствами, а также приём их послов. При крайней необходимости созывались экстренные собрания.

Каждый гражданин союзных городов обладал правом участия и голоса в собрании. Помимо этого, каждый союзный город имел представительство в совете определённым числом апоклетов, которые соответствовали числу жителей города и его значению. От количества апоклетов от города в совете зависело и его количество

голосов. Совет апоклетов созывался стратегами и решал наиболее спешные дела. Более того, совет апоклетов был наделён некоторыми судебными полномочиями.

Должностные лица союза избирались ежегодно осенью в общем собрании. Важнейшим из них являлся стратег (*strathgoV*), который являлся предводителем союзной армии, председателем в совете апоклетов и в общем собрании. Имя стратега ставилось в заголовке всех письменных документов союза. В связи с этим можно сделать вывод, что стратег являлся своеобразным высшим должностным лицом союза [1, с. 311].

В союзе существовали и другие должностные лица. Помощник стратега являлся предводителем кавалерий, а также мог занять место стратега. В союзе существовало подобие секретаря (*grammateuV*), который заведовал письменными делами союза, а также казначей (*tamiaV*). Упоминаются *potografoi*, которые назначались с целью пересмотра существующих узаконений союза и выработки, в случае необходимости, новых [1, с. 312].

Союз ахейцев с Антигоном Досоном для противодействия Клеомену III, стремившемуся поставить обновленную им Спарту во главе Пелопоннеса, сделал этолийцев противниками Ахейского союза.

Ахейский союз был создан в 281 г. до н.э. четырьмя полисами области Ахайя. Знаменательным событием для данного союза являлось вхождение в него в 251 г. до н.э. Сикиона – первого города, находившегося за пределами Ахайя, родом из которого был полководец и политик Арат. Благодаря Арату союз стал одним из сильнейших государств Греции, членами которого становились всё новые и новые полисы. В 243 г. до н.э. членом союза стал Коринф, в 234 г. до н.э. – Мегалополь, в 229 г. до н.э. – Аргос.

Ахейский союз временно находился в зависимости от Македонии. Однако благодаря союзничеству с Римом в начале II в. до н.э. смог вернуть своё могущество. В 192–191 гг. до н.э. в союз вошли Спарта, Мессения, Элида.

Ахейский союз занимал весь Пелопоннес и являлся самым крупным и сильным политическим образованием эллинистической Балканской Греции. В период наибольшего расцвета союз включал около 60 полисов.

Следует отметить, что Ахейский союз являлся наиболее ярким примером древнегреческого федеративного государства. Союзные власти были уполномочены решать только вопросы внешней политики, в остальном союзные полисы обладали широкой автономией. Граждане полисов, входивших в этот союз, обладали двойным гражданством – союзным и своего полиса.

Следует отметить, что государственное устройство Ахейского союза было умеренно-демократическим, однако с некоторыми элементами олигархии. Народные собрания союзников проходили раз в год. Допускался созыв чрезвычайных собраний. Правом принимать участие в собрании обладали все граждане союза, достигшие 30 лет.

Как и в Этолийском союзе главным должностным лицом являлся стратег. Повторное ежегодное переизбрание на должность стратега запрещалось. Его заместителем и начальником военной конницы являлся гиппарх. Важную роль в гражданской администрации играла коллегия из 10 дамиургов.

Полисы, входившие в состав союза, в государственном устройстве копировали союзные органы.

Почему же такие крупные и обладавшие серьёзной политической силой Этолийский и Ахейский союзы распались? Для ответа на данный вопрос можно выделить несколько причин. Во-первых, данные союзы обладали достаточно неоднородной внутренней организацией, в связи с чем нескончаемые объединительные войны и сепаратистская борьба членов-полисов привели к распаду данных структур.

Во-вторых, ещё одной причиной послужила непродуманная и непоследовательная внешняя политика союзов. В-третьих, это отношения с Римом, которые развивались по следующей схеме: дружественные связи союза с римлянами – разрыв отношений и начало конфликта между двумя сторонами – поражение греков ввиду явного неравенства сил и признание римского владычества. Следствием стало подчинение этолийцев Риму в 189 г. до н.э., а ахейцев – в 146 г. до н.э.

Таким образом, в VIII–IV вв. до н.э. в Древней Греции существовали различные организационно-правовые формы построения отношений между полисами. Ими являлись амфикинии, симмахии и симполитии. Рассмотрев особенности каждого из союзов, мы сделали следующие выводы: характерные черты таких союзов полисов как амфикинии и симмахии, на наш взгляд, позволяют сказать о том, что они являлись подобием международных организаций, даже если рассматривать этот термин в современном контексте. Свою точку зрения нам позволяет подкрепить следующий пример, которым выступает Второй Афинский морской союз. Данная симмахия была учреждена международным договором, имела постоянные выборные и исполнительные органы, общую казну, самостоятельно вступала в международные отношения, имела систему санкций в отношении членов. Что же касается симполитий, то их можно назвать прообразом федерации. В данных союзах отсутствовал полис-гегемон, существовало разделение властных полномочий между союзными органами и органами членов союза, двухуровневая структура органов управления – общие и членов союза, члены полисы имели двойное гражданство, а также они имели представительство на общих собраниях и широкую автономию.

Библиографический список

1. Латышев, В. В. Очерк греческих древностей : в 2 ч. / В. В. Латышев. – Санкт-Петербург, 1997. – Ч. I: Государственные и военные древности.
2. Щёкин, Ю. В. Межполисные и межплеменные союзы Древней Греции VIII–IV веков до н.э. / Ю. В. Щёкин // Теорія і практика правознавства. – 2016. – № 2 (10). – С. 1–13.
3. Бухарин, М. Д. История Древнего Востока / М. Д. Бухарин, И. А. Ладынин, Б. С. Ляпустин, А. А. Немировский. – Москва : Дрофа, 2009. – 699 с.
4. История Древней Греции / под ред. В. И. Кузищина. – Москва : Высш. шк., 1996.
5. Васин, И. В. Греческие союзы эпохи эллинизма в отражении современной отечественной историографии (1990–2010 годы) / И. В. Васин // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. – 2014. – № 2 (14). – С. 53–62.

УДК 342

В. С. Хромойкина, О. Д. Ширяева
*студентки, Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

V. S. Hromoikina, O. D. Shiryayeva
students, Penza State University, Penza

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ПОСЛЕДУЮЩАЯ РЕЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ*

THE MAIN STAGES OF DEVELOPMENT OF THE ROMAN EMPIRE AND THE SUBSEQUENT RECEPTION OF THE FOUNDATIONS OF THE STATE SYSTEM

Аннотация. Рассматриваются основы государственного устройства Рима в период Римской империи (27–476 гг. до н.э.). Исследуется последующее использование данных

* Научный руководитель – д.ю.н., д.и.н., проф. А. Ю. Саломатин.

основ построения государства такими странами, как Россия и Германия, а также соотношение их преемственности.

Ключевые слова: Древний Рим, режим принципата, режим доминанта, Диоклетиан.

Annotation. The article deals with the basics of the state system of Rome in the period of the Roman Empire (from 27 BC – 476 BC). The subsequent use of these foundations of state building by such countries as Russia and Germany, as well as the ratio of their continuity, is investigated.

Keywords: Ancient Rome, Principate mode, Dominant the Emperor Diocletian.

Если говорить о существующих в мире правовых системах, то выделяют две основные правовые семьи: англо-американскую и романо-германскую правовую семью. Россию многие ученые относят именно к романо-германской правовой семье, объясняя своё утверждение с тем, что, как и на Германию, так и на Россию было оказано непосредственное влияние Римской империи. Много исследований посвящено именно процессу рецепции римского права в семью романо-германской правовой семьи. Но нам бы хотелось провести исследование государственного аппарата Римской империи и показать рецепцию именно основ государственного устройства в Россию и Германию, в качестве основных стран-наследниц Римской империи, так как право и государство между собой тесно связаны и друг без друга существовать не могут.

Для того, чтобы понять какие принципы построения государства заимствовали Россия и Германия как прямые наследники Римской империи, необходимо исследовать основы построения государственного устройства данного периода существования Рима – период Римской империи (с 27 г. до н.э. – 476 г. до н.э.).

Задаётся логичный вопрос: почему именно Римская империя, а не римская республика или царский период оказали влияние на построение таких государств как России и Германии. На этот вопрос ответ достаточно прост. Дело в том, что именно Римская империя был последним периодом существования Римского государства, и при этом наибольшее значение для каждой из стран наследниц (Россия и Германия) стал распад Римской империи на Западную и Восточную, впоследствии Византию. Принято считать, что наибольшее влияние на Россию оказала именно Византия, а на Германию – Западная Римская империя. Однако действительно ли это так? А что если принципы основ государственного устройства были восприняты данными государствами из более ранней истории Римской империи, ещё до разделения в 395 г.?

В истории Римской империи выделяют 2 основных этапа: принципат (27 г. до н.э. – 284 г.) и доминант (284–476 гг.).

При этом III век считается переломным для Римской империи – это переход с промежуточной формы – «принципата» в форму неограниченной монархии – доминант.

И так стоит более подробно рассмотреть основы государственного устройства в Римской империи на данных периодах.

I. Принципат

К I в. н.э. сложившаяся политическая обстановка обусловила переход Рима от республики к империи. Неспособность Сената проводить реформы, направленные на устранение проблем, связанных с распределением земли и кризисом рабовладельческой системы, явилась причиной ослабления позиций коллегиального органа и необходимости решения назревших проблем посредством носителей чрезвычайных полномочий. В дальнейшем это перерастает в практику наделения почётным титулом «император», который изначально имел значение в военной сфере, а затем стал подразумевать под собой почётный государственный титул.

Рассматривая непосредственно сложившуюся в начале I века систему государственного управления, стоит отметить неоднозначный характер, сложившейся

формы. В связи с этим существуют две наиболее общие трактовки сложившейся формы правления в Риме на данном этапе. Сторонники первой считают, что власть принцепса имела немонархический характер и в Риме того периода сложилась своего рода двойная власть. Иные исследователи полагают, что Рим периода принципата можно отнести к абсолютной монархии. При этом Сенат как бы считается номинальным органом, не играющим как таковой роли [1].

Итак, рассмотрим устройство и распределение власти по существу.

В 27 году Сенат наделил Октавиана Августа статусом императора. Изначально титул императора предполагал возвышенное положение среди сенаторов и наделение правом первым высказывать мнение при обсуждении какого-либо вопроса в сенате. Кроме того, император наделялся и другими титулами, что позволяло ему осуществлять различные функции и по сути концентрировало в его руках огромный объем государственных полномочий. Так, в качестве цензора император имел право формировать сенат. Как трибун он осуществлял своего рода надзорную власть, например, мог прекращать деятельность какого-либо органа. Выступая в качестве консула, император мог определять направленность политической деятельности, а как диктатор осуществлял руководство армией. В условиях произошедшей консолидации власти в руках принцепса, деятельность сената со временем утрачивает своё исходное значение. В процессе развития и укрепления императорской власти полномочия урезались и по сути народные трибуны уже не могли противостоять окончательному переходу от республиканской формы правления к монархической. Значимым при этом являлся принцип возведения в титул императора. Если на начальных этапах принципата это полномочие в полной мере принадлежало сенату, то со времени правления Клавдия и его политики, направленной на формирование императорской династии, данная функция сената становится практически чисто формальной и утрачивает былое значение. Кроме того, существующие магистратуры со временем сливались с аппаратом принцепса [2].

Всё это явно свидетельствовало о переходе к монархической форме правления.

Окончательный и фактически официальный переход с принцепса к так называемой системе доминанта произошел в 284 г. Данное событие было связано с вступлением на императорский престол сына вольноотпущенника Диоклетиана. С приходом к власти он активно начинает реформировать систему государственного устройства Рима, делая упор на централизацию власти и окончательное утверждение неограниченных полномочий императора. Более того, система доминанта предполагала обожествление власти императора: он наделён властью не народом, а кем-то свыше в связи с чем его власть неоспорима и незыблема, как власть Богов.

II. Доминант

Политическая модель доминанта выглядела следующим образом: во главе стоял обожествляемый император, наделённый властью свыше, все остальные же являлись подданными и были обязаны беспрекословно подчиняться «доминиусу» (в переводе – господин). Помощниками «доминиуса» в управлении страной были разного ранга чиновники. Все они подразделялись в зависимости от рода занятий на гражданских и военных. Данный принцип построения политической модели неограниченной монархии был заимствован у Восточных государств. В дальнейшем при построении абсолютной монархии в различных европейских странах за основу был взят именно он.

Что касается экономической сферы, то тут появляется полный контроль со стороны государства. Вместо косвенных налогов вводится единый прямой налог, который является значительно выше, так как, и штат бюрократии, и сильная армия, которая была основой власти «доминиуса» (как прочем и любой другой абсолютной власти) требовали огромных средств для содержания.

Особого внимания заслуживает идеологическая основа новой системы. Сильной опорой абсолютной власти обожествляемого императора как правило должна была стать религия. Она играла бы роль политического оружия управления в руках абсолютного монарха. Однако Рим на тот момент был языческим. И императором Диоклетианом предпринимается попытка не установления новой религии, с целью создания новой опоры для новой власти, а наоборот восстановление (так как наблюдалось некоторое ослабление веры людей в Богов) римского язычества. Так летом 285 г. Диоклетиан присвоил титул Юпитера, что предполагало обожествление императорской власти, повышения его авторитета увеличение легитимности его неограниченных полномочий. При этом наблюдается удивительное историческое явление: представители христианства (новой на тот момент монотеистической религии) не преследуются, они занимают высокие посты, на них не распространяются какие-либо ограничения и т.д.

Но постепенно христианство усиливает свои позиции, создавая серьёзную конкуренцию власти императора. И в конце своего правления Диоклетиан всё-таки начинает преследование сторонников христианства.

Однако уже при императоре Константине христианство превратилось из религии преследуемой, в религию господствующую. По мнению Гиббонома, христианство для императора Константина было «бескровным средством» предотвращения внутренних междоусобиц. Сделав христианство опорой своей власти, император получил мощную поддержку в лице бывшего соперника [3].

Историки отмечают, что если Диоклетиан пытался бороться с христианской идеологией, тем самым уничтожить конкурента, то Константин, наоборот, выстроил такую систему, где христианская религия, будучи на тот момент уже сильной, структурированной, мощной организацией, стала опорой новой императорской власти. Однако и тот, и другой своей целью ставили укрепление централизованной власти монархии, укреплению её легальности и легитимности, вся разница лишь в подходах двух императоров-реформаторов к средствам достижения поставленной цели.

Данный принцип положения религии в качестве основы неограниченной власти был заимствован Киевским князем Владимиром для создания более сильного и централизованного государства с сосредоточением всей власти в руках именно Великого Киевского князя. Так А. П. Чуринова в своей статье «От княжества к империи: римское составляющее» отмечает: «В «слове о законе и благодати» Иллариона о Владимире говорится: «Ты, уподобившийся великому Константину по уму и христолюбию», а в «Повети временных лет» Нестора – «То новый Константин великого Рима, как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же... Удивления достойно сколько сотворил он добра Русской земле, крестив её» [4].

Все это также впоследствии явилось одной из причин возникновения теории «Москва – Третий Рим».

Также связь Рима и России можно увидеть и последующей истории России уже как империи при Петре I. Это, прежде всего, касается военной реформы. Когда преторианская гвардия была преобразована в дворцовую стражу, а сама армия разделилась на пограничные и маневренные войска. Для поддержания численности армии Диоклетианом вводится система рекрутских наборов. Каждый землевладелец обязан был предоставить от своего двора определённое число рекрутов. Профессия военный становится наследственной.

Все данные «нововведения» были также проведены в России царём Петром I в конце XVII – начале XVIII века. Также о том, что данные реформ Пётр брал именно из реформации Диоклетиана и его построении системы домината, т.е. формы правления абсолютной власти монарха, говорит то, что после проведения все реформ в России, Пётр I был объявлен императором, а Россия стала империей. Таким

образом напрямую видится связь России и Римской империи, а также реализация теории о том, что «Москва – третий Рим».

Если рассматривать историю другой наследницы Римской империи – Германии, то здесь также можно найти схожесть построения государственных основ на этапе построения централизованного государства с формой абсолютной монархии. Это относится к XI в. – образование Священной Римской империи германской нации. Даже само название государства подразумевает собой то, что фактически данное государство – это продолжение Римской империи.

Образование единого германского государства было связано с длительной борьбой германских королей за завоевание Италией. В 962 г. победу одержал король Восточно-Франкского (Германского) королевства Оттон I. Именно он стал первым императором Священной Римской империи германской нации. Однако полное название Германского государства сформировалось не сразу.

Впервые словосочетание «римский император» употребительно к германским императорам был упомянут при Оттоне II (973–983). Монархи Германского государства всегда претендовали на верховную духовную власть в Европе. До этого момента считалось что данный термин может быть употребляем только к Византийским императорам.

В 1157 году к словосочетанию «Римская империя» было добавлено «Священная», что также подчёркивало верховенство императора, его божественное происхождение и неограниченную власть, дарованную свыше. В данном явлении наблюдается то что, как и римские императоры, германские правители пытались основать и легализовать свою неограниченную власть на основе сильной религиозной идеологии.

Также этим германские правители хотели показать своё равенство с Византией на прямое наследие Римской империи. Данное событие можно также связать с расколом христианства в 1054 году на католичество и православие, который также отражал противостояние двух великих государств, упорно сражающихся за звание преемников Римской империи.

Что же касается «германской нации», то в титуле германского государства данное словосочетание стало употребляться лишь с середины XV, когда была потеряна большая часть негерманских земель.

Таким образом полное своё название и доказанность преемственности Римской империи Германское государство официально закрепило лишь в начале XVI века – в 1512 году, когда император Максимилиан I в своём официальном обращении к рейхстагу употребил полное название «Священная Римская империя германской нации».

Подводя итог проведённому исследованию, можно сказать, что сложившаяся за четыре века и действовавшая до распада система управления Рима явилась важной ступенью в развитии государственного управления. Несомненно, что рецепция римского опыта управления государством послужила значительной основой для формирования государственности германской нации и непосредственно России.

Библиографический список

1. Медовичев, А. Е. Рецензия на кн.: Егоров А. Б. Рим: от республики к империи // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 5. – 2018. – С. 16–24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/2018-02-002-egorov-a-b-rim-ot-respubliki-k-imperii-spb-nauka-2017-311-s-bibliogr-s-287-29>
2. Дрязгунов, К. В. Правовой статус и полномочия императоров Римской империи раннего принципата: династия Юлиев-Клавдиев и Веспасиан / К. В. Дрязгунов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 10. – С. 80–90.
3. Камнев, С. Н. Эдуард Гиббон о роли христианства в упадке и крушении западной Римской империи / С. Н. Камнев // Омский научный вестник. – 2010. – № 2 (86). – С. 54–56.

4. Чуринова, А. П. От княжества к империи: Римская составляющая / А. П. Чуринова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Политология. Международные отношения. – 2008. – № 17. – С. 177–181.

5. Прудников, М. Н. История государства и права зарубежных стран / М. Н. Прудников. – 6-е изд. – Москва : Юрайт, 2013. – С. 181–189.

УДК 342.24

Э. С. Карамышева
студентка, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

E. S. Karamisheva
student, Penza State University, Penza

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ИМПЕРСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ?*

WAS THERE A IMPERIAL FEDERALISM OF THE HOLY ROMAN EMPIRE OF THE GERMAN NATION?

Аннотация. Раскрывается сущность имперского федерализма Священной Римской империи германской нации. Предпринимаются попытки сопоставления терминов «имперский федерализм» и «федерализм»; рассматривается структура политической системы Германии в её взаимосвязи.

Ключевые слова: имперский федерализм, федерализм, Священная Римская империя германской нации, Золотая булла, Вестфальские мирные соглашения.

Annotation. The article reveals the essence of Imperial federalism of the Holy Roman Empire of the German nation. Attempts are made to compare the terms «Imperial federalism» and «federalism», the structure of the political system of Germany in its relationship.

Keywords: Imperial federalism, federalism, Holy Roman Empire of the German nation, Golden bull, Westphalian peace agreements.

Имперский федерализм – это усовершенствованное государственное устройство, при котором субъекты, такие как немецкие чины, были элементом имперской федеративной и европейской системы государства. Положительными чертами как идейно-политической и государственной системы имперского федерализма были конституционная гарантия прав субъектов, возможность разрешения путем бюрократического и судебного рассмотрения общественного напряжения, толерантность и веротерпимость.

Федерализм представляет собой достаточно интересную и отличительную модель территориально-государственного строительства, которая предусматривает один из высоких уровней децентрализации. Вместе с тем, федерализм присущ многим крупнейшим государствам. На протяжении двух последних столетий происходит постепенный переход к федерализму большинства новых государств, ведь федерализация это развивающийся процесс и он распространяется в ускоренном темпе.

В отличие от федерализма, имперский федерализм характерен более сложной иерархичностью её субъектов, то есть «имперских чинов», которые обладают совокупностью различных прав, обязанностей и полномочий, но полностью независимыми не являются.

* Научный руководитель – д.ю.н., д.и.н., проф. А. Ю. Саломатин.

Одной из отличительных черт немецкой государственности представляется то, что она всегда носила федеративный или союзный характер. В Германии федерализм стал развиваться постепенно в течение столетий и сейчас продолжает существовать в ФРГ. Поражение Германии во время мировых войн не привело к уходу от федерализма в данной стране.

Священная Римская империя германской нации – государственное образование, существовавшее с 926 по 1806 годы как союз феодалов, не сделавших ни шага к формированию единого государства и в этом смысле затормозивших формирование немецкой нации [1, с. 66].

Оттон I в 962 г. был коронован в Риме императорской короной, в итоге Германия получила статус Империи за счет его стараний. В образованную Священную Римскую империю германской нации, кроме Германии, вошли и Италия, и часть Южной Франции и территории Центральной и восточной Европы. В XI – первой половине XIII вв. Священная Римская империя германской нации составляла реальное государственное образование. Примерно во второй половины XIII в. единство германских государств было довольно непрочным. При Карле IV, который был не столько императором Священной римской империи германской нации, сколько чешским королем, в Германии продолжался процесс децентрализации власти [2, с. 367]. В первую очередь, Карл IV стремился к укреплению своего наследственного королевства Чехии. Пытаясь создать «тишину» в империи, он решился на отчаянный шаг и пошел на уступки князьям. Поэтому XIII в. характеризовался для Германии периодом феодальной раздробленности. И именно Карл IV закрепил феодальную раздробленность в дарованном им особым документе – Золотой буллой, которая была названа К. Марксом «основным законом немецкого многовластия» [3, с. 413].

Князья в меньшей степени желали укрепления Империи. В определенной степени это предопределило содержание Золотой буллы. Вместо вопросов связанных с государственным строительством, там рассматривались вопросы о заботе княжеских привилегий, конвое, рангах и местах на пиршествах. Золотая булла, накапливала знания предыдущих папских соглашений и законодательных актов, которые признавали права духовных и светских князей. Она вводила права для особой коллегии, состоящей из семи курфюрстов (князей) и архиепископов, на съезде выбирать императора, вводила принцип большинства при подсчёте голосов. Впервые это было изложено в официальном документе. Права становились наследственными и нераздельными с почетным статусом князей как независимых правителей. Золотая булла отразила в себе противоположные тенденции: одновременно короля избирали всего семь человек, но его избирали – власть не передавалась династическим путем [4, с. 65]. С 1438 г. корона империи перешла практически по наследству роду Габсбургов, он в то время обладал сильнейшей территориальной властью, поэтому данное положение имело всего лишь номинальный характер.

Всё более четко наблюдается преемственность современных федеративных структур Германии вместе с конституционно закрепленными институтами имперской власти, но так же отчетливо прослеживаются и отличительные особенности в связи с исторической ситуацией того времени.

Конституция Империи являлось рядом основополагающих законодательных актов, важными из которых была Золотая булла 1356 г. и Вестфальские мирные соглашения, которые фиксировали характер Империи в виде обороноспособного правового союза; избирательные отступления императоров. Золотая булла регулировала взаимоотношения в политико – правовой сфере, реформировала выборы императора и обеспечивала права имперских чинов.

Рассматривая органы имперской власти, важнейшим является законодательная власть, которая гарантирует единство её структуры, но вместе с тем

и конституционную обособленность территорий. Существовал общесословный конгресс имперских чинов – рейхстаг, он являлся органом представительства отдельных политических единиц. Рейхстаг осуществлял конструктивную роль в нормализации внутренних конфликтов в Германии и координации политических положений субъектов Империи.

В исполнительной власти, главными органами являлись институт императора и объединение имперских округов, через них разрабатывались решения рейхстага. Характерной чертой Империи стал выборный характер императора. Административными единицами для реализации имперского закона были округа, которые были созданы в виде организации-посредника между императором и императорскими чинами для сохранения общественного согласия.

Судебная Имперская власть характеризовалась наибольшей сложностью, она охватывала несколько повторяющихся друг с другом областей судопроизводства, но отличительной чертой которой является долгое и наиболее подробное рассмотрение судебных дел.

В 1648 году произошло подписание Вестфальского мира, где было определены одни из основных положений имперской конституции вплоть до конца существования Священной Римской империи германской нации.

Многие историки считают, что Вестфальский мир содействовал закреплению федеративных принципов. В. Васильев отмечает: «В результате этого Священная Римская империя германской нации превратилась в весьма свободное объединение отдельных государств. В рамках империи в Средние века существовало около 355 суверенных образований. Таким образом, в новое время государство в Германии формировалось не как единая империя, а на уровне самостоятельных государств» [5, с. 34–35]. Поэтому следует говорить о федеративном характере империи. Впоследствии, после краха Священной Римской империи Наполеоном при его участии был образован Рейнский союз, состоящий из 16 государств, и был подписан Акт Рейнского союза. Образование данного союза способствовало упрощению пестрой региональной структуры Империи в результате уничтожению более сотни мелких единиц. Это способствовало облегчению интеграционных процессов.

Свое наибольшее распространение феномен «имперский федерализм», смог получить в образовавшейся после подписания Вестфальского мира государственно-политической и конституционной системе Священной Римской империи германской нации. Но в начале XVIII в. данная система стала приходить в упадок, в итоге это закончилось окончательным распадом Старой империи в 1806 г.

В результате Вестфальских мирных соглашений Империя превратилась в объединение, но государственно-правовым единством оно не отличалось. За монархами сохранялся суверенитет как на реальную государственную власть, которая, все же, была подчинена власти Империи. По существованию двойной государственной власти немецкие правоведы определяют данное образование как монархию, которая имеет черты федерации. Несмотря на то, что в Империи XVII в. не было центральных и исполнительных инстанций, её конституционно-правовое единство было связано с работой общегерманского парламента и имперского суда.

Решающим фактором, которые повлияли на создание образа Империи, является процесс «глобализации» имперской политики. Его образованию, скорее всего, содействовал традиционный (не национальный) характер политической организации, стремление к универсализму. Следует подчеркнуть так же её чрезвычайно мирный и не агрессивный характер. В состав имперской федерации была возможность войти лишь на договорной основе, как и в наше время в Европейский Союз.

Таким образом, имперская государственно-политическая структура, которая была сформирована после Вестфальского мира 1648 г., была не в силах принять

новые перемены времени. Они связывались с процессом модернизации западноевропейских обществ, а так же измениться в соответствии с новыми вызовами время, которые были необходимы. В конце XVIII в. упадок системы «имперского федерализма» вызвал поиск новых моделей государственного устройства. Рейнский союз 1806 г. стал исследованием новой системы формирования германских земель, которая основана на принципах конфедерации.

Библиографический список

1. Языкова, А. А. Несвоевременные заметки о федерализме. Теория и практика федерализма: международный опыт / А. А. Языкова // Вестник Европы. – 2009. – № 26.
2. Павлов, Н. В. Германия на пути в третье тысячелетие / Н. В. Павлов. – Москва : Высш. шк., 2001.
3. Хрестоматия памятников по истории феодального государства и права стран Европы / под ред. В. И. Корецкого. – Москва, 1961.
4. Басовская, Н. И. Золотая булла / Н. И. Басовская // Знание – сила. – 1999. – № 1.
5. Васильев, В. И. История германского федерализма / В. И. Васильев // Новая и новейшая история. – 1998. – № 3. – С. 34–35.

УДК 342

М. А. Пупкова
студентка, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

М. А. Pupkova
student, Penza State University, Penza

ШВЕЙЦАРСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ В XIII–XVI вв.*

SWISS CONFEDERATION IN THE XIIIth–XVIth CENTURIES

Аннотация. Рассмотрены государственный и общественный строй Швейцарской Конфедерации, внешняя политика и причины победы и поражения швейцарской армии.

Ключевые слова: Швейцарская Конфедерация, швейцарская пехота, кантоны.

Annotation. The article discusses the state and social structure of the Swiss Confederation, foreign policy and the reasons for the victory and defeat of the Swiss army.

Keywords: Swiss Confederation, Swiss infantry, cantons.

Среди важнейших вопросов Швейцарии 13–16 вв. были внешнеполитические дела. Начав борьбу за свою независимость ещё в 13 в., швейцарцы в 14 и в 15 вв., приобрели благодаря своим военным успехам славу непобедимости [1, с. 35].

Говоря о внешней политике Швейцарской конфедерации 13–16 вв., следует упомянуть о герцоге Бургундии (до 1363 г. была частью Франции) Карла Смелого, военная и политическая деятельность которого неизбежно связывается с упадком рыцарской конницы и торжеством швейцарской пехоты. Однако следует отметить, что швейцарцы наносили поражения не только бургундцам, но и сама швейцарская пехота терпела поражения.

* Научный руководитель – д.ю.н., д.и.н., проф. А. Ю. Саломатин.

Причины конфликта Бургундии и Швейцарской конфедерации неоднозначны. Карл Смелый, явно переоценивая свои силы говорил: «Они [швейцарцы], не знают, что такое настоящая война. Мы им ее покажем». Это свидетельствуют как о недооценке противника, так и том, что Карл Смелый – неопытный полководец. Следует отметить, что в данный период военная организация швейцарцев была достаточно эффективна, хотя и не отличалась сложной структурой. Основой швейцарской армии была пехота, вооруженная длинными пиками и алебардами. Набор в армию осуществлялся по милиционному принципу. Всем жителям швейцарских кантонов необходимо было проходить военную подготовку. Однако в первых сражениях с рыцарской конницей традиционные алебарды оказались неспособны отразить ее атаку. Поэтому швейцарцы вооружились длинными и тяжелыми пиками, достигавшими шестиметровой длины. При отражении кавалерийской атаки пики упирали в землю, направляя их на врага. Швейцарцы также разработали новый боевой порядок пехоты, основной формой которого была «баталия», квадратная колонна, численность которой колебалась от 500 до 5000 человек. «Баталия» состояла из отдельных рот, которые набирались по швейцарским кантонам. Наступательный боевой порядок швейцарцев состоял из трех отдельных «баталий», построенных уступом. Сначала в бой вступал авангард, потом центральная «баталия», а третья служила резервом. Главным новшеством в этом боевом порядке было то, что «баталии» были способны энергично маневрировать на поле боя. Также в швейцарской армии были отряды арбалетчиков и стрелков из ручных кулеврин, которые должны были прикрывать «баталии» от вражеских стрелков, поскольку плотные массы пехоты были для них прекрасной мишенью. Кроме того, швейцарцев отличала суровая дисциплина, умение маневрировать, а также упорство и храбрость. Швейцарская пехота была нелегким противником, и недооценивать ее боевые качества было смертельно опасно [5, с. 5–8].

В результате битвы при Грансоне, произошедшей между швейцарцами и бургунцами, армия Карла Смелого потерпела поражение. Одной из причин была причинами стала слабая дисциплина, которая не позволяла перестраиваться в ходе сражения и эффективно использовать выбранную тактику. Следующим сражением, в котором опять встретились бургундцы и швейцарцы, была битва при Муртене. 22 июня 1476 г. Карл Смелый собрал еще более сильную армию численностью 18–20 тысяч человек, и 9 июля начал осаду Муртена, где оборонялся швейцарский гарнизон. Несмотря на большие усилия, бургундцам не удалось взять Муртен. На помощь гарнизону двигалась швейцарская армия численностью 26 000 человек. Как и ранее, при Грансоне, армию Карла Смелого охватила паника, и герцогу стоило больших сил спасти часть конницы и спастись самому. В этом поражении опять виноват сам герцог Бургундии, не организовавший разведку и не подготовивший свою армию к отражению атаки швейцарцев [2, с. 53–61].

Несмотря на колоссальные успехи над бургундцами, швейцарская пехота не была непобедимой. Это было доказано французами при Мариньяно в 1515 г. Слабым местом швейцарцев оказался приём французов, который заключался в том, что конница наносила удар за ударом по флангам швейцарских «баталий», а артиллерия била по фронту. В результате чего, швейцарцы были вынуждены останавливаться для отражения атаки кавалерии. Общие потери швейцарской пехоты составили 15 тысяч человек из 30 тысяч [3, с. 2–13].

В 16 веке Швейцарская конфедерация включала в себя 13 полноправных кантонов. Подвластные территории были результатом захватов 14–15 вв. Швейцарская конфедерация была цельным государством. В основном она состояла из лесных кантонов. Они характеризовались отсталой экономикой. Несмотря на это, были и городские кантоны, которые связывали Германию и Францию с Италией. Среди развитых

городов был Цюрих, чьи капиталисты принимали участие в предприятиях крупнейших фирм юго-западной Германии [4, с. 512].

Власть в отдельных кантонах принадлежала привилегированной верхушке. В лесных кантонах это были крупные землевладельцы, в городских кантонах – патрицианские роды, против которых вели борьбу ремесленные цехи и неродовитое купечество. Города мало-помалу захватывали власть в кантонах в ущерб деревенскому населению и стремились изменить порядок в своих интересах. Нередко крестьяне выражали недовольство против своих городов и их вождей. В городах неоднократно происходили восстания купечества и цехов против аристократии. В результате чего, общественный строй каждого кантона имел свои особенности [1, с. 36–37].

Таким образом, Швейцарская конфедерация на протяжении 13–16 вв. была сильным государством. Имея хорошо вооружённую армию, захватывала многие территории, тем самым увеличивая число своих кантонов.

Библиографический список

1. Фолькер, Р. История Швейцарии / Р. Фолькер. – Москва, 2013.
2. Калмыков, В. С. Герцог Бургундии Карл Смелый как военный организатор и полководец / В. С. Калмыков // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. – 2012. – № 3.
3. Гирченко, Т. В. Швейцарская армия 1300–1500 гг. / Т. В. Гирченко // Солдат. – 2000. – № 46.
4. Куркин, А. В. Рыцари: последние битвы / А. В. Куркин. – Москва, 2005.
5. Дельбрюк, Г. История военного искусства. Средневековье и Новое время / Г. Дельбрюк. – Смоленск, 2003.

УДК 321.013

М. В. Сизов
студент, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

M. V. Sizov
student, Penza State University, Penza

ДИНАСТИЯ МИН И ВХОЖДЕНИЕ ИМПЕРСКОГО КИТАЯ В СОСТОЯНИЕ КРИЗИСА *

MING DYNASTY AND THE ENTRY OF IMPERIAL CHINA IN TO A STATE OF CRISIS

Аннотация. Династия Мин – одна из величайших династий в Китае, правившая после отделения от монгольской империи Юань с 1368 по 1644 г. Несмотря на удачное правление первых императоров Минской империи, уже с конца XV в. Китай начал входить в состояние кризиса. Начался упадок с аграрных и экономических проблем. К ним прибавилась неудачная внешняя политика. Финансовый и демографический кризисы сыграли решающую роль в падении Великой Минской империи.

Ключевые слова: династия Мин, упадок имперского Китая, демографический кризис, финансовый кризис, аграрные проблемы, экономика.

Annotation. The Ming Dynasty is one of the greatest dynasties in China, having ruled since the separation from the Mongol Yuan Empire from 1368 to 1644. Despite the successful rule

* Научный руководитель – д.ю.н., д.и.н., проф. А. Ю. Саломатин.

of the first emperors of the Minsk Empire, from the end of the XVth century, China began to enter a state of crisis. The decline began with agrarian and economic problems. To them was added an unsuccessful foreign policy. The financial and demographic crisis played a decisive role in the fall of the Great Minsk Empire.

Keywords: Ming Dynasty, the decline of imperial China, the demographic crisis, the financial crisis, agrarian problems, the economy.

Шестнадцать императоров династии Мин правили Китаем с 1368 года по 1644 год на протяжении 276 лет.

Этот период характеризуется бурным развитием экономики Поднебесной. Стремительными темпами росло производство бумаги, фарфора и текстиля, продукции сельского хозяйства, добыча железа, строительство судов. Активизировался процесс экономического и культурного обмена со многими странами.

Во время правления династия Мин в Китае начали зарождаться первые зачатки капитализма и возникли товарно-денежные отношения, схожие с современными. В стране начали свою деятельность мануфактуры, которые стали использовать труд наемных работников. Начался стремительный рост производства товаров народного потребления. На территориях поселений, которые имели удобное географическое положение сформировались крупные коммерческие образования, возникли первые города, в которых постепенно сосредоточилась значительная часть населения империи [1, с. 76].

В начале правления династии Мин в Китае была проведена перепись населения, в ходе которой были определены размеры имущества каждого двора с целью дальнейшего установления налога и трудовых повинностей, приняты меры по привлечению крестьян к культивированию ввезенных с других континентов новых видов сельскохозяйственных культур – табака, томатов, арахиса и кукурузы.

Внешняя политика во время правления династии Мин была очень энергичной, что свидетельствовало о стремлении Китая утвердить себя истинным центром мировой цивилизации. Внешнеполитическая доктрина китайской империи, окончательно сложившаяся в рассматриваемый период, представляла весь окружающий мир как варварскую периферию, с которой приемлемы исключительно вассальные отношения [2, с. 80].

С конца XV в. положение дел в стране существенно ухудшилось, и Китай вступил в полосу затяжного кризиса. Кризис, охвативший все сферы деятельности, начался с изменений в экономике и социальной структуре страны и достиг своего пика в области внутренней политики.

Начался кризис с усложнения проблем в аграрной сфере. Росла численность населения, увеличивалось количество крестьян, не имеющих земли. Активно, путем скупки или взыскания за долги, шел процесс поглощения богатыми земель разорившихся крестьян, которые были вынуждены уходить с обжитых мест, либо оставались, но уже в новом социальном статусе арендаторов.

Это, в свою очередь, вело к уменьшению доходов казны, ведь взыскать с богатых налог, равный утерянному в связи с разорением крестьян, не представлялось возможным в связи с тем, что одни богатые имели налоговые льготы, а другие играли важную роль в местном самоуправлении, имели влияние в канцелярии уездного начальника и могли, используя связи, оптимизировать свои налоги. Правительство было вынуждено перекладывать налоговые нагрузки на всех остальных, вводить дополнительные поборы и пошлины, что было крайне невыгодно для казны по причине ухудшения положения налогоплательщиков и, соответственно, создавало угрозу экономике страны [6, с. 395].

Наиболее сложными оказались проблемы, связанные с взысканием земельного налога, который обеспечивал две трети доходов правительства. В 1385 году в начале правления Мин для каждой области были установлены соответствующие квоты. По мере роста и перераспределения населения, введения в оборот новых земель перед правительством встала задача грамотного соотношения размера налогов с реальным распределением богатства. Однако достаточно могущественное китайское правительство не смогло справиться с этой задачей. Как отмечено выше, богатые местные землевладельцы различными способами избегали какого-либо серьезного перераспределения налогового бремени.

Это привело к серьезным последствиям. Хотя размещенные в разных областях подразделения армии владели землей, чтобы прокормить общины солдат-крестьян, они зависели также от сбора местных налогов. Население росло, и общая нехватка продовольствия наряду с неправильным распределением налогов лишала армию пропитания и поддержки. Солдаты начали дезертировать, и к концу четырнадцатого столетия во многих подразделениях оставалась лишь десятая часть от положенной численности. До некоторой степени центральное правительство обошло эти проблемы, набрав наемников – как и в Европе, обычно это были люди, которых военная служба оставалась единственной альтернативой голодной смерти. Однако правительству пришлось столкнуться с возрастанием расходов на содержание наемников – в XVI столетии суммы выросли в восемь раз, поскольку численность армии на северной границе возрастала, и для нее требовалось все больше дорогостоящего огнестрельного оружия [5, с. 257].

До начала 1590-х годов доходов едва хватало на покрытие этих затрат. Затем в течение нескольких лет правительству удалось накопить большие резервы благодаря развитию торговли и притоку серебра из Америки. Однако запасов все же было недостаточно для финансирования длительной и весьма дорогостоящей войны в Корее в 1593–1598 годах, когда туда вторглись японцы во главе с Хидэёси. Хотя китайцы одержали победу, государство осталось почти без денег. Попытка поправить дело путем введения новых налогов и увеличения существующих привела к растущему недовольству и ряду мятежей, как в деревнях, так и в городах.

В конце XVI века широкое распространение получило книгопечатание, благодаря которому существенно увеличилось число кандидатов, желающих сдать экзамены на прохождение гражданской службы. В связи с тем, что количество государственных должностей оставалось прежним, возникла масса людей, не имеющих возможности трудоустроиться в аппарат управления.

Правящая элита продолжала ускользать от уплаты налогов, перекладывая налоговое бремя на мелких землевладельцев и сокращая финансирование предотвращения наводнений. Положение аграрного сектора стало резко ухудшаться после многочисленных засух.

Мелкопоместное дворянство лишало крестьян права выкупа заложенной земельной собственности. Крестьяне строили себе жилища в лесах юго-запада и становились разбойниками. Это приводило к постоянным столкновениям с аборигенными племенами.

Внешняя политика была в еще более упадочном состоянии. Война в Корее показала некомпетентность китайского военного руководства.

В конце XVI века в стране разразился финансовый кризис, вызванный резким дефицитом основного платежного средства – серебра. Причиной дефицита была каперская война между протестантскими властями Голландии и Британии против католических держав – Испании и Португалии. Голландия и Британия пытались в ходе военных действий ослабить их глобальное экономическое влияние. Одновременно принимались меры, направленные на противодействие контрабанде серебра

из мексиканских и перуанских рудников. Испания пыталась добиться монополии на торговлю с Китаем. Одновременно с этим Япония практически прекратила торговые отношения с европейскими державами, чем перекрыла ещё один источник поступления серебра в Китай. Несмотря на это поставки серебра из Японии продолжались, хоть и в значительно меньшем количестве, потеря же южноамериканского серебра была гораздо более существенной.

Все это произошло примерно в одно время, и совместное воздействие всех этих факторов вызвало резкий подъем цен на серебро, в результате чего многие из китайских провинций не смогли выплачивать в казну причитающиеся с них налоги. Количество серебра на рынке уменьшалось и росла инфляция медных денег. В 30-х годах 17-го века за тысячу медных монет давали унцию серебра; в 40-х годах цена тысячи монет снизилась до половины унции; а к началу 1643 года составляла приблизительно треть унции. Налоги крестьяне должны были вносить серебром, а за ремесленную и сельскохозяйственную продукцию платили медью. Это вело к практическому разорению крестьян [4, с. 468].

Еще одной причиной кризиса был значительный демографический рост. Население Китая в начале XVII века стало в 3–4 раза больше по сравнению с концом 14 века.

Стремительный рост населения, обнищание деревни и бесконечные стихийные бедствия резко обострили продовольственную проблему. Зерно дорожало. Крестьяне-владельцы массово разорялись и превращались в арендаторов, которых ожидала высокая арендная плата. Удивительно, но при этом в Китае расцветали города за счет притока свободной рабочей силы: развивалось ремесло, шахты, рудники, транспорт. Но далеко не все ушедшие в города могли найти работу. Часть из них пополняла ряды нищих, воров и бандитов. Женщины становились служанками, рабынями или проститутками. На севере Китая произошел так называемый «Малый Ледниковый период». Зимы стали долгими и суровыми. В промежутке между ними урожай не успевал вызревать, что вызвало массовый голод.

Растущие налоги, массовый голод, постоянные перестановки в чиновничьем аппарате, нескончаемые наводнения, коррупция, репрессии среди военных, а также неспособность правительства грамотно руководить ирригационными работами – всё это привело к высокой смертности, обнищанию и всемерному ожесточению населения.

Само правительство, практически лишённое налоговых поступлений, не могло бороться с обрушившимися на страну бедствиями. Ситуацию еще более усугубила эпидемия, охватившая всю страну.

В 20-х годах XVII века правительство Мин было вынуждено призвать в армию жителей разных районов Китая, так как возможности содержать армию наемников уже не было. Это вызвало крайне негативную реакцию и привело к многочисленным волнениям во многих приграничных районах Китая [3, с. 490].

Происходили периодические конфликты между свнухами, фаворитами и администраторами. Постоянно организовывались покушения и заговоры против императора.

Из-за смещения торговых путей, ведущих к Центрально-Азиатским регионам, произошло восстание мусульман в северо-западных провинциях.

Плохая погода также внесла свою лепту в упадок имперского Китая. В 1627–1628 годах в северном Китае были бесконечные засухи и неурожаи. Они вызвали создание больших банд, рыскавших по сельской местности и грабящих города. Эти банды состояли из крестьян, дезертиров и солдат, уволенных из-за того, что им нечем было платить. В 30-х годах, из-за ухудшающейся обстановки в деревнях, эти

банды начали разрастаться по всей стране. Правительство не могло мобилизовать достаточно сил для подавления этих восстаний [7, с. 291].

К началу 40-х годов XVII века имперский Китай был на грани краха. В северном Китае вожди повстанцев намеревались сместить правителей Мин, поскольку сами захватывали все большую территорию и создавали на ней свою администрацию. В феврале 1644 году Ли Цзычен в своей столице Сиань провозгласил новую династию Шунь. Два месяца спустя его войска вошли в Пекин, и последний император Мин Чунчжэнь покончил с собой. В сентябре 1644 года бывший солдат Чжан Сяньчжун, управлявший Сычуанью, создал «Великое царство Запада».

Библиографический список

1. Бокщанин, А. А. История Китая в период Мин (1368–1644) в отечественной историографии / А. А. Бокщанин // Общество и государство в Китае : XXXLII науч. конф.: К 100-летию со дня рождения Л. И. Думана / сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен ; Ин-т востоковедения. – Москва : Восточная литература, 2007. – С. 71–82.
2. Булдыгерова, Л. Н. История Китая : учеб. пособие / Л. Н. Булдыгерова. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. – 168 с.
3. Вальдман, А. Б. Грэй Джон Генри. История Древнего Китая / А. Б. Вальдман ; пер. с англ. – Москва : Центрполиграф, 2006. – 606 с.
4. История Востока. Т. III: Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. – Москва : Восточная литература, 2000. – 696 с.
5. История Китая : учебник / под ред. А. В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2002. – 736 с.
6. Китай во второй половине XIV–XV в. История Востока : в 6 т. – Москва : Восточная литература, 2000. – Т. 2. – 716 с.
7. Китай в XVI – начале XVII в. // История Востока : в 6 т. – Москва : Восточная литература, 2000. – Т. 3. – С. 268–301.

УДК 342

Е. С. Ермакова
студентка, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

E. S. Ermakova
student, Penza State University, Penza

СОЮЗ ГЕРМАНСКИХ ГОРОДОВ*

UNION OF GERMAN CITIES

Аннотация. Рассматриваются особенности развития германских городов и их историческое значение для окружающих государств.

Ключевые слова: Ганза, Любек, город, союз городов, Висби.

Annotation. The article discusses the features of the development of German cities and their historical significance for the surrounding states.

Keywords: Hansa, Lübeck, city, union of cities, Visby.

Расцвет германских городов связан, прежде всего, с развитием торговли. Еще с начала IX века торговля была не безопасным занятием. Так, Генрих I, первый

* Научный руководитель – к.и.н., доц. Е. В. Наквакина.

король сакского происхождения, уделял этому направлению большое внимание. Именно поэтому он основывал новые города и даровал им известную самостоятельность и некоторые привилегии. Кроме того, он является родоначальником морской торговли. Понимая значимость и возможный масштаб установления морских торговых связей, он охранял ее от усилившихся в то время морских разбоев датчан, однако не при помощи флота, а посредством победоносного похода, в ходе которого датский король сделался его данником.

В целом развитие морской торговли – это всё-таки дело, непосредственно германских мореплавателей, которые начиная с IX в. активно торговали с Англией, северными государствами и с Россией, причем, всегда на вооруженных торговых судах. Англия первая из партнёрских стран оценила выгоды от торгового союза с Германией и около 1000 г. сакским королём Этельредом были дарованы значительные преимущества германским купцам в Лондоне. Как свидетельствуют источники, особенно процветала в то время торговля с Кёльном – рейнскими винами [1, с. 5].

Кроме того, этот период имел важное значение для германского мореплавания. В 1158 г. город Любек, быстро достигший блестящего расцвета вследствие усиленного развития торговли в Балтийском море, основал германскую торговую компанию в Висби, на Готланде. Выгодное географическое положение этого города способствовало тому, что в него стали заходить все суда, и, таким образом, он приобрел большое торговое значение.

Одновременно купцы из Бремена начали освоение побережья Рижского залива, чем положили начало колонизации прибалтийского края, который долгое время был сферой влияния Германии, но впоследствии, оно было утрачено. Начинания германских торговцев-мореплавателей не прошло бесследно. Именно им принадлежит начало образования торговых компаний – Ганзы. Обращаясь к этимологии слова «ганза» – нами обнаружено, что оно фламандско-готского происхождения и обозначает «товарищество», т.е. «союз для определенной цели с определенными взносами».

Так, первая ганза возникла во Фландрии, где в 1200 г. в городе Брюгге. В данное товарищество входило 17 городов, с определенным уставом, оно вело оптовую торговлю с Англией.

Как уже сказано выше, образование немецкой ганзы связано с Висби, где в 1229 г. германские купцы многих германских торговых городов, в том числе портовых городов Любека, Бремена, Риги и Гренингена и некоторых внутренних городов, как, например, Мюнстера, Дортмунда, Зеста, заключили договор со смоленским князем. Так, германские купцы впервые заявили о себе, как «общество германских купцов». Слово «ганза» вошло в употребление значительно позже.

Таким образом, Висби получил преимущество перед немецкими городами, но преимущество это вскоре перешло к Любеку, который в 1226 г. сделался вольным имперским городом и изгнал датский гарнизон, а вскоре одержал блестящую морскую победу. Этот крупный успех, дал городу право занять лидирующее положение. Вскоре в 1241 г. Любек заключил с Гамбургом союз с целью охраны путей сообщений по морю. Таким образом, зарождаются морская полиция, главной функцией которой является надзор за морской торговлей, а эти два города взяли на себя одну из главных задач – содержание военного флота.

Торговое же искусство и доверие, заслуженное «обществом германских купцов» создали для германцев во всех местах, где они торговали, преимущественное положение и широкие привилегии: в Брюгге во Фландрии, в Лондоне, в Бергене

в Норвегии, в Швеции, а также и России, где в то время возник очень большой торговый центр в Новгороде, связанном водным сообщением с Невой [2, с. 4].

В каждом из этих городов у германцев имелась своя контора, им принадлежали большие подворья и даже целые городские кварталы, пользовавшиеся особыми правами, и убежища с собственной юрисдикцией. В этих конторах жили и учились у старых, опытных купцов молодые германские купцы, которые здесь приобретали навык в торговых делах и житейский опыт, а также политические и личные связи, в которых они нуждались для того, чтобы впоследствии самим стать во главе торгового дома или даже родного города и Ганзы. Сюда часто приезжали с родины также крупные купцы и арматоры, которые в те времена часто лично производили более значительные закупки.

В это время Любек, как естественный глава союза, начал заключать, самостоятельно, от имени «всего купечества римской империи» договоры, в которых устанавливались одинаковые преимущества для всех немецких городов. В этом заключался широкий и благородный государственный взгляд на дело и сознание общности национальных интересов.

Не смотря на то, что Любек был центром германской торговой ганзы, в разное время объединявшей разное количество германских городов, особенностью этого сообщества являлось то, что оно не имело постоянной организации – ни центральной власти, ни общей вооруженной силы, ни флота, ни армии, ни даже общих финансов [3, с. 2–3].

Подчинение Любеку было вполне добровольно, так как его бургомистры и сенаторы считались наиболее способными вести дела, а вместе с тем этот город взял на себя связанные с этим расходы на содержание военных кораблей. Входящие в союз города были удалены друг от друга и отделены не принадлежавшими к союзу, а часто даже враждебными владениями.

Таким образом, ганзейским городам приходилось защищаться не только от внешних врагов, так как все морские державы были их конкурентами и охотно бы их уничтожили, но и против собственных князей. Поэтому положение союза было крайне тяжелое, и ему приходилось вести умную и осторожную политику по отношению ко всем заинтересованным властителям и искусно пользоваться всеми обстоятельствами, чтобы не погибнуть и не дать распасться союзу.

Удерживать в составе союза города, приморские и внутренние, разбросанные на пространстве от Финского залива до Шельды, и от морского берега до средней Германии, было весьма трудно, так как интересы этих городов были очень различны, а между тем единственной связью между ними могли служить именно только общие интересы. Однако союз имел одно принудительное средство – исключение из него, что влекло за собой запрет всем членам союза иметь какие-нибудь дела с исключенным городом и должно было прекратиться с ним всякие отношения.

Данной меры остерегались, прежде всего портовые города. Так в 1355 г. Бремен, который был исключён за стремление к обособлению, начал нести громадные убытки, а через три года вынужден был просить о принятии его в союз снова.

Союз германских городов – это достаточно масштабная территория. В результате города союза делились на три района:

1) Восточная, Вендская область, к которой принадлежали Любек, Гамбург, Росток, Висмар и Померанские города – Штральзунд, Грейфсвальд, Анклям, Штеттин, Кольберг и др.;

2) Западный Фризско-Голландский район, в который входили Кёльн и Вестфальские города – Зест, Дортмунд, Гронинген и др.;

3) и, наконец, третий район состоял из Висби и городов, лежавших в Прибалтийских провинциях, как, например, Рига и др.

Ганза была продуктом своего времени, причем обстоятельства особенно благоприятно складывались для нее. К этому стоит добавить, что германские приморские города, и во главе их Любек, отлично понимали значение морского могущества и не боялись затрачивать средства на содержание боевых кораблей.

С распространением морского разбоя и пиратства Ганзейский союз возложил на себя задачу борьбы с этими негативными явлениями. Однако стоит отметить, что нередко и сами ганзейские купцы прибегали к пиратству и разбою. Случалось, что ганзейский съезд выносил решение о проведении какой-нибудь вооруженной операции, в которой на стороне Ганзы должны были быть использованы более или менее открыто пираты. Одновременно на этом же съезде принималось другое решение, направленное на искоренение пиратства на Балтике. Это объясняется, прежде всего, тем, что ганзейские купцы, ориентировались в своей политике на крупную международную торговлю, а потому стремились, чтобы она, по возможности, не встречала препятствий, для устранения которых использовались различные средства.

Руководители Ганзы очень искусно пользовались благоприятными обстоятельствами, чтобы забрать в свои руки торговлю на Балтийском и Северном морях, сделать из нее свою монополию. Устранив все другие народы, и, таким образом, получив возможность по собственному усмотрению устанавливать цены на товары они старались приобрести в государствах большие привилегии. Так, например, к таким привилегиям можно отнести: право свободно устраивать колонии и производить торговлю, освобождение от налогов на товары, от поземельных налогов, право приобретать дома и дворовые места, с представлением им экстерриториальности и собственной юрисдикции.

Так, вследствие привилегий, которыми пользовалась Ганза, с Балтийского моря совершенно исчезла скандинавская и русская торговля, а английская заняла второстепенное место – Ганза властвовала от Невы до Нидерландов над морем и над торговлей.

Значение и само существование Ганзы основывалось на том, что она была необходима для окружающих государств, как посредник в доставке нужных товаров, отдачей внаем судов, ссудами денег и т.п. Таким образом, многим государствам были выгодны отношения с германскими приморскими городами.

Библиографический список

1. Штенцель, А. История войн на море / А. Штенцель. – Москва : Изографус, 2002. – Т. 1.
2. Назаренко, Н. И. Влияние городского права Германии на регулирование торговых отношений в Великом Новгороде в XII–XVII вв. / Н. И. Назаренко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 4.
3. Аборвалова, О. Н. Европейская торговля в эпоху Средневековья / О. Н. Аборвалова // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 2 (06).

Д. Е. Бродягина
студентка, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

D. E. Brodyagina
student, Penza State University, Penza

РЕСПУБЛИКА СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ В НИДЕРЛАНДАХ В 1579–1795 гг.*

REPUBLIC OF THE UNITED PROVINCES IN THE NETHERLANDS 1579–1795

Аннотация. Рассматриваются процесс становления Республики Соединенных провинций в Нидерландах, механизм осуществления государственной власти в стране. Особое внимание уделяется противостоянию двух основных ветвей власти (пенсинария и статхаудера). Также освещаются аспекты экономического положения и военной политики страны, повлиявшие в дальнейшем на развитие государства.

Ключевые слова: Республика Соединенных провинций, конфедерация, государственное устройство, Генеральные штаты, пенсинарий, статхаудер.

Annotation. This article discusses the process of the formation of the Republic of the United Provinces in the Netherlands, the mechanism for exercising state power in the country. Particular attention is paid to the confrontation of the two main branches of government (pensioner and stathouder). The article also covers aspects of the economic situation and the country's military policy, which further influenced the development of the state.

Keywords: Republic of the United Provinces, confederation, government, States-General, pensioner, stathouder.

Республика Соединенных провинций в Нидерландах возникла в результате восстания против испанского владычества в Нидерландах. Республика Соединенных провинций стала первой республикой, возникшей в Западной Европе в Новое время. Новообразованное государство являлось конфедерацией, в состав которой вошли семь не схожих между собой исторических областей: герцогство Гелдерн, приморские графства Голландия и Зеландия, сеньория Фрисландия, провинция Утрехт, а также бедные восточные провинции Оверэйссел и Гронинген.

Начало образования Республики Соединённых провинций было положено 23 января 1579 года, в день подписания Утрехтской унии. Однако данный союз провинций не был сразу поддержан Вильгельмом Оранским², так как он надеялся на присоединение к нему и южных провинций и хотел продолжить борьбу против Испании. Отложившимся северным провинциям предстоял еще довольно трудный путь, прежде чем они стали Республикой Соединенных провинций, но их фактическая автономия непреклонно перерастала в разрыв с югом страны.

Так, Филиппом II³ в июне 1580 г. был опубликован «Бан и эдикт», особо важный указ, направленный против Вильгельма Оранского. Согласно документу, он был обвинен в развязывании в стране беспорядков и объявлен государственным преступником. В ответ Вильгельмом Оранским была написана знаменитая «Апология»

* Научный руководитель – к.и.н., доц. О. Е. Шевнина.

² Первый штатгальтер Голландии и Зеландии. Лидер движения за независимость голландских провинций от Филиппа II, короля Испании.

³ Король Испании из династии Габсбургов. С 1556 г. стал герцогом Нидерландов и обладателем всех заморских владений Испании.

(«Защита»). В данном документе он опровергал содержащиеся в «Бане» обвинения в свой адрес и описывал правонарушения и преступления испанского режима и самого Филиппа II. Решающим же шагом в данном «конфликте» стало заявление Генеральных штатов, в котором Филипп II отныне не признается сувереном. Акт о низложении Филиппа II, как тирана, поправшего обычаи и законы страны, был подписан 26 июля 1581 г. Это был окончательный разрыв объединившихся северных провинций с Испанией [1, с. 140].

После отстранения Филиппа II Генеральные штаты долгое время искали нового суверена, но все попытки не увенчались успехом. Вследствие этого в 1588 году Генеральные штаты сосредоточили в своих руках полное управление страной. Это событие фактически положило начало Республике Соединенных провинций, официального провозглашения которой никогда не было [1, с. 144].

Союз северных нидерландских провинций, конституцией которого с 1585 г. фактически была Утрехтская уния, стал именоваться «республикой» потому, что относился к числу немногих европейских государств, во главе которых не стоял монарх. Объединение семи государств не являлось единым целым, так как это был союз государств на основе конфедерации с общими органами управления, где заседали депутаты от каждой провинции. Самой богатой и мощной провинцией являлась Голландия, она имела существенное превосходство над другими. Именно это являлась причиной того, что Республику Соединенных провинций часто начали называть Голландией.

Республика Соединенных провинций являлось буржуазным, парламентским государством, в котором с первых дней существования вся полнота власти принадлежала Генеральным штатам, которые считались одним из старейших органов сословного представительства в Европе [2, с. 100]. Генеральные штаты являлись однопалатным парламентом. Генеральные штаты издавали законы, вотиrowали налоги, осуществляли управление зависимыми от Республиками землями, заключали международные договоры, а также решали вопрос войны и мира. Собственно, что касается состава Генеральных штатов, то он формировался из депутатов от Провинциальных штатов. Число депутатов не было ограничено, однако при этом каждая провинция имела один голос независимо от численного состава делегации. Любое важное решение могло быть принято только на основе единогласия, по некоторым вопросам велись длительные споры и запрашивались мнения штатов провинций, что в свою очередь сильно тормозило работу Генеральных штатов. В этом же проявлялась и слабость конфедеративной власти.

Главную роль в аппарате Генеральных штатов играл великий пенсионарий Голландии. Он являлся главой исполнительной власти самой богатой провинции Нидерландов. Изначально это был государственный адвокат, защищавший интересы Голландии в Генеральных штатах, однако позднее он стал председателем голландских штатов и постепенно объединил в своих руках все важнейшие вопросы государственного управления Соединенными провинциями. Срок полномочий великого пенсионария составлял 5 лет. Он избирался из числа наиболее видных представителей голландской купеческой олигархии. Великий пенсионарий готовил и вносил предложения в Генеральные штаты, вел их заседания, ведал финансами и внешней политикой Республики.

Вторую ступень в аппарате Генеральных штатов занимал секретарь, ведавший всем делопроизводством.

Важное место в управлении государством занимал статхаудер. Статхаудеры из дома Оранских-Нассау обладали большой военной и административной властью и занимали обычно этот пост сразу в нескольких провинциях. Но в мирное время их права не были четко определены. Статхаудер мог участвовать в заседаниях Генеральных штатов, но первоначально права голоса не имел. Также статхаудер занимал

должность председателя Государственного Совета, который был сформирован Генеральными Штатами. В отсутствие статхаудера его замещал великий пенсионарий. Государственный совет составляли 12 депутатов, которые ведали военными делами и финансами. Однако к началу XVIII в. этот орган управления практически утратил свое влияние, и большинство его полномочий перешло Генеральным штатам [1].

Во внутренних делах каждая провинция была самостоятельна. Внутренние дела провинций находились в ведении Провинциальных штатов. Они формировались из депутатов от городских советов. Городские советы, в свою очередь, состояли из 30–40 избранных пожизненно членов (представителей слоя богатейших купеческих семей).

Проанализировав организацию власти, можно смело утверждать, что механизм управления государством был достаточно сложен. Конфедеративная власть была достаточно слаба, поэтому практически сразу началось противостояние двух ветвей власти, возглавляемых великими пенсионариями Голландии и статхаудерами из династии Оранских-Нассау [3, с. 75].

Громкое противостояние происходило между пенсионарием провинции Голландии Йоханом ван Олденбарневелтом и статхаудером провинций Голландия и Зеландия Морицем Нассауским. Одной из важных причин конфликта между двумя ветвями власти являлась внешнеполитическая деятельность Олденбарневелта. Успех в военных действиях пенсионария привели к обеспечению Республике достаточно выгодные условия для заключения мира с Испанией, но Мориц Нассауский был против этого, так как и несколько лет назад Вильгельм Оранский, надевшийся на освобождение от испанского гнёта Южных провинций с целью сохранения целостности государства. Однако окончательные решения могли принимать только Генеральные штаты совместно с пенсионарием, так в 1609 году было заключено двенадцатилетнее перемирие с Испанией [3, с. 78].

Также немаловажным аспектом инцидента между пенсионарием Йоханом ван Олденбарневелтом и статхаудером Морицем Нассауским являлась борьба за власть. Во время перемирия Мориц Нассауский, стремясь, стать главой государства, положил начало борьбы за достижения верховной власти в Республике с целью формирования унитарного государства, централизации государственной власти. Олденбарневелт был против этого, так как он являлся приверженцем предоставления автономии провинциям в рамках Республики. Только в четком и гармоничном взаимодействии федеральных и провинциальных структур, разделении политической власти Штатов и военных функций статхаудера, он видел средство для бесперебойной работы республиканской государственной машины, сохранения единства отложившихся областей и свободы совести на территории республики [3, с. 78]. Решающим моментом в данной борьбе стала попытка государственного переворота со стороны Морица Нассауского, в результате которой 29 августа 1618 г. Олденбарневелт и его соратники были арестованы. Олденбарневелт был обвинен в государственной измене, а 13 мая 1619 года он был казнен в Гааге на площади в Бинненхофе. Сам же Мориц Нассауский умер уже через два года, после казни Олденбарневелта. После смерти Морица Нассауского главнокомандующим армии и флота стал его сводный брат Фредерик Хендрик, принц Оранский. Уже в 1625 году он становится статхаудером в Голландии, Зеландии, Утрехте, Гелдерланде и Оверэйсселе. Заслугой Фредерика Хендрика является успешное завершение борьбы за независимость Соединенных провинций от Испании. Его завоевания позволили заложить основные линии границы между Северными и Южными Нидерландами. Во время статхаудерства, а в действительности практически монархического правления Фредерика Хендрика, роль пенсионария Голландии в республике значительно снизилась, а Генеральные штаты были фактически отстранены от решения внешнеполитических вопросов. Позиции

статхаудера, наоборот, довольно таки усилились, и уже в 1748 г. статхаудерство было объявлено передающимся по наследству, а принцы Оранские с этого времени титуловались статхаудерами Соединенных провинций.

Таким образом, несмотря на все трудности управления государством, Республика Соединенных провинций просуществовала достаточно длительное время, благодаря существовавшему в стране постепенно отлаженному механизму сдержек и противовесов, не позволявшему одной ветви государственной власти возобладать над другой. Молодое государство очень быстро заняло прочные позиции среди могущественных мировых держав. Прежде всего, этому способствовала активно развивающаяся экономика страны, в результате которой в середине XVII в. Соединенные провинции по своему экономическому потенциалу опередили все страны европейского континента. Приморское положение обеспечило стране развитое судостроение. Две сотни верфей обеспечивали кораблями почти все европейские страны [4, с. 67]. Именно развитое кораблестроение обусловило главную специализацию Республики Соединенных провинций. Ею стала торговля. Центр европейской коммерции сосредоточился в Амстердаме, так как он обладал преимущественным положением в образовавшейся системе морских и речных коммуникаций. Республика, свободная от монархического и религиозного гнета, становилась привлекательным местом проживания для населения других государств. Приток малоимущих, но умелых ремесленников и предпринимателей значительно укрепил и расширил средний слой голландского общества. Амстердам, вдвое увеличив территорию и население, перевоплотился в международный торговый центр [5, с. 44, 64, 65]. Республика установила торговые связи со странами Западной Африки, Южной Америки, Карибского бассейна и Юго-Восточной Азии. Обладая 60 % мирового торгового флота, Республика Соединенных провинций трансформировалась в мирового перевозчика [6, с. 61].

Таким образом, благодаря торговле, Республика имела устойчивое положение на международной арене. Но, к сожалению, экономический подъём страны продержался недолго, уже в конце XVII в. начинается экономический застой страны. Уже в конце XVIII в. Северные Нидерланды отставали от Англии во внедрении фабрик. Это совпало с чередой неудачных для Республики англо-голландских войн [7, с. 17].

С 1780 г. в очередной войне Республика терпит поражение за поражением от англичан. Морская блокада оборвала торговлю страны. Широкие слои населения, в том числе и промышленная буржуазия, обвиняли правящие круги регентов во главе со статхаудером Вильгельмом V в предательстве и неготовности к войне. Развернула пропаганду партия «патриотов» или же «батавов», придерживающихся идеалов Просвещения. После пропаганды «патриоты» перешли к делу: стали вооружаться, создавать городскую милицию. И уже в 1787 г. сопротивление народной милиции было сломлено. Но в 90-е годы в ходе революционных войн Франции «патриоты» вернулись [7, с. 17–18].

Таким образом, неудачи в войне с Англией и разгром оранжистами движения «патриотов» привели к усилению в республике профранцузских настроений. Отчасти это стало причиной того, что в 1795 г. Соединенные провинции были оккупированы французскими войсками, а на их территории провозглашена Батавская республика, созданная по французскому образцу.

Библиографический список

1. Шатохина-Мордвинцева, Г. А. История Нидерландов : учеб. пособие для вузов / Г. А. Шатохина-Мордвинцева. – Москва : Дрофа, 2007. – 510 с.
2. Шатохина-Мордвинцева, Г. А. Генеральные штаты Нидерландов в XVII–XIX веках / Г. А. Шатохина-Мордвинцева // Новая и новейшая история. – 2009. – № 5. – С. 100–114.

3. Шатохина-Мордвинцева, Г. А. Две ветви власти и первые лица государства в Республике Соединенных провинций: великий пенсионарий и статхаудер / Г. А. Шатохина-Мордвинцева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 10-1. – С. 74–82.

4. Муравьева, Л. А. Экономическое развитие европейских стран в XVII веке / Л. А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2005. – № 36. – С. 63–72.

5. Велувенкамп, Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550–1785 гг. / Я. В. Велувенкамп. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. – 312 с.

6. Муравьева, Л. А. Экономика Голландии золотого века (XVI–XVII вв.) / Л. А. Муравьева // Международный бухгалтерский учет. – 2015. – № 8 (350). – С. 58–70.

7. Сиваков, Д. О. Исторически-правовой очерк из прошлого Нидерландов / Д. О. Сиваков // Лесной вестник. – 2006. – № 7. – С. 11–19.

УДК 342

О. С. Кузьяева, В. И. Пигалова, Д. С. Хасянова
студентки, Пензенский государственный университет
г. Пенза

O. S. Kuzlyaeva, V. I. Pigalova, D. S. Khasyanova
students, Penza State University, Penza

УНИЯ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ШОТЛАНДИЕЙ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА*

UNION BETWEEN ENGLAND AND SCOTLAND: ON THE HISTORY OF THE QUESTION

Аннотация. Рассмотрены отношения между Англией и Шотландией, истории подписания союзного договора, Акта об унии, что привело к созданию Соединенного Королевства Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания, Англия, Шотландия, «дело Кальвина», Акт об унии, союзный договор, Евросоюз.

Annotation. The article is devoted to the relationship between England and Scotland, to the history of the signing of the union agreement, the Union Act, which led to the creation of the United Kingdom of Great Britain.

Keywords: Great Britain, England, Scotland, Calvin's Case, Union Act, Union agreement, European Union.

Англия и Шотландия были объединены в королевство Великобритании в 1707 году, однако идея построения великой Британии издавна привлекала обе стороны, хотя и по разным причинам.

Война Англии за Испанское наследство в 1702 году послужила не только предметом межпартийных споров, но и толчком к упорной борьбе с Францией, власть в которой все еще принадлежала «Королю – Солнцу» Людовику XIV. Так как Людовик и значительное число шотландцев были сторонниками реставрации Стюартов, возможность нападения на Англию с севера была очевидной. В таком случае Английский Парламент должен был воспрепятствовать любым серьезным действиям внутри самой страны и поэтому в 1701 году издал Акт о престолонаследии, согласно которому в случае смерти Вильгельма и его наследницы Анны корона должна была перейти к внучке Якова I Софье и ее наследникам. Несмотря на то, что с политической точки зрения Шотландия превосходила Англию и могла диктовать ей свои

* Научный руководитель – к.филол.н., доц. Н. А. Аверьянова.

условия, она отказалась принять данный закон. Это во многом объяснялось уязвимостью экономической позиции Шотландии, которая к тому же была значительно ослаблена попыткой создать в 1698 году базу в Дарьене (Панама).

Таким образом, со времени возвышения в 1603 году шотландской линии Стюартов две древние монархии находились в личной унии короля, однако это не лишило каждую из них права сохранить собственный парламент и заняться историко-культурным утверждением братских отношений между двумя народами. Ярким тому примером может послужить «дело Кальвина», которое впоследствии сыграло немаловажную роль в развитии современных представлений о гражданстве в англо – саксонском мире.

Современники полагали, что данное дело касается акта о «postnati», предполагавшего, что все жители обоих королевств, рожденные после кончины Елизаветы, могут приобретать, наследовать и получать во владение земли, титулы, должности, свободы, привилегии и бенефиции, церковные или светские так, как если бы это происходило в том королевстве, где они родились [4, с. 306]. Наконец, «дело Кальвина» касалось и конкуренции между судами общего и гражданского права: в том случае, если Роберт Кальвин сохранял статус иностранца, его интересы следовало рассматривать в судах не общего, а гражданского права или в канцлерском «суде справедливости».

Главная сложность состояла в определении статуса Роберта Кальвина, трехлетнего шотландского наследника двух английских маноров, обусловленного исторически сложившимися различающимися категориями подданства («alien» – иностранец, «denizen» – иностранец с правами подданного). Наконец, после их разбирательств канцлер Эллисмер вынес окончательный вердикт [5, с. 659–696] в пользу Роберта Кальвина, который открыл для Якова Стюарта путь к реализации идеи построения великой Британии.

Во время правления последних Стюартов шел процесс создания Соединенного королевства Великобритании. В этот период и произошло присоединение к Англии королевств Ирландии и Шотландии. Переговоры об объединении начались в Лондоне в апреле 1706 г. Детали объединения были согласованы к 22 июля 1706 года в форме Договора и легли в основу проекта Акта об унии, который в течение следующих нескольких месяцев был утверждён парламентами двух стран. Договор включал в себя следующие положения:

Глава 1: Англия и Шотландия сливаются в единое королевство под названием «Великобритания»;

Глава 2: наследование престола в новом королевстве будет происходить на основании английского Акта о престолонаследии 1701 года;

Глава 3: новое королевство будет иметь единый Парламент;

Главы 4–18: устанавливают единые правила в области торговли, налогов, валюты и других аспектов хозяйственной деятельности;

Глава 19: сохраняется особая юридическая система Шотландии;

Глава 20: сохраняются наследственные государственные и судебные должности;

Глава 21: сохраняются права королевских городов (бургов);

Глава 22: в едином Парламенте Шотландию представляют 16 шотландских пэров в палате лордов и 45 представителей Шотландии в палате общин;

Глава 23: шотландские пэры имеют равные с английскими права при судах над пэрами;

Глава 24: создание Великой печати нового королевства;

Глава 25: любые законы Англии и Шотландии, так или иначе противоречащие условиям Договора, объявляются утратившими законную силу.

В 1707 году, когда была заключена уния с Шотландией, общество также раскололось на два лагеря. Те, кто защищал интересы «денежных» людей, выступили в ее поддержку. Лорд Сомерс, кроме таких аргументов, как единая протестантская религия, правление конституционной монархии и гарантии свобод народа, называл и такой, как «невозможность» для Англии оставаться «небольшим королевством». Он ратовал за упразднение самостоятельного управления Шотландии, говоря, что Шотландия получила бы больше преимуществ «под покровительством и опекой».

Такой же позиции придерживался и Д. Дефо. В пользу необходимости подобного союза он приводил такой аргумент, как преимущества, которые получают жители Шотландии в результате заключения унии. Однако в действительности преимущества от унии получала Англия, усилившая свой военный и экономический потенциал за счет Шотландии [2].

В Шотландии к унии относились иначе. В стране имелось большое количество противников объединения. Они считали, что в результате упразднения собственного парламента, уменьшение влияния шотландской знати и т.д. Шотландия окажется в невыигрышном положении, особенно в сфере торговли и государственного правления. Дефо старался переубедить противников унии, напоминая им о «кровавых» годах в совместной истории двух королевств и о разорении, которое испытывали обе нации в период изоляции друг от друга.

Те, кто поддерживал интересы землевладельцев, иначе относились к объединению королевств, считая унию источником новых финансовых обложений, которые не принесут никакой выгоды. Они полагали, что многочисленная знать Шотландии будет содержаться за счет английских налогоплательщиков.

Таким образом, первоначальный союзный договор, который был заключен между представителями парламента Англии и Шотландии в 1706 году, состоял из 25 статей (15 из них носили экономический характер). Стоит также отметить тот факт, что целью одного из принятых законов, который обеспечивал Пресвитерианское учреждение Церкви, было свести к минимуму оппозицию Церкви Шотландии. После этого Церковь прекратила открытую оппозицию, хотя не будем отрицать, что враждебность все же присутствовала на более низких уровнях духовенства. Окончательно договор был ратифицирован 16 января 1707 года большинством голосов (110 против 69) [3, с. 523–524].

Итак, выделим главные причины объединения Англии и Шотландии: экономические (стремление шотландских торговцев получить доступ к осуществлению торговли в Англии и ее колониях, также банкротство Шотландии) и политические (желание Англии лишить Францию влияния на Британском островах через шотландских якобитов). С одной стороны, экономический подъем Шотландии, несомненно, способствовал развитию индустриальной и научной сфер в стране, доказательством чего является увеличение общего уровня грамотности населения (феномен Шотландского Просвещения), возникновение крупнейших научных сообществ Европы в университетах Абердина, Эдинбурга и Глазго [6, с. 164–180]. Сохранение Шотландией отличной от английской административной и судебной системы создавало надежную базу сохранения национальных сил Шотландии [1, с. 54–55].

После принятия Акта об унии Шотландия была представлена в новом законодательном органе 16-ю пэрами в палате лордов и 45-ю депутатами в палате общин (статья 22). Акт устанавливал единые торговые правила (статьи 46, 18), единую валюту (статья 16 и 17), единые налоги (статьи 7–9, 15), а также равенство прав шотландских и английских пэров (статья 23). И, что немаловажно, налоги, в соответствии со статьей 14, установленные в Англии до объединения, не применялись к Шотландии.

Обратим внимание, что по Акту об унии Шотландия несмотря на то, что произошло слияние двух государств, обладала весомой долей самостоятельности. Так, по статье 19 в Шотландии сохранялась особая судебная система, отличавшаяся от английской. Статья 20 сохраняла государственные и судебные должности, которые передавались по наследству, права шотландских королевских городов тоже были сохранены (статья 21).

После принятия Акта об унии активизировались движения якобитов, которые первоначально выступали против объединения. Этому поспособствовала статья 2 Акта, по которой престол в Великобритании наследовался по Акту о престолонаследии, принятому английским Парламентом в 1701 году, согласно которой королевский престол не мог занимать католик (или человек, состоящий в браке с католиком). Вследствие этого большая часть населения Шотландии, которая являлась сторонницей возвращения Стюартов на престол, восприняла принятие Акта об унии довольно негативно, чем и воспользовался Яков III (Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт), который претендовал на роль шотландского монарха, совершив прежде две попытки захвата власти. Первую (в 1708 году), когда при поддержке якобитов и французов пытался высадиться на берегу Шотландии, но потерпел неудачу из-за действий Джорджа Бинга, английского адмирала, и вторую (в 1715–1716 гг.), когда после восхождения на престол Георга I в Шотландии началось масштабное восстание якобитов под руководством графа Мара. Яков III прибыл в Шотландию и короновался в январе 1716 г., но был вынужден бежать в Европу, а восстание, в свою очередь, было окончательно подавлено.

На сегодняшний день Шотландия демонстрирует стремление не только к автономизации внутри Великобритании, но и к созданию собственного государства. Это выразилось, прежде всего, в проведении референдума о независимости в 2014 г., результаты которого показали, что почти половина шотландцев (44,7 %) поддержали отделение. А британский референдум по Brexit 23 июня 2016 года эти доводы подтвердил. Теперь у сторонников независимости Шотландии появился новый веский аргумент: стране нужно обрести независимость, чтобы стать самостоятельным членом Евросоюза. Именно недовольство централизованной политикой британского правительства послужило почвой для формирования в Шотландии этнорегиональных движений и радикальных партий.

Стоит отметить, что в ознаменование трехсотлетия Союза, которое состоялось за два дня до всеобщих выборов в шотландский парламент 3 мая 2007 года, была выпущена памятная двухфунтовая монета.

Библиографический список

1. Еремина, Н. В. Проблема статуса Шотландии в 90-е гг. XX века / Н. В. Еремина. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 196 с.
2. Лабутина, Т. Л. Английское просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль / Т. Л. Лабутина, Д. В. Ильин. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 312 с.
3. Riley, P. J. W. The Union of 1707 as an Episode in English Politics / P. J. W. Riley // The English Historical Review 84. – 1969. – Oct. – Vol. 84, № 333. – P. 523–524. – URL: <http://www.jstor.org/stable/i224368>
4. The works of Francis Bacon / ed. by J. Spedding. – London : Longmans, 1868. – Vol. 3. – 419 p.
5. Trin. 6 Jac. I. 1608. Case of the Postnati. / A Complete Collection of State Trials and Proceedings for the High Court of Parliament ... In 21 vol. – London : Printed by T. C. Hansard, 1816. – Vol. 2. – P. 659–696.
6. Swingewood, A. Origins of Sociology: The Case of the Scottish Enlightenment / A. Swingewood // The British Journal of Sociology. – 1970. – Vol. 21, № 2. – P. 164–180.

Е. С. Андрияшкина, М. А. Лощинина, М. Г. Егорчев
студенты, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

E. S. Andriyashkina, M. A. Loshchinina, M. G. Egorchev
students, Penza State University, Penza

ГЕРМАНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ В 1815–1866 гг.*

GERMAN CONFEDERATION IN 1815–1866

Аннотация. История Германии XIX в. привлекала и привлекает внимание исследователей. Всегда стоял вопрос о том, как именно тогда шёл процесс формирования единого германского национального государства? Политическое объединение и свершившаяся в том же веке промышленная революция позволили Германии выйти на ведущие позиции в мировой политике и экономике. Объектом исследования является Германская конференция 1815–1866 гг.

Ключевые слова: Таможенный союз, венский конгресс, Германский союз, союзный сейм.

Annotation. History of Germany XIX century. attracted and attracts the attention of researchers. There was always the question of how exactly the process of the formation of a single German national state was going on? Political unification and the industrial revolution in the same century allowed Germany to take a leading position in world politics and economics. The object of the research is the German Conference of 1815–1866.

Keywords: The Customs Union, the Congress of Vienna, the German Union, the Allied Diet.

Восьмого июня 1815 года решением Венского конгресса был образован Германский союз, как наследник канувшей в лету в 1806 году Священной Римской империи. В данное объединение вошло 39 государств-королевств, в том числе княжества, герцогства- 4 вольных города (Франкфурт, Гамбург, Бремен и Любек). Ближе к 1866 году государств, выходящих в союз стало 32 и все они отличались разными государственными формами и собственными системами управления.

Как и в прежние времена, это германское объединение имело в своём составе территории, находящиеся под иностранным суверенитетом – короля Англии (королевство Ганновер до 1837 года), короля Дании (герцогства Гольштейн и Саксен-Лауэнбург до 1866 года), короля Голландии (великое герцогство Люксембургское до 1866 года). Бесспорный военно-экономический перевес Австрии и Пруссии давал им явный политический приоритет перед другими членами союза, хотя формально в нём провозглашалось равенство всех участников. В то же время ряд земель Австрийской империи (Венгрия, Словения, Далмация, Истрия и др.) и Прусского королевства (Восточная и Западная Пруссия, Познань) полностью исключались из союзной юрисдикции. Это обстоятельство лишний раз подтверждало особое положение в союзе Австрии и Пруссии, ведь они входили в данный союз лишь теми территориями, что когда-то были в составе Священной Римской империи [1].

В конфедерации правящим органом был Союзный сейм, однако органов, которые обеспечивали исполнение принятых в сейме организационных вопросов не было, а потому, фактически, сохранялась раздробленность. Полное собрание включало в себя 69 членов, но оно собиралось крайне редко и лишь в исключительных

* Научный руководитель – к.и.н., доц. Е. В. Наквакина.

случаях, чаще всего решение принималось малым составом, включавшим в себя лишь 17 членов. При этом председателем была Австрия благодаря самым большим территориям и численности населения.

Естественно, такая структура, несмотря на провозглашенное равенство не имела единства. Австрийский канцлер Меттерних, как создатель Союза, имел некоторые привилегии в Союзном федеральном сейме, чем активно пользовался. Именно на основе действий Клеменса фон Меттерниха Австрия стала центром консерватизма во всей Европе и имела довольно жесткие меры пресечения любых попыток повлиять на власть: жесткая цензура, активное использование доносов и др. полицейских методов, даже борьба с различными освободительными движениями различных народов Австрийской империи. Данные обстоятельства привели к частичной изоляции Австрии не только от стран Европы, но и от членов Союза.

Такое расположение дел не могло удовлетворить Пруссию, имевшую довольно широкие амбиции и проявляющей стремления, которые прямо противопоставляются Австрийским, последней же нельзя было позволить усиления Пруссии, так как это привело бы к смещению ее лидерских позиций. Однако, дабы не накалять конфликт было создана специальная прослойка между ними, третья сторона – Триаса, состоящая из Бадена, Баварии и Вюртемберга, являвшейся нейтральной стороной.

Свою лепту в долю разногласий вносила и 13 статья Германского Союзного акта 1815 года, согласно которой у каждого члена Союза должна быть конституция и представительные органы, однако далеко не все ее члены стремились установить конституционный строй и пытались отсрочить данный факт, или же, подобно Пруссии и Австрии и вовсе не задумывались над ее создании, но 2 последних представителя – лишь исключения.

Создание Германского союза не помогло решить вопросы, связанные с таможенным и экономическим объединением Германии. Данный вопрос пытались решить на 1 заседании союзного сейма, но консенсус не был достигнут. Именно по этой причине Пруссия в 1818 году уничтожила все таможенные налоги, провозгласив также и льготы прусским товарам.

На Венской конференции, не получив поддержку ни от Австрии, ни от большинства других членов, Пруссия тем не менее смогла заключить данный договор с рядом небольших стран, благодаря чему были стерты все таможенные ограничения. На примере данного объединения были созданы Южный и Среднегерманский торговые союзы, но последний быстро распался.

Позднее в качестве продолжения развития данной мысли был создан Германский таможенный союз 1834 – бывший союз многих немецких государств, согласившихся отменить все таможенные преграды между собой, а из пошлин, взимаемых на границах территории союза, образовать общую кассу, с распределением ее доходов между участниками, соответственно числу жителей. Данный союз был создан на 8 лет и в начале имел лишь 18 государств в своем составе, но состав со временем пополнялся.

На основе этого союза были частично удовлетворены потребности германского народа в объединении на почве материальных ценностей, хоть и не были удовлетворены окончательно, однако это позволило установить единую систему мер и весов, а также общую монетную систему [2].

Главный недостаток данного объединения состоял в том, что он представлял собой соединение суверенных государств на началах международного права, вследствие чего, во-1-х, он не мог быть заключен на вечные времена, а подлежал периодическому возобновлению, сопровождавшемуся разными кризисами; во-2-х, он не имел собственного органа, ни законодательного, ни административного.

Периодически собиравшаяся генеральная таможенная конференция (General Zollconferenz) могла постановлять резолюции только единогласно.

Это вызвало уже к 1842 году, не говоря уже про политическую нестабильность в 1848 значительные осложнения. Данное воздействие даже сказалось на конституции Германского союза, добавив в 33 статью сведения о отмене таможи внутри страны.

Реальному таможенному и экономическому объединению в рамках Таможенного союза Австрия могла противопоставить лишь формальное политическое объединение германских государств в рамках Германского союза, решающую роль в котором она играла. Попытки Австрии проникнуть в Таможенный союз и подчинить его Союзному сейму, подорвав тем самым позиции Пруссии, либо создать новый под своей эгидой были сорваны Пруссией. Тем не менее это не помешало им заключить договор, согласно которому между Австрией и Пруссией снимается таможня на все товары, кроме табака, соли и пороха, а на все фабричные изделия идет крайне смягчающий тариф и договор продолжил служить 12 лет вплоть 31 декабря 1865 года.

Такое расположение дел не могло удовлетворить Пруссию, имевшую довольно широкие амбиции и проявляющей стремления, которые прямо противопоставляются Австрийским, последней же нельзя было позволить усиления Пруссии, так как это привело бы к смещению ее лидерских позиций. Однако, дабы не накалять конфликт было создана специальная прослойка между ними, третья сторона-Триаса, состоящая из Бадена, Баварии и Вюртемберга.

Реальному таможенному и экономическому объединению в рамках Таможенного союза Австрия могла противопоставить лишь формальное политическое объединение германских государств в рамках Германского союза, решающую роль в котором она играла. Попытки Австрии проникнуть в Таможенный союз и подчинить его Союзному сейму, подорвав тем самым позиции Пруссии, либо создать новый под своей эгидой были сорваны Пруссией [3].

На основе этого союза были частично удовлетворены потребности германского народа в объединении на почве материальных ценностей, чего в силу ранее указанных причин не могла дать политика.

Однако, из-за сложности и недостатков структуры конфедерации, таможенный союз не мог просуществовать без различных затруднений. Так, при продлении договора в 1842 году было множество споров, а из-за начавшихся с 1848 политических дразг в конституции 18 марта 1849 года, в статье 33, пришлось внести записать о экономическим и таможенном единстве Германского Союза.

В 1866 таможенный договор был расторгнут из-за начавшейся между Пруссией и Австрией войны. Между государствами позднее образованного Рейхстага особое таможенное объединение было излишним, ввиду общего объединения, установленного союзной конституцией.

Неоднозначной была и социальная обстановка в конфедерации. Курс изменений был направлен на всеобщее равенство, пытаясь скрыть за ширмой главные, наиболее острые недостатки. Так, не существовало существенной разницы в одежде, появились браки не только по расчету, но и по любви, барщину заменила более продуктивная наемная сила, в таких местах как Вюртемберг или Гессене отменено крепостное право. Развивалось промышленное производство, особенно в Рейнской области (прус.) и даже зародилась основа среднего класса благодаря экономическому подъему и повышению стабильности

Впрочем, в действительности все было не так радужно. Дворянство имело власть над крестьянством, в некоторых местах сохраняло барщину, кровавую десятину, феодальный суд. Абсолютизм оставался практически нетронутым. Некоторым нациям, таким как евреям, был закрыт доступ в армию – единственную карьерную лестницу. Все это показывает неоднородность, двуличность данного общества.

Все эти факторы, требуя решения, выплеснулись в виде Мартовской революции 1848 года. Люди, вдохновленные революцией во Франции начали требовать от монарха и палат свободы печати, суд присяжных и общего парламента. Монархи пошли на уступки, но их оказалось недостаточно несмотря на уже готовящиеся выборы в парламент.

Революционное брожение, представлявшее нередко противоречивые интересы различных социальных групп, охватило страну. Бундестаг признал 9 мая 1848 года трёхцветный флаг, как государственный. Во многих немецких государствах произошла замена правительств на более либеральные. В Австрии Меттерних был вынужден бежать, а прусский король Фридрих Вильгельм IV 18 марта издал распоряжение об отмене цензуры и высказал мнение в поддержку принятия конституции. Толпа заполнила Берлинский замок и для наведения порядка генерал Притвиц был вынужден дать приказ войскам разогнать толпу. В ответ возникли баррикады и в схватках погибло 230 человек. Тогда король приказал войскам 19 марта покинуть город, лично принял участие в похоронах жертв столкновений и, надев трёхцветную повязку, проехал по улицам. В тот же день он издал прокламацию, содержащую фразу, смысл которой остался неясен: «Отныне Пруссия входит в Германию».

Было сформировано умеренно либеральное правительство под руководством банкира Лудольфа Кампгаузена и промышленника Давида Ганземана, которое проводило курс на поддержку экономического роста и монархии.

18 мая во Франкфурте на Майне собрался, избранный по старой схеме, парламент с участием 350 делегатов в церкви Св. Павла. Бундестаг был распущен, и Германия получила новое, полностью недееспособное правительство, не имевшее власти, денег или вооруженных сил.

Мартовские революционные события привели к крушению системы Меттерниха и принципов Священного союза. В большинстве германских государств отменили феодальные порядки, возвестили о введении конституционных принципов. Основным итогом буржуазной революции, подавленной правительственными войсками, является открытие пути для развития капиталистических отношений.

В культурной жизни данного общества так же произошел резкий подъем. В период под названием Бидермейер, когда сошла нестабильность и неизвестность военного времени, совершается резкий скачок культуры, происходит религиозный бум в противовес материалистическому подходу прошлого века. На тот момент конфедерацию называли «страной поэтов и мыслителей»

Итоги Германского союза 1815–1866 гг. – объединение 39 герм. государств (35 княжеств и 4 вольных городов), созданное решением Венского конгресса 1814–15. Г. с. закрепил австро-прус. дуализм в Германии при лидерстве Австрии и стал инструментом политики реставрации старых порядков, проводившейся К. Меттернихом. Во время Революции 1848–49 в Германии он распался, в 1850 был восстановлен (см. Ольмюцкое соглашение 1850). После победы Пруссии в австро-прусской войне 1866 Г. с. прекратил своё существование (к этому времени в него входили 32 государства).

Библиографический список

1. Меринг, Ф. История Германии с конца Средних веков / Ф. Меринг. – 3-е изд. – Москва, 1924.
2. Евдокимова, Н. П. История Германии в новое время / Н. П. Евдокимова, А. А. Петрова. – Санкт-Петербург, 2006.
3. Галкин, И. С. Создание Германской империи. 1815–1871 гг. : учеб. пособие / И. С. Галкин. – Москва : Высш. шк., 1986. – 175 с.

Раздел 2

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК НАИБОЛЕЕ ОПТИМАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ МНОГОСОСТАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

УДК 342

Д. Саликова
студентка, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

D. Salikova
student, Penza State University, Penza

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНДИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА *

ETHNIC ASPECTS OF THE INDIAN FEDERALISM

Аннотация. Рассмотрены исследования особенностей территориального устройства Индии и роли этнического аспекта. Индия занимает особое место среди государств с федеративным устройством. На фоне кризисных явлений, поразивших ряд федеративных стран, опыт более чем 50-летнего функционирования индийской федерации заслуживает самого пристального внимания и глубокого изучения. Подчеркивается, что этнофедерации формируют благоприятные условия для реализации защиты прав различных этнических групп населения. Формирование субъектов федерации по национально-территориальному принципу расширяет возможности для защиты государственными средствами культуры, языка, традиций, этнической идентичности титульной нации субъекта федерации, а также способствует социальной интеграции общества и препятствует развитию сепаратистских тенденций. Однако нередко этнические федерации бывают нестабильными. При определенных обстоятельствах в них создаются условия для этнической мобилизации в корыстных интересах этнических политических элит.

Ключевые слова: этнический федерализм, индийский федерализм, федерализм Индии, этнический фактор, принцип федерализма, этнофедерализм.

Annotation. This article is devoted to the study of features of the Indian Federation and the role of ethnic aspect in its territorial structure. It is emphasized that ethnofederation can play a positive role and create risks for the integrity of the Federal state. On the one hand, ethnic federations create favourable conditions for ethnic groups to exercise their right to self-determination up to the establishment of their national statehood or political autonomy within a single Federal state, as well as provide a dual way of protecting the interests of ethnic minorities. The formation of the subjects of the Federation on the national-territorial principle expands opportunities for the protection of the state means of culture, language, traditions, ethnic identity of the titular nation of the subject of the Federation. Ethnofederalism can contribute to social integration of society and prevent the development of separatist tendencies, as well as contribute to the weakening of inter-ethnic conflicts and the preservation of the integrity of States. On the other hand, ethnic federations are often unstable. Under certain circumstances, they create conditions for ethnic mobilization in the self-serving interests of ethnic political elites. The contradictory interaction of the two universally recognized principles of international law – the territorial integrity of States and the right of Nations (peoples) to self-determination – implies the need to differentiate the assessment of secession and separatism in practical terms. Ethnic federalism is characterized by specific institutions of political representation of ethnic groups. The article analyzes the conditions of use of these institutions

* Научный руководитель – к.ю.н., доц. Н. В. Макеева.

and ways of representation of ethnic groups in public authorities: proportionality, parity, quotas, reservation, inclusion of representatives of ethnic minorities in the electoral lists of national parties.

Keywords: ethnic federalism, Indian federalism, federalism of India, ethnic factor, principle of federalism, ethnofederalism.

Восток во все времена ассоциировался с традиционным типом государственного правления и деспотическим единовластием, в виду чего становление здесь федеративных государств и внедрение в них федеративных принципов может рассматриваться как нечто феноменальное. Республика Индия представляет особую разновидность федеративного устройства с собственной уникальной историей развития, за что, несомненно, заслуживает отдельного научного анализа в статусе собственной модели федеративного устройства. Причем изучение особенностей федеративных принципов в Индии, как в одной из наиболее густонаселенных стран мира, представляет очевидный интерес как с исторической, так и с политической и юридической точки зрения.

Изначально формированию национальной государственности народов Индостана препятствовала европейская колонизация. Проявлялось это, главным образом, в совершенно произвольном делении колонизаторами территории Индии на административные границы, осуществляемом без малейшего учета устоявшихся экономических связей отдельных регионов, расселения народов, говорящих на одном языке.

В разные исторические периоды своего развития Индия меняла собственный облик в качестве федеративного государства, различным был и конституционно-правовой статус отдельных его штатов. Однако отсутствие единого государствообразующего этноса или общей для всех индийцев религии вынуждает подвергнуть сомнению прочность современного индийского государства. Отдельные исследователи отмечают, что этническая пестрота, межнациональные и религиозные конфликты (прежде всего между индуским большинством и мусульманским меньшинством) во все времена служили основополагающим поводом для пессимистических прогнозов относительно будущего Индии как единой страны.

Подобные условия заставляют государство принимать всевозможные меры, направленные на обеспечение единства, на мирное сосуществование граждан с соблюдением баланса интересов различных их категорий, включая меры, затрагивающие политико-территориальное устройство Индии, оставляющие несомненный след на природе федерализма в ней.

Принцип федерализма непосредственно закреплён в Конституции Индии, где статья 1 провозглашает ее «Союзом штатов» (Union of States). Прямого указания на этническую основу федеративного деления территории нет, более того, несмотря на полиэтнический состав населения Индии, конституционно не определен и статус страны как многонациональной. Впрочем, это неудивительно, отсутствие упоминаний об этнической (или национальной) стратификации населения вызвано, в том числе, тем фактом, что в индийских обществах традиционно на первом плане находится кастовая, а также языковая и религиозная идентичность. Этническая идентификация, как правило, носит второстепенный характер.

Индия – союз 28 самоуправляемых штатов и 7 территорий центрального подчинения, не пользующихся правами штата. Фактическое неравенство штатов, разный набор их прав, выражающийся в том числе в различной норме представительства субъектов федерации в союзном Парламенте служат подтверждением справедливости отнесения Индии к типу ассиметричных федераций.

Еще одной особенностью индийской федерации является изменчивость ее субъектного состава. Статья 2 Конституции прямо закрепляет право Парламента посредством закона принимать в Союз или возможность образовать новые штаты, в том числе и по этнолингвистическому принципу.

Следовательно, в Индии имеет место не только фактическая асимметрия субъектов федерации (неизбежная в любом огромном по территории государстве), но и асимметрия конституционно-правового статуса ее штатов, имеющая исторические корни.

Современная индийская модель государственно-территориального развития представляет совокупность федеративного устройства с применением элементов централизма. Институты федерального вмешательства в проблемы регионов способствовали ослаблению сепаратистских настроений в штатах. Удачной стала реализация принципа субсидиарности в формировании федеративных отношений. Конституция страны имеет четкую регламентацию сфер деятельности и полномочий органов федерального центра и его субъектов.

В первые десятилетия существования независимого Индийского государства определились акценты в становлении федеративной системы. Специфика индийского федерализма во многом определяется особенностями процесса его формирования. Государству стало очевиден тот факт, что в целях обеспечения независимости единой страны необходим сильный центр. При этом усиление центральной власти не должно было ущемлять права и свободы субъектов федерации. Основной идеей на пути строительства независимого государства было стремление индийских властей сделать привлекательными принципы федеративного устройства. С одной стороны были традиционные принципы индуистской веротерпимости, подчиненности низших каст высшим, харизматичности лидеров национального движения, а также опыт эффективного самоуправления в колониальный период. Это сделало федеративное устройство наиболее привлекательным для индийского общества. С другой стороны, федеративное устройство ассоциировалось с качественным перерождением Индии как независимого от метрополии государства и унитарные принципы государственно-территориального устройства воспринимались как ненавистное колониальное прошлое. Этнический федерализм, предполагающий наиболее высокую степень самоуправления территориальных единиц, служит в Индии ответом на вызовы регионального сепаратизма, когда обычная территориальная автономия уже не способна сдерживать центробежные тенденции [1].

Индийский федерализм представляется системой, которая гармонично сочетает три фактора, определяющие её стабильность:

1) единство и неделимость территорий, определяемые утратой способности выхода из федерации княжеств Британской Индии в связи с вступлением их в состав Республики Индии;

2) исключительной привилегией центра стала возможность принятия чрезвычайных решений как в границах отдельных территорий, так и в целом всего государства, если это будет вызвано политическими обстоятельствами. Это предполагало полное или частичное замещение органов управления на всех уровнях власти;

3) обширные, но ограниченные полномочия штатов в решении региональных вопросов. Исключение составляют бюджетные вопросы, решение которых остается важной прерогативой штатов (без вмешательства со стороны центральных органов власти).

Индия относится к группе государств, где более или менее успешно продолжают функционировать демократические федерации этнического типа, наряду с Бельгией и Канадой [2]. Тем не менее, многие исследователи делают весьма пессимистичные прогнозы относительно будущего индийского федерализма, поскольку

этническому федерализму присущ ряд неустранимых пороков. Во-первых, предложенные им компромиссы ориентированы на краткосрочное решение проблемы неоднородности социума, при котором без должного внимания остается вопрос об их последствиях в долгосрочной перспективе. Во-вторых, уступки, сделанные в пользу этнических или лингвистических меньшинств, влекут за собой эскалацию их требований уже и на последующих этапах. В-третьих, сосредоточиваясь на сдерживании федерального центра и защите этнических субъектов федерации от столичных притязаний, этнический федерализм не уделяет должного внимания перспективе установления националистических режимов в пределах отдельно взятых федеральных территорий. В-четвертых, этнические федерации лишены гибкости и с трудом поддаются реформированию, поскольку все обсуждаемые и внедряемые в них варианты административных преобразований постоянно оборачиваются крепко в одну из этих крайностей ради того, чтобы избежать другой крайности. В итоге подобные государства постоянно лихорадит [3].

Однако несмотря на все недостатки, территориальную организацию Индии нельзя не признать вполне удачной. Несмотря на активное заимствование зарубежного опыта, создатели Конституции Индийского Союза не имели целью абсолютное и слепое копирование существующих стандартов и моделей. Стремление было направлено на тщательный отбор лишь тех черт, которые в наибольшей степени соответствовали интересам Индийского государства, благодаря чему, вопреки многочисленным существовавшим и имеющимся проблемам, Индии удалось добиться заметных успехов в экономической и социальной сферах, а также сделать важные шаги в направлении демократизации общественной жизни, преодолеть многие пережитки общественного устройства доколониального и колониального периодов, сохранив при этом национальную самобытность.

Следовательно, в Индии ярко выражена асимметрия конституционно-правового статуса штатов, которая находит свое проявление в различных его областях: в объеме прав и обязанностей штатов, в порядке разграничения предметов ведения, а также в особенностях взаимоотношений между ними и федерацией. Индийский Союз выбрал путь формирования асимметричной федерации в качестве меры, направленной на разрешение внутренних национальных и религиозных противоречий. Как верно отмечает Майкл Бергес, «Индия как отдельный пример изучения многонациональной и мультикультурной федерации демонстрирует поразительную гибкость конституционного замысла и поправок, правового толкования и политического непостоянства в разрешении глубокого, сложного и хрупкого разнообразия, обычно выраженного в частичном наложении этнической, региональной, племенной, общественной, религиозной, а также внутригосударственной идентичности» [4].

Еще одной особенностью индийского федерализма является ее способность к быстрой трансформации системы отношений «центр – регионы» в условиях внешней и внутренней угрозы.

Федерализм в Республике Индия – не просто форма государственно-территориального устройства. Это категория, предполагающая и включающая в себя определенный процесс урегулирования отношений как в сфере взаимоотношений субъектов федерации с центром, так и в решении основных межнациональных и этнических проблем.

Итак, особенности этнической структуры населения Индии отражаются, прежде всего, в конституционных нормах, закрепляющих специальное регулирование в отношении отдельных штатов и автономных территорий и их органов власти. Опосредованно этнические принципы находят отражение в нормах, регулирующих языковую политику государства, в том числе использование официальных языков штатов. Элементы этнического федерализма, присущие Индии, как правило, выступают

следствием компромиссов, направленных на противодействие сепаратистским проявлениям, и в большинстве случаев представляют собой вынужденные меры. Например, создание штата Нагаленд в 1963 г. путем выделения из штата Ассам явилось ответом на угрозу сецессии вследствие развязанной на этой территории гражданской войны (по некоторым данным, значительная часть территории штата до настоящего времени контролируется повстанцами, провозгласившими суверенитет Народной республики Нагалим и поддерживаемыми племенными вождями). Особый статус Дарджилинга был обусловлен ростом популярности движения в поддержку образования непалиязычного штата Горкхаленд на границе с Непалом [5].

Таким образом, опыт национального и государственного строительства в зарубежных федерациях показывает, что одним из основополагающих факторов развития полиэтнического государства является стабильность межнациональных отношений. И наиболее приемлемым ответом на вызовы многоэтничности является избрание федеративной формы государственного устройства, поскольку именно федерация позволяет обеспечивать интересы сформировавшихся наций в условиях единого многонационального государства. Особую роль в развитии подобных моделей государственности должно играть национальное большинство и его этническая идентичность, которая, впрочем, может выступать и как консолидирующее начало, и как деструктивный элемент.

Библиографический список

1. Фарукшин, М. Х. Институциональные основы этнических федераций / М. Х. Фарукшин // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 103–117.
2. Мочалов, А. Н. Территориальное устройство стран БРИКС: сравнительный обзор / А. Н. Мочалов // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – Март-апрель. – № 2.
3. Старостина, И. А. Политико-правовые проблемы этнического федерализма на пути формирования стратегии национального развития России: конституционно-правовые аспекты / И. А. Старостина // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 11. – С. 47–49.
4. Кузнецова, С. С. Асимметрия конституционно-правового статуса штатов Индии / С. С. Кузнецова // Российский юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 132–138.
5. Мочалов, А. Н. Отражение этнического многообразия в конституционном регулировании территориального устройства Индии и Китая / А. Н. Мочалов // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – Июль-август. – № 4. – С. 36–41.

УДК 342

Ю. А. Даркина, Д. Ю. Кочетков
магистранты, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

Yu. A. Darkina, D. Yu. Kochetkov
master students, Penza State University, Penza

ОСОБЕННОСТИ ФЕДЕРАЛИЗМА В США*

FEATURES OF FEDERALISM IN THE UNITED STATES

Аннотация. Рассмотрены особенности американского федерализма как формы разделения властей и соответствующие аспекты распределения полномочий между органами

* Научный руководитель – д.ю.н., д.и.н., проф. А. Ю. Саломатин.

государственной власти. Кроме того, кратко обозначены причины возникновения и особенности развития федеральной формы правления и ее эволюции в Соединенных Штатах.

Ключевые слова: федерализм, органы государственной власти, Штаты, полномочия органов государственной власти.

Annotation. The article deals with the peculiarities of American federalism as a form of separation of powers and relevant aspects of the distribution of powers between public authorities. In addition, the features and causes of the emergence and features of the development of the Federal form of government in the United States and the features of its evolution are briefly outlined.

Keywords: federalism, public authorities, States, powers of public authorities.

Каждому государству свойственны собственные признаки и особенности развития, равно как и управления. В качестве одной из ключевых особенностей развития и функционирования американской правовой системы выделяется тот факт, что она организована и функционирует на основе федерализма.

Федерализм может быть охарактеризован как форма разделения власти и представляет собой такой порядок организации правовой системы страны и правительственной власти, при использовании которого центральным общенациональным правительством распределяется власть между государственными штатами [1].

Штаты в составе государства обладают определенной политической и юридической самостоятельностью, но при этом для них не свойственен государственный суверенитет и право на выход из федерации. Между собой штаты равноправны, обладают собственной конституцией, своим гражданством, законодательством и исполнительными органами власти, собственными судебными и правовыми системами [2, с. 198].

В соответствии с практикой функционирования штатов им также свойственны широкие полномочия в сфере управления социально-экономическими сферами. К ним, в частности, относятся: здравоохранение, образование, землепользование, внутренняя торговля. Довольно широкими являются также полномочия в сфере поддержания и обеспечения общественного порядка, организации, проведения и подведения итогов выборов, определения принципов, норм и приоритетов функционирования системы органов местного самоуправления. Но при всем этом важно, что в соответствии со статьей 6 Конституции США выдвигается одно из основных требований к конституциям штатов: они должны соответствовать содержанию и нормам федеральной Конституции [4]. Аналогичным образом, федеральные законы характеризуются верховенством по отношению ко всем законам штатов.

На основании требований федеральной Конституции штаты отказались от ряда полномочий, делегировав их выполнение национальному правительству. Отдельные полномочия при этом остались за органами власти, функционирующими на уровне штатов, имеются и определенный перечень общих полномочий. Приоритетным в сфере распределения и исполнения общих полномочий выступает национальное законодательство. К исключительным полномочиям федерального уровня отнесены: вопросы установления и взимания налогов; вопросы государственного долга и займов; объявление войны; осуществление национальной (внешней) торговли и регулирование торговли между штатами; чеканка монет; формирование системы международных отношений; набор, содержание, подготовка армии и флота; издание законов, необходимых для полноценного осуществления всех перечисленных прав, а также любых полномочий, отнесенных к компетенции федеральных органов власти.

В структуре Конституции США также имеют нормы, определяющий характер, особенности и направления взаимодействия между собой штатов, а также

основные гарантии взаимодействия штатов и национального правительства для защиты прав и охраны интересов каждого из названных субъектов [2, с. 199].

Каждый из штатов имеет три полноценные ветви власти. Законодательная власть реализуется парламентом штата (легислатурой), который может именоваться по-разному: парламент, генеральная ассамблея и так далее.

Исполнительная власть принадлежит губернатору штата. При этом в рамках каждого штата губернатором может быть сформирована собственная система правительства, в которой формируются и закрываются ненужные департаменты. Юридическая (судебная) власть представлена довольно развитой и разветвленной системой судов. В каждом штате действует верховный суд, а также совокупность обычных судов.

Для американского федерализма в целом свойственны следующие характерные черты и особенности:

1. В соответствии с особенностями федерализма как принципа территориальной организации и функционирования государства в США предусматривается распределение юридических полномочий между национальным правительством страны и правительствами штатов. С нормативно-правовой точки зрения сохраняется безусловный приоритет законодательных актов, функционирующих на государственном уровне [5].

2. В вопросах внешней политики и организации торговли между странами штаты подчиняются национальному правительству.

3. Правительства и иные органы власти штатов активно взаимодействуют с национальным правительством по вопросам образования, строительства и ремонта дорог, осуществления охраны окружающей среды, преодоления безработицы, здравоохранения, проблем безопасности.

4. В качестве основного законодательного арбитра на уровне федеральной системы в целом при возникновении конфликтов и споров между правительствами штатов и национальным правительством выступает Верховный суд США.

5. Граждане США в соответствии с действующей системой распределения полномочий одновременно находятся под властью и правительства штата, в котором проживают, и национального правительства. Подобное «двойное гражданство» представляет им большее количество прав и привилегий [3, с. 306].

Существующие принципы и особенности американского федерализма на протяжении всей истории государства оказывали воздействие на характер взаимодействия политических сил и партий. С момента своего появления, состоявшегося более 200 лет назад, этот принцип в значительной мере изменился, но продолжает выступать предметом самых разных политических споров. Дебаты, которые в конце 1780-х годов велись относительно ратификации Конституции между представителями федералистов и антифедералистами, постепенно перешли в сфере прав и полномочий государства, национального правительства и правительств штатов. При этом с самого начала продемонстрировано было разделение мнений среди основателей и разработчиков Конституции США. Одних из них стали приверженцами позиции Александра Гамильтона, который утверждал необходимость сохранения приоритета власти федерального правительства, реализуя тем самым концепцию национального превосходства. Другие стали сторонниками точки зрения Томаса Джефферсона, который утверждал необходимость передачи власти непосредственно штатам. Сторонники этой позиции говорили прежде всего о том, что в случае принятия позиции безусловного приоритета национального правительства такое взаимодействие может поставить под угрозу права и свободы личности, в связи с чем необходимо ограничивать соответствующие полномочия. Со временем борьба между представителями этих точек зрения стала только более сильной. В соответствии с наличием как

сторонников, так и противников идеи федерализма и различные мнения на распределение полномочий на протяжении истории развития страны происходило постоянно изменение баланса между правительствами штатов и национальным правительством. В результате ряда изменений власть национального правительства была расширена в целом посредством принятия ряда конституционных поправок, различных федеральных законов, решений Верховного суда. На протяжении XIX столетия была характерна, в основном, негативная реакция на любые изменения, свидетельствующие об усилении власти национального правительства. В свою очередь, XX век стал периодом роста влияния национального правительства, на что влияние оказали не только процессы внутри страны, но и значимые исторические события: Великая депрессия, две мировые войны, «Холодная война», нарастающее движение за гражданские права [3, с. 308].

Начиная со времени работы администрации Р. Никсона до периода администрации Р. Рейгана и Дж. Буша (Старший) предпринимались активные попытки возвращения власти штатам. 1996 год (период правления Б. Клинтона) был охарактеризован политологами как период «Деволуция – Революция». Правительства штатов в этот период времени получают значительное количество полномочий в сфере социально-экономического управления. Вмешательство федерального правительства в работу и функционирование правительств штата было значительно ограничено и практически сведено до минимального в 1997 году («New Federal Order»).

В начале XXI века многочисленные источники в печати, научные статьи, равно как и сами политики, демонстрируют возвращение к вопросам эффективности сформировавшейся системы работы государства. В настоящее время вопросы эффективности федерализма и распределения приоритетов и полномочий между национальным правительством и правительствами штатов связаны с вопросами обеспечения национальной безопасности в свете распространения и роста силы международной преступности и терроризма и защитой прав и интересов личности. В этой связи по-прежнему существуют различные мнения: кто-то рассматривает федерализм как эффективно действующее противодействие чрезмерной централизации, которое способствует усилению роли демократии и препятствует чрезмерной централизации политической власти, кто-то, напротив, продолжает говорить о необходимости сильного центра. В целом же можно сделать вывод, что на сегодняшний день в США наблюдается довольно децентрализованная федерация, в условиях которых характерно наличие значительного объема прав у штатов. При этом продолжается расширение полномочий штатов в реализации многочисленных программ в социально-экономической сфере при сохранении, а в ряде случаев – и усилении уровня финансовой зависимости от федерального правительства.

Библиографический список

1. Александрова, А. П. Американский федерализм как форма организации правовой системы государства / А. П. Александрова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-federalizm-kak-forma-organizatsii-pravovoy-sistemy-gosudarstva> (дата обращения: 07.04.2019).
2. Попова, А. В. Конституционное право зарубежных стран : краткий курс лекций / А. В. Попова. – Москва : Юрайт-Издат, 2017. – 660 с.
3. Афанасьева, О. В. Конституционное право зарубежных стран : учебник / О. В. Афанасьева, Е. В. Колесников, Г. Н. Комкова. – Москва : Юрайт, 2016. – 538 с.
4. Лафитский, В. И. Конституционные основы федерализма в США / В. И. Лафитский // Журнал российского права. – 2007. – № 3 (123). – С. 116–127.
5. Федорец, М. Н. Особенности становления и развития американского федерализма / М. Н. Федорец // Политика и общество. – 2013. – № 4 (100). – С. 401–409.

И. А. Рогова, В. А. Сорокина
магистранты, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

I. A. Rogova, V. A. Sorokina
master students, Penza State University, Penza

ФЕДЕРАЛИЗМ ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СТРЕМЛЕНИЕ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ИДЕАЛУ*

FEDERALISM OF GERMANY: THE HISTORY OF FORMATION AND INTENTION TO A POLITICAL IDEAL

Аннотация. В мире насчитывается свыше двадцати федераций, таких как США, Германия, Швейцария, Австрия, Канада, Индия, Австралия, Россия. Однако каждая федерация по-своему уникальна и неповторима.

Федеративно-государственное устройство Германии имеет длительную, многовековую историю. Особенность немецкой государственности в том, что она всегда носила федеративный, или, по меньшей мере, союзный характер, и, по мнению ученых, именно история развития государственности Германии является началом немецкого федерализма.

Ключевые слова: федерализм, Германия, Основной закон.

Annotation. There are more than twenty federations in the world, such as the USA, Germany, Switzerland, Austria, Canada, India, Australia, and Russia. However, each federation is unique in its own way. The federal-state structure of Germany has a long, centuries-old history. The peculiarity of German statehood is that it always had a federal, or at least allied character, and according to scientists, the history of the development of German statehood is the beginning of German federalism.

Keywords: federalism, Germany, the basic Law.

«Федерализм, – отмечает известный немецкий государствовед М. Боте, – выступает как форма, которая позволяет в границах большого государственного образования сохранять исторически сложившееся многообразие и своеобразие традиций, обычаев и культуры различных групп и слоев населения или наций» [2].

Федерализм является одним из строительных блоков демократии в Германии, поэтому государство пользуется особой правовой защитой как частью федеральной системы: в пункте 3 статьи 79 Основного закона Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. прямо говорится, что любая конституционная поправка недопустима, «согласно которой федерация делится на страны» или «затронута фундаментальное участие земель в законодательстве федерального правительства».

Это не значит, что данный федерализм является неким жестким корсетом. При необходимости распределение обязанностей между Федерацией и землями может быть изменено. Впервые в стране эксперименты с федеральной формой правления можно проследить до того периода, когда в 1815 году страна впервые была объединена. За исключением коротких эпизодов, когда более централизованная и унифицированная форма правления сумела сохранить свое существование. С 1815 года по настоящее время немецкое национальное государство претерпело значительные преобразования. Нации удалось восстановить себя из пепла после

* Научный руководитель – к.ю.н., доц. Н. В. Макеева.

поражения в первой и второй мировой войне, сумев успешно объединиться в федерацию и сохранить свое единство в нынешнюю эпоху глобализации. Таким образом, немецкая федеративная структура управления, которая сегодня формирует страну, создается посредством многих таких исторических преобразований. Таким образом, Федеративная Республика Германия является одной из стран, обладающих уникальным опытом построения демократического, правового, социального федеративного государства.

Элементы федеративного устройства Германии были заложены в первой федеральной конституции 1871 г., констатирующей завершение процесса объединения страны. Этим актом, в частности, предусматривалось создание бундесрата как федералистско-монархического правительственного органа, формирующегося из представителей правительств вошедших в состав объединенной Германии государств. Обладая правом абсолютного вето, бундесрат тех лет выполнял функции верхней палаты федерального парламента. В годы Веймарской республики роль федерального органа стал играть рейхсрат. Полномочия этого политического института, по сравнению с прежним бундесратом, были существенно ограничены, в частности, он был лишен права абсолютного вето. С приходом к власти национал-социалистов Германия по сути дела превратилась в жестко централизованное унитарное государство. Традиция федеративного развития страны оказалась прерванной. Ее восстановление началось лишь после краха нацистского режима.

Федеративная Республика Германия была провозглашена 23 мая 1949 г. в западной оккупационной зоне. В тот же день в Бонне Парламентский совет провозгласил вступление в силу Основного закона страны, «в целях придания нового порядка государственной жизни на переходный период». В советской оккупационной зоне 7 октября 1949 г., в противовес ФРГ, была основана Германская Демократическая Республика. Конституция 1949 г. была выработана только для государства трёх оккупационных зон, т.е. только для ФРГ. Однако, после интеграции ГДР в состав ФРГ, она стала Основным законом для объединенной Германии. Из Конституции исключалась статья 23 о возможности присоединения новых земель, так как считалось, что она выполнила свое предназначение и Германия более не претендует ни на какие другие земли.

Германия – западноевропейская федерация, которая известна собственной моделью «кооперативного федерализма».

На данный момент Федеративная Республика Германия включает в себя 16 земель, среди которых особо выделяются три земли, получившие статус «свободного государства» (Свободное государство Бавария, Свободное государство Саксония и Свободное государство Тюрингия) и два города, имеющих статус «свободного города» (Свободный ганзейский город Бремен и Свободный ганзейский город Гамбург), однако это не предоставляет им особых прав по сравнению с другими землями ФРГ. Все земли имеют одинаковый конституционноправовой статус. Федерализм, закрепленный Конституцией ФРГ 1949 г., означает, что отдельные федеральные земли: пользуются ограниченным суверенитетом; имеют свои конституции, представительные органы; в некоторых случаях имеют право заключать договоры с другими государствами. К исключительной законодательной компетенции Федерации относятся: внешние сношения, гражданство Федерации, свобода передвижения, основы финансово-экономической системы, транспорт и связь, торговля и промышленность. Все остальное считается сферой конкурирующего законодательства. Земли также имеют свое законодательство, строго ограниченное «рамочными

предписаниями», изданными Федерацией. Данная модель федерализма, основанная на субсидиарности, получила название «кооперативной».

ФРГ, говоря о форме государственного устройства страны, часто применяют термин «скрытое» федеративное государство. «Скрытость» проявляет себя и через положения статьи 70 основного закона, согласно которой земли обладают законодательными правами в той мере, в какой Основным законом законодательные полномочия не закреплены за Федерацией.

Разграничение компетенций Федерации и земель определяется согласно положениям настоящего Основного закона об исключительной и конкурирующей законодательной компетенции. Согласно статье 71 в сфере исключительной законодательной компетенции Федерации земли обладают законодательными полномочиями лишь тогда и постольку, когда и поскольку они специально уполномочены на это федеральным законом.

В сфере конкурирующей законодательной компетенции земли обладают законодательными полномочиями лишь тогда и настолько, когда и насколько Федерация не реализует свою законодательную компетенцию путем издания закона. В этой сфере Федерация имеет право законодательствовать тогда, когда существует необходимость законодательного регулирования на федеральном уровне, потому что законодательство отдельных земель не может действительно урегулировать вопрос или урегулирование вопроса на основе закона земли может нарушить интересы других земель или всего сообщества или этого требует сохранение правовой или экономической целостности, в частности поддержание однородности условий жизни в пределах всей Федерации.

Основной закон разделяет законодательные обязанности федерального правительства на исключительные полномочия (статьи 71 и 73), одновременные полномочия (статьи 72, 74 и 74а) и рамочные полномочия (статья 75). Исключительная законодательная юрисдикция федерального правительства распространяется на оборону, иностранные дела, иммиграцию, транспорт, связь и валютные стандарты. Федеральное и земельное правительства совместно используют полномочия в нескольких областях, включая гражданское право, вопросы беженцев и высылаемых лиц, общественное благосостояние, управление земельными ресурсами, защиту потребителей, здравоохранение и сбор статистики естественного движения населения (данные о рождении, смерти и браке). В области средств массовой информации, охраны природы, регионального планирования и регулирования государственной службы рамочное законодательство ограничивает роль федерального правительства предложением общих руководящих принципов политики, на которые затем выкладывает ландер посредством детального законодательства. Области совместной ответственности для ландеров и федерального правительства были расширены за счет поправки к Основному закону 1969 года (статьи 91а и 91b), которая призывает к совместным действиям в таких областях, представляющих широкий социальный интерес, как высшее образование, региональное экономическое развитие, и сельскохозяйственная реформа.

Хотя Основной закон закрепляет распределение полномочий на уровне федеральных земель и федерации в целом, наблюдается рост значения федеральных органов власти [2]. Учитывая это, руководство ФРГ приняло решение о «перераспределении» полномочий в пользу субъектов, что было отражено в «Любекском заявлении» 2003 г. «Любекское заявление» предполагает уменьшение законодательной компетенции федерации в пользу земель путем ограничения полномочий центра

такими сферами, как оборона, правопорядок, правачеловека, внешняя политика и «рамочное» регулирование вопросов экологии, экономики и социальной политики. Примечательно, что объем полномочий, «передаваемых» субъекту по «Любекскому заявлению», во многом идентичен полномочиям, предусмотренным деволюционными актами Великобритании [1].

Изучение проблем федерализма, в том числе в компаративистском ключе, остается актуальным направлением отечественной юридической науки. В статье О. А. Шабаршовой рассмотрено разграничение полномочий между федеральными органами власти и органами власти земель в Германии, исследованы структурные принципы федеративной системы Германии.

Несмотря на критику, германский федерализм – это, с одной стороны, зрелище, в котором премьер-министры иногда выступают в роли средневековых суверенов, защищая свою независимость. Однако, с другой стороны, федерализм развил интегративные полномочия, без которых ни интеграция более 10 миллионов беженцев после Второй мировой войны, ни преодоление последствий германского единства после 1990 года были бы невозможны. К тому же, федерализм в Федеративной Республике Германии появился не только как демократическая альтернатива национал-социалистическому унитарному государству и традиции немецкой истории. Он также был призван западными союзниками в качестве предпосылки для нового государства в Западной Германии, то есть ему было явно предоставлено Учредительное собрание (Парламентский совет) в качестве центрального строительного блока демократического порядка. Соответствующую инструкцию получил премьер-министр земель западных зон оккупации 1 июля 1948 года во Франкфурте-на-Майне.

В первом из «Франкфуртских документов» говорилось: «Учредительное собрание разработает демократическую конституцию, которая создаст федеральную форму правления для вовлеченных земель, которая наилучшим образом восстановит нынешнее растерянное единство Германии и права тех, кто в ней участвует. Защищает земли, создает соответствующую центральную власть и содержит гарантии индивидуальных свобод и прав».

Германия стремится к тому, чтобы в будущем федеральных законов стало значительно меньше, с которыми федеральные земли обязаны были бы соглашаться. Это должно значительно ускорить законодательство и исключить взаимные блокады Бундестага и Бундесрата, некоторые из которых преобладали во время правления красно-зеленой коалиции.

Библиографический список

1. Шарифов, М. Ш. Влияние этнократизма на обеспечение государственного суверенитета и федерализма / М. Ш. Шарифов // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 7. – С. 24–32.
2. Геймбук, Н. Г. Конституционно-правовые основы реформирования федеративных отношений в современной Германии / Н. Г. Геймбук // Государство и право. – 2011. – № 7. – С. 68–74.
3. Бовкун, Е. Германия в поисках другого федерализма / Е. Бовкун // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 4. – С. 23–25.
4. Черник, А. Межбюджетные отношения в системе федерализма : германский вариант / А. Черник // Финансы. – 2002. – № 4. – С. 20–21.
5. Саломатин, А. Ю. Характерные черты германского федерализма / А. Ю. Саломатин, Ж. А. Савченко // Наука. Общество. Государство. – 2015. – № 2 (10). – С. 55–63.
6. Павлов, И. Германский федерализм: опыт реформирования / И. Павлов // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 10. – С. 57–61.

ОСОБЕННОСТИ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В КАНАДЕ*

FEATURES AND HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF FEDERALISM IN CANADA

Аннотация. Первые 75 лет существования Канады главным политическим вопросом являлась борьба за власть между Оттавой и провинциями. Провинции стремились влиять на внешнюю политику на ранних этапах. Иностранные конфликты зачастую являлись стимулом для Оттавы к укреплению ее собственной власти за счет провинций. Такая уникальная ситуация сложилась из-за специфических особенностей канадского федерализма.

Ключевые слова: федерализм, Канада, автономия, провинции.

Annotation. The first 75 years of Canadian existence, the main political issue was the struggle for power between Ottawa and the provinces. Provinces sought to influence foreign policy in the early stages. Foreign conflicts, on the other hand, were often the impetus for Ottawa to strengthen its own power at the expense of the provinces. This unique situation has developed due to the specific features of Canadian federalism.

Keywords: federalism, Canada, autonomy, provinces.

Федерализм – это политическая система, в которой власть и ответственность правительства разделена между федеральным законодательным органом и рядом законодательных органов штатов или провинций.

Швейцарский юрист Роберт Неф, говоря о федерализме, пишет, что он является противоположностью централизму и альтернативой автономизму, партикуляризму и конфедерализму [1].

В Канаде федеральное правительство обладает юрисдикцией в отношении всей страны, а правительства каждой провинции – в отношении отдельных групп населения по территориальному признаку. Провинции не являются суверенными и не могут быть юридически отделены. Полномочия органов власти обоих уровней вытекают из Конституции страны.

Вернемся к истокам федерализма и посмотрим, как зарождалась эта политическая система в Канаде. Джон Бойко – автор шести книг по истории Канады, в своей последней работе «Sir John's Echo» [2] представил историю Канады со времен Конфедерации как борьбу между Оттавой и провинциями, в которой центральное правительство часто утверждало себя в качестве движущей силы национального единства и необходимых перемен в стране.

Также хронология развития Канадского федерализма представлена в коллективной монографии Р. Симеона и Я. Робинсона «Государство, общество и развитие канадского федерализма» [3].

Конституция Соединенных Штатов 1787-го года является самым ранним примером современной федеральной конституции. Основы канадского федерализма

* Научный руководитель – к.ю.н., доц. Н. В. Макеева.

были заложены на Квебекской конференции 1864 года. Резолюции Квебека представляют собой компромисс между теми, кто хочет, чтобы суверенитет принадлежал федеральному правительству, и теми, кто хочет, чтобы он был закреплен за провинциями [4, 5]. В основе компромисса лежала конституция Британской империи, в соответствии с которой колонии поселений получили самоуправление во внутренних делах.

Переговоры между политическими лидерами провинции Канады, Нью-Брансуика и Новой Шотландии привели позднее к принятию Императорским парламентом закона, который объединил эти три колонии в 1867 году в федеральное государство.

Конфедерация знаменует собой начало канадского федерализма. Объединение содействовало экономическому росту, территориальной экспансии и военной обороне. О. А. Авдеевой и Н. В. Макеевой высказывается мысль, что именование государства конфедерацией уже в тот момент было довольно условно и по факту Канада уже тогда была федерацией [6].

Причин объединению было несколько. Французские канадцы, большинство из которых проживают только в Квебеке, не желали передавать все полномочия в руки центрального правительства, где они будут меньшинством. Кроме того, в Новой Шотландии и Нью-Брансуике существовало сильное чувство провинциальной самобытности. Поэтому федерализм стал необходимым компромиссом.

Центральный характер текущего канадского федерализма легко продемонстрировать, если сравнить его с первоначальной федеральной конституцией Соединенных Штатов. Следует помнить, что очевидным намерением отцов Конфедерации было обратить вспять процесс, происходящий в Соединенных Штатах и наделить центральное правительство Канады всеми полномочиями, которые неизбежно связаны с национальным суверенитетом.

Отцам Конфедерации казалось, что главным недостатком американской конституции была слабость «центра», и они решили, что должны укрепить свои позиции, чтобы избежать гражданской войны, в которой оказались американцы в то время, когда разрабатывался канадский федерализм.

Первый премьер-министр Канады Джон А. Макдональд не питал энтузиазма по поводу федерализма и предпочел бы унитарное государство, в котором провинции получали власть от центрального правительства и находились в подчинении. Кроме того, гражданская война в Америке способствовала укреплению веры в то, что могущественные правительства провинций станут источником нестабильности. По этим причинам Конституция Канады содержит признаки, до сих пор несовместимые со строгой теорией федерализма.

После Шарлоттаунской конференции Макдональд сделал следующие комментарии на банкете в Галифаксе 12 сентября 1864 г., на котором он объяснил свои взгляды на американскую конституцию:

«Говорят, что правительство Соединенных Штатов потерпело неудачу. Я не захожу так далеко. Напротив, я считаю это чудесной выставкой человеческой мудрости. Оно было настолько совершенно, насколько это могла сделать человеческая мудрость, и под ним до недавнего времени американские государства процветали, но, будучи делом людей, он имел свои недостатки, и именно мы должны были воспользоваться этим опытом и попытаться понять, не можем ли мы прийти к тому, чтобы избежать ошибок наших соседей, тщательно изучив его. <...> Мы знаем, что каждое отдельное государство было индивидуальным суверенитетом – что у каждого была своя армия и военно-морской флот и политическая организация – и когда они образовались в конфедерацию, то дали центральной власти только определенные конкретные права, присущие суверенным полномочиям. Опасностей, связанных

с этой системой, мы избежим, если сможем договориться о формировании сильного центрального правительства, великого центрального законодательного органа и конституции союза, которые будут обладать всеми суверенными правами, кроме тех, которые предоставляются местным органам власти. Тогда мы сделаем большой шаг вперед перед Американской Республикой» [7].

Согласно Конституции, лейтенант-губернатор каждой провинции, назначаемый центральным правительством, может препятствовать вступлению в силу законодательства провинции до тех пор, пока оно не будет утверждено центральным правительством. Центральное правительство может также запретить любой провинциальный закон в течение года после его принятия.

Канадские политики сформулировали целый ряд различных концепций канадского федерализма. Различия во мнениях в Канаде были выражены в больше, чем в большинстве иных федераций, и не было достигнуто консенсуса относительно надлежащих отношений между двумя уровнями власти.

Полуфедеральная концепция Макдональда ассоциировалась с Консервативной партией примерно до 1900 года. В течение этого столетия она пользовалась незначительной поддержкой, хотя централизованный взгляд на федерализм, подчеркивающий важность сильного и активного центрального правительства, по-прежнему пользуется значительной поддержкой.

Современные централисты выступают за широкое толкование законодательных полномочий парламента и считают, что центральное правительство должно иметь возможность проводить политику в своих областях компетенции без консультаций с правительствами провинций. Они также считают, что центральное правительство должно иметь доступ к преобладающей части налоговых поступлений и что оно должно иметь право предоставлять провинциальным органам власти условные гранты даже в отношении вопросов, не относящихся строго к его юрисдикции.

С 1939 года в Прогрессивной консервативной партии и во всех партиях Квебека на провинциальном уровне большое внимание уделяется важности провинциальной автономии.

Канадский федерализм на практике колеблется между крайностями централизации и децентрализации. Предпочтение Макдональда к централизованному режиму одерживало победу в течение нескольких лет после создания Конфедерации, но к 1880-м годам правительства провинций стали такими же могущественными, если не более сильными, как их американские коллеги. Также не в последнюю очередь формированию автономной экономики помог контроль провинций над природными ресурсами после 1930 года.

Ухудшение отношений между франкоязычными и англоязычными канадцами подорвало деятельность Консервативной партии Макдональда и усилило антицентралистические настроения в Квебеке. Централизация временно возродилась после того, как в 1917 году центральное правительство впервые ввело подоходный налог, военную службу по призыву и установило беспрецедентный контроль над экономикой.

После 1921 года эти тенденции были в значительной степени повернуты вспять, и Великая депрессия показала, что центральное правительство не имело возможности эффективно справляться с серьезным экономическим кризисом.

Предпринимались усилия для обеспечения того, чтобы централизация во время Второй мировой войны имела более долгосрочные последствия, чем во время Первой мировой войны. Центральное правительство монополизировало подоходный налог с физических лиц с 1941 по 1954 год, а конституционные поправки предоставили парламенту полномочия по установлению страхования занятости и всеобщих пенсий.

Смещение власти в сторону провинциальных органов власти стало очевидным после 1960 года, когда правительство Квебека во главе с Жаном Лесажем выступило в качестве противника централизации. Другими факторами послужили: растущее значение природных ресурсов провинции, упадок старой коммерческой и финансовой элиты, базирующейся в Монреале, экономическая интеграция Канады и США и развитие более конкурентной партийной системы после поражения Либерального правительства Сент-Лорана в 1957 году [8].

В период 1960–1980 годов эти обстоятельства привели к существенному увеличению доли провинций в налогообложении и государственных расходах. Чаще стали проводиться конференции между премьер-министром и провинциальными премьерами [9]. Правительства провинций стали более активно вмешиваться в экономику, а также оспаривать право центрального правительства проводить экономическую политику без их сотрудничества или согласия.

Отношения провинций с иностранными правительствами также приобрели важное значение. Резкое увеличение нефтяных доходов провинции Альберта после 1972 года еще больше обострило федеральную систему и сделало правительство этой провинции более презрительным по отношению к федеральным властям.

После 1972 года рост доходов от природных ресурсов заставил ряд других провинциальных органов власти потребовать дополнительных полномочий в пересмотренной конституции, причем Альберта была наиболее воинственной в этом вопросе.

В ответ на это давление центральное правительство созвало в период 1968–1981 годов ряд межправительственных конференций по конституционным изменениям. Дальнейшие переговоры привели к внесению оговорок в Хартию прав и замене первоначальной формулы поправок формулой, которая позволяла несогласным провинциям освобождать себя от применения поправок, которые сокращали бы их полномочия.

Все правительства провинций, за исключением Квебека, согласились с этим компромиссом, который вступил в силу 17 апреля 1982 года. Кульминацией этих усилий стало достижение договоренности между 11 первыми министрами в апреле 1987 года в рамках соглашения, в котором Квебек был признан в качестве отдельного общества. Соглашение предусматривало участие провинций в отборе сенаторов и судей Верховного суда, ограничение полномочий федерального правительства на расходование средств в районах, находящихся под его юрисдикцией и признание полномочий провинций в области иммиграции.

Создание Конституции и два продолжительных раунда конституционных переговоров не приблизили Канаду к достижению консенсуса в отношении направления развития федерализма. Так, те, кто поддерживает сохранение или расширение полномочий центрального правительства, утверждают, что децентрализация является скорее причиной, чем следствием различий между провинциями, и что она игнорирует существенные общие интересы канадцев, которые могут быть выражены только через сильный центральный орган – правительство. Они также утверждают, что чрезмерная децентрализация ослабляет экономику Канады и ее влияние в мире. Маловероятно, что эти разногласия будут разрешены в ближайшее время.

Библиографический список

1. Неф, Р. Да здравствует нонцентрализм! / Р. Неф. – Москва : Фонд Фридриха Науманна, 2002. – Вып. 12. – 93 с.
2. Boyko, J. Sir John's Echo: The Voice for a Stronger Canada / J. Boyko. – Ontario : A. J. Patrick Boyer, 2017.

3. Simeon, R. State, society and the development of Canadian federalism / R. Simeon. – Toronto : Buffalo : Univ. of Toronto Press, 1990. – 381 p.
4. Confederation, being a series of hitherto unpublished documents bearing on the British North America Act / ed. by J. Pope. – Toronto, 1895.
5. Trotter, R. G. Canadian Federation / R. G. Trotter. – Toronto, 1924.
6. Авдеева, О. А. Канадский федерализм: особенности формирования / О. А. Авдеева, Н. В. Макеева // Вестник Пензенского государственного университета. – 2015. – № 3 (11). – С. 103.
7. The Nautical Magazine and Naval Chronicle for 1864. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
8. Stevenson, G. The Canadian Encyclopedia / G. Stevenson. – Toronto : Historica Canada. – URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/federalism>
9. Руденко, О. А. Конкурентный федерализм: развитие канадского федерализма в 1970-е – начале 1980-х годов / О. А. Руденко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 14. – С. 37–41.

УДК 341.645

В. А. Шкурова

*магистрант, Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

V. A. Shkurova

master student, Penza State University, Penza

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ШВЕЙЦАРИИ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

SWITZERLAND JUDICIAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF FEDERAL RELATIONS

Аннотация. Рассматривается судебная система Швейцарии согласно подразделению на федеральный и кантональный уровни. Анализируются принципы функционирования судебной системы Швейцарии, закрепленные в действующей Конституции Конфедерации. Приводится характеристика федеральных судов. Акцентируется внимание на разновидностях и особенностях кантональных судов.

Ключевые слова: швейцарский федерализм, конфедерация, судебная система, принципы правосудия, суды кантонов.

Annotation. The article deals with the Swiss judicial system according to the division into federal and cantonal levels. The principles of the functioning of the Swiss judicial system, enshrined in the current Constitution of the Confederation, are analyzed. The characteristic of federal courts is given. Attention is focused on the varieties and characteristics of cantonal courts.

Keywords: Swiss federalism, confederation, judicial system, principles of justice, cantonal courts.

Швейцарский федерализм представляет уникальную форму государственного устройства, позволившую сохранить единство и обеспечить процветание этой многонациональной страны (в ней официальными признаны четыре языка). Швейцария состоит из двадцати шести кантонов, которые, в свою очередь, подразделяются на около трех тысяч общин.

Швейцария как федерация с момента рождения была построена на высокой самостоятельности территориальных самоуправляющихся единиц и сохранила

* Научный руководитель – к.ю.н., доц. Н. В. Макеева.

данный подход [1, с. 36–46]. Так, кантоны стремятся по возможности максимально сохранить свой суверенитет и самобытность, отдав федеральной власти полномочия лишь в тех сферах, где это диктуется политико-экономической целесообразностью, и продолжают оставаться своеобразными государственными образованиями с присущими государству институтами власти: каждый из них имеет свою конституцию, свои законы, парламент, правительство, полицию, суды. На последнюю сферу деятельности и обратим внимание, рассмотрев судебную систему Швейцарии на федеральном и кантональном уровнях.

Действующая Конституция Швейцарской Конфедерации 1999 г. [2], хотя формально и не закрепила разделение властей в качестве принципа, однако установила структуру центральных органов государства, четко разделенную на законодательную, исполнительную и судебную.

Основу функционирования судебной системы Швейцарии составляет ряд конституционных принципов. Швейцарская Конфедерация провозглашена правовым государством (ст. 5 Конституции). На первое место поставлены права и свободы швейцарских граждан, институт гражданства и социальные цели государства. Заметим, что по сравнению с Конституцией 1874 г., в Конституции 1999 г. нормы, касающиеся правосудия, значительно расширены. Конституция провозглашает принцип равенства граждан перед законом (ч. 1 ст. 8), обязательность исполнения вступивших в законную силу судебных решений на всей территории Швейцарии (ч. 3 ст. 122), регулирует разграничение компетенции между Конфедерацией и кантонами в сфере материального и процессуального права (ст. 122, 123), вопросы помилования и амнистии (п. к ч. 1 ст. 173), коротко определяет компетенцию Федерального суда, относя проблемы организации и процедуры в Федеральном суде к законодательному регулированию (ст. 188, 189).

Помимо этого, Конституция 1999 г. закрепила принцип презумпции невиновности (ч. 1 ст. 32), запрет на смертную казнь (ч. 1 ст. 10), право каждого гражданина на то, чтобы его дело рассматривалось независимым и беспристрастным судом, учрежденным законом (ч. 1 ст. 30), разрешалось в разумный срок (ч. 1 ст. 29), чтобы проведение судебного заседания и вынесение решения осуществлялось публично, за исключением случаев, предусмотренных законом (ч. 3 ст. 30). Особый акцент делается на правах, предоставляемых в случае лишения свободы (ст. 31, ч. 2 ст. 32).

Важным конституционным принципом служит участие населения в отправлении правосудия, что состоит в возможности рассмотрения определенной категории дел непрофессиональными судьями и судом присяжных (это предусмотрено конституциями кантонов). Так, кантональные суды зачастую состоят из профессионального судьи – председателя и двух-четырех непрофессиональных судей. В ходе судебного процесса они выполняют те же функции, что и профессиональные судьи, но слушание дела завершается именно под председательством профессионального судьи. В Цюрихе, Берне, Фрейбурге при рассмотрении дел о тяжких преступлениях в судах первой инстанции предусматривается участие присяжных заседателей, которые заседают с профессиональными судьями при вынесении приговора. В Цюрихе, Берне непрофессиональные судьи могут заседать самостоятельно, когда обвиняемый признает себя виновным [3, с. 52].

Следует указать и на публичность вынесения решения: решения принимаются судьями в зале заседания, без удаления в совещательную комнату и текст решений либо их резолютивная часть тут же оглашается.

Обратим внимание на то, что суды не обладают независимостью от государства в некоторых вопросах организации деятельности судов «по вертикали». Так, государственными органами устанавливается рабочее время судьи, его заработная

плата, решаются вопросы, связанные с временным отстранением его от должности, понижением заработной платы (что предусмотрено, например, в кантоне Женева).

В силу ст. 21 Федерального закона о судоустройстве, Федеральный суд ежегодно направляет Федеральному собранию отчет о своей деятельности. Статья 169 федеральной Конституции и аналогичные положения кантональных конституций (ст. 61 Конституции Валлиса, ст. 31 Конституции Цюриха, ст. 64 Конституции Фрайбурга) определяют, что право надзора за судами имеют соответствующие парламенты. В некоторых кантонах, например в Женеве, такое право предоставлено Правительству кантона.

Действующая в Швейцарии система формирования судейского корпуса в целом основана на проведении выборов. Продолжительность срока пребывания в должности судьи варьируется от одного года в кантоне Аппенцель (ст. 20, 28 и 30 Конституции) до десяти лет в кантоне Тичино (ст. 45 Конституции). В большинстве кантонов судьи избираются на четыре года (например, Берн – ст. 54, 57 Конституции, Люцерн – ст. 74, 83, 85 Конституции) или на шесть лет (например, Женева – ст. 132 Конституции, Цюрих – ст. 11 Конституции) (здесь везде имеются в виду кантональные конституции). Судьи Федерального суда избираются на шесть лет (ст. 145 федеральной Конституции, ст. 5 Федерального закона о судоустройстве).

Для характеристики швейцарской судебной системы весьма важным является институт судебного конституционного контроля. Здесь такой контроль осуществляется судами общей юрисдикции. Но в Швейцарии федеральное законодательство не подлежит судебному контролю на предмет его соответствия Конституции. Этот вывод вытекает из содержания ст. 189 Конституции, раскрывающей функции Федерального суда как органа конституционной юстиции, и из ст. 191, гласящей, что Федеральный суд обязан применять федеральные законы и международное право.

Кантональные конституции также не подлежат судебному контролю со стороны Федерального суда. Это положение вытекает из ч. 2 ст. 51 и ч. 1 ст. 52 Конституции Швейцарии, в соответствии с которыми конституции кантонов гарантированы Конфедерацией и Конфедерация защищает конституционный правопорядок кантонов. Причем гарантия дается только в том случае, если конституция кантона не противоречит федеральному праву. Но контроль за кантональными конституциями со стороны Федерального собрания не является абсолютно свободным от политических влияний и не равносителен тому контролю, который мог бы осуществлять суд [4, с. 251].

В соответствии с п. 2 ст. 122, п. 3 ст. 123 Конституции Швейцарии, организация судов, судопроизводство и правосудие по гражданским и уголовным делам находятся в компетенции кантонов. Ранее в этой сфере кантоны и федерация были наделены параллельной компетенцией, потому и сегодня в стране действует, наряду с процессуальными нормами, закрепленными в кантональных конституциях, в кантональных законах о судоустройстве, гражданском и уголовном процессуальных кодексах, принятых во всех швейцарских кантонах, также и Федеральный закон о судоустройстве. Конституция Швейцарии закрепила за Конфедерацией законодательные полномочия в области материального права.

Большое значение имеет принцип разделения судов на федеративные суды и на суды субъектов федерации – кантонов.

Систему федеральных (союзных) судов образуют Федеральный суд Швейцарии, Федеральный суд по уголовным делам, Федеральный суд по административным делам и Федеральный патентный суд. Остановимся подробнее на изучении компетенции данных судов.

Федеральный суд Швейцарии, основанный еще в 1848 г., является высшим судебным органом государства по гражданским, уголовным, административным

и конституционным делам. В качестве суда первой и единственной инстанции Федеральный суд рассматривает конституционные споры между Федерацией и кантонами, споры между кантонами, жалобы граждан на нарушения их конституционных и политических прав. Данный суд является судом апелляционной инстанции по отношению к большинству решений Федерального суда по административным делам и Федерального патентного суда. Кассационному пересмотру в этом суде подлежат жалобы на решения нижестоящих судов по гражданским делам о банкротстве, на решения апелляционных палат высших судов кантонов по уголовным делам, апелляционной палаты Федерального суда по уголовным делам.

Федеральный суд по уголовным делам образован в 2004 г. и состоит из уголовной и апелляционной палат. Так, Уголовная палата рассматривает в качестве суда первой инстанции уголовные дела о преступлениях, связанных с подделкой документов, вмешательством в отношения иностранных государств, злоупотреблениях должностными полномочиями, политических преступлениях, явившихся причиной или следствием беспорядков, которые могут стать поводом для вооруженной интервенции в Швейцарию; уголовные дела о преступлениях, ответственность за совершение которых установлена специальными федеральными законами (об авиации, атомной энергии, производстве военных материалов) и другие.

Апелляционная палата этого суда рассматривает жалобы на действия полиции, прокуроров, жалобы на решения суда по вопросам мер процессуального принуждения, жалобы в рамках оказания юридической помощи по уголовным делам и исполнения приговоров иностранных судов.

Федеральный суд по административным делам образован в 2007 г. с целью рассмотрения жалоб на решения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти кантонов.

Рассмотрением административных дел в первой инстанции занимаются пять коллегий (отделов), каждый из которых имеет свою компетенцию (вопросы антимонопольного регулирования, государственных закупок, миграционного законодательства, сферы драгоценных металлов и прочее).

Федеральный патентный суд существует с 2012 г. и рассматривает споры, связанные с нарушением патентов и товарных знаков, выдачей лицензий на патент, установлением права на патент, признанием патента недействительным или передачей патента.

Касаемо судов субъектов федерации, входящих в кантональную судебную систему, отметим, что они представлены двумя видами обычных (неспециализированных) судов. Это суд первой инстанции и высший суд, который в зависимости от кантона может называться Кантональный суд или Высший суд.

Высшие (кантональные) суды обычно рассматривают жалобы на решения нижестоящих судов, как обычных, так и специализированных, но в некоторых кантонах такой суд принимает к производству в качестве суда первой инстанции все имущественные иски, решения по которым могут быть обжалованы в Федеральный суд. В Цюрихе, Сен-Галлене имеются, кроме того, кассационные суды, компетентные рассматривать жалобы на решения, вынесенные Высшими (кантональными) судами.

В кантонах наиболее полно основы судостроительства и организация юрисдикционных органов определяются кантональными законами о судостроительстве. Например, согласно Закону о судостроительстве кантона Женева, к органам, составляющим кантональную судебную систему, отнесены: а) суды приюдомов; б) мировые судьи; в) суды первой инстанции; г) полицейские суды; д) суд правосудия; е) исправительный суд; ж) суд присяжных; з) прокуратура; и) судебные следователи; к) коллегии обвинителей; л) суд по опеке; м) суд по делам несовершеннолетних; н) кассационный суд; о) административный суд; п) суд по спорам о подсудности дел между общими судами и специальными судами; р) суд по спорам в области аренды недвижимости [5, с. 51].

Итак, компетенция кантонов в сфере организации судебной власти, сложившаяся исторически, привела к чрезвычайному разнообразию кантональных судебных систем, и в этом состоит специфика национального судопроизводства. Однако дуалистический характер судебной системы Швейцарии порождает немало проблем в этой стране, в том числе связанных с защитой прав человека, что не позволяет ставить данную судебную систему в пример другим федеративным государствам.

Вместе с тем деятельность многих институтов швейцарского правосудия показала свою эффективность. Речь, прежде всего, о системе административной юстиции, дающей возможность давать оценку управленческим актам и сфере защиты прав человека, несколько смягчающая отсутствие полноценного судебного конституционного контроля; об институте непрофессиональных судей, способствующем привлечению к отправлению правосудия представителей населения; наконец, речь о хорошо развитой системе специализированных судов, которую в России еще предстоит создать.

Таким образом, судебная система Швейцарии представлена сложной иерархией и во многом противоречива. Это обусловлено, с одной стороны, стремлением кантонов сохранить свою самостоятельность и в рамках федеральной судебной системы создать свою собственную систему правосудия, а с другой, тенденцией к неуклонному расширению компетенции центральной власти за счет сужения полномочий кантонов.

Библиографический список

1. Малько, А. В. Генезис федерализма в странах Европы / А. В. Малько, А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин // Современная Европа. – 2018. – № 1.
2. Окунько, Л. А. Конституции государств Европы : в 3 т. / Л. А. Окуньков. – Москва : Норма, 2001. – Т. 1. – 824 с.
3. Маклаков, В. В. Политические институты и конституционное право Швейцарии / В. В. Маклаков // Иностранное конституционное право. – Москва : Юрист, 1996. – 512 с.
4. Баглай, М. В. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов / М. В. Баглай. – 4-е изд. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2016. – 976 с.
5. Пилипенко, Ю. С. Судебная система Швейцарии : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Пилипенко Ю. С. – Москва, 2001. – 211 с.

УДК 342

А. А. Чибочинова
магистрант, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

A. A. Chibochinova
master student, Penza State University, Penza

СЕМЕЙНАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ФЕДЕРАТИВНОМ ГОСУДАРСТВЕ (ОПЫТ СТРАН ЕВРОСОЮЗА)*

FAMILY LEGAL POLICY IN A FEDERAL STATE (THE EXPERIENCE OF EU COUNTRIES)

Аннотация. Рассмотрены семейная политика стран Евросоюза, ее значение для государств. Показано разнообразие пособий, выплат, льгот в этих странах. Представлены

* Научный руководитель – к.ю.н., доц. Н. В. Макеева.

последние тенденции развития государственной поддержки стран Евросоюза в семейном праве.

Ключевые слова: Евросоюз, семейная политика, семейная политика Евросоюза, семейное право Евросоюза.

Annotation. The article is devoted to the consideration of family policy of the European Union countries, its importance for states. Shows a variety of benefits, payments, benefits in these countries. The latest trends in the development of state support of EU countries in family law are considered.

Keywords: European Union, family policy, Family policy of the European Union, family law of the European Union.

Проведение семейной политики является одной из важных задач государства. Семейное право затрагивает самую суть повседневной жизни людей, как никакая другая правовая отрасль. Каждый человек на протяжении своей жизни, так или иначе, становится субъектом семейно-правовых отношений. Последнее время демографическая ситуация в европейских странах оставляет желать лучшего. Основным видом помощи, который предоставляет семьям государство, являются денежные выплаты и пособия, которые выплачиваются по различным основаниям.

Правовая база регулирования семейных отношений в государствах Евросоюза имеет сложный, многоуровневый характер, она включает в себя материальные и коллизионные нормы, содержащиеся в многосторонних и двусторонних международных договорах, в конвенциях, регламентах, во внутригосударственном праве [1, с. 17].

Схемы начисления денежных пособий весьма разнятся по странам. Так, в Австрии и Дании пособия предоставляются всем семьям, имеющим детей, вне зависимости от доходов; во Франции размер пособий увязан с доходами и с числом детей в семье. В Великобритании право на получение пособий имеют лишь семьи с минимальными доходами (не зависимо от числа детей), в Италии и некоторых других странах установлен «потолок» доходов семьи, после которого никакие пособия не выплачиваются.

Эволюция семейных отношений, рост числа разводов, формирование новых форм партнерских союзов, рост внебрачных детей и числа неполных семей, – все это побуждает европейские страны не только увеличивать помощь семье, но и разрабатывать новые формы такой помощи.

Например, в Бельгии государство осуществляет широкий круг мер в рамках семейной политики: выплата пособий, снижение налогов, субсидии на жилье и обучение детей и т.д. Пособия выплачиваются на всех детей (начиная с первого), но их размер зависит от профессионального статуса родителей, численности детей в семье, очередности рождения ребенка. Пособия увеличивается исходя из возраста ребенка – в 14 лет оно в три раза больше, чем на ребенка до четырех лет. В случае если ребенок учится, то пособие выплачивается до 25 лет. Семейные выплаты весьма многообразны и включают в себя обычные семейные пособия, пособия для сирот, фиксированные семейные пособия для детей, имеющих одного кормильца, дополнительные пособия (социальные пособия для детей с расстройствами здоровья или инвалидностью, пособия, выплачиваемые в связи с достижением возраста, в связи с потерей одного кормильца), пособия в связи с рождением и периодом адаптации после рождения [2, с. 79].

Льготы на транспорт, которыми пользуются все многодетные семьи (с тремя детьми и более). Детям до 25 лет и их родителям, проживающим в Бельгии (гражданам из стран ЕС), получающим семенные пособия, предоставляется 50 % скидки при оплате железнодорожных поездок по стране и на морских судах до Великобритании.

Также существуют льготы на жилье. Для стимулирования приобретения жилья в собственность действует система скидок.

В Австрии при определении размера пособий и льгот во главу угла ставится число детей в семье, а не доходы семьи. Помощь семьям выдается из общественных фондов. Компенсационный фонд семьи, которому переданы все полномочия по выдаче семейных пособий, финансируется из средств, поступающих от предпринимателей. Другие источники – правительство и органы власти провинций, которые выделяют средства из налоговых поступлений. Провинции делают взносы в Компенсационный фонд семьи пропорционально числу жителей. Фонд находится в ведении Министерства семьи, молодежи и защиты потребителя. Пособия на детей выдаются, в случае если они учатся, до 27 лет.

Между странами-членами Евросоюза достигнут определенный консенсус в принципиальных подходах к государственной поддержке семей с детьми.

В Заключении совета министров, отвечающих за политику в отношении семьи, принятом в 1989 году, Европейская Комиссия так определила сложившуюся тогда ситуацию: в странах-членах применяются разнообразные подходы к институту семьи. Восприятие государства по отношению к семье также различается. В то же время с помощью различных мер, осуществляемых в рамках различных направлений – социальное обеспечение, налоговая политика, семейное право и другие – государственные органы во всех странах-членах занимаются условиями жизни семей. Семейная политика означает совокупность этих мер. В этой трактовке семейная политика трактуется максимально расширительно и, по сути, включает в себя демографическую политику и политику народонаселения.

Повторим, что семейные пособия являются лишь одной из форм семейной политики, реализуемых в странах Евросоюза. Также, очень широко используются налоговые льготы. К примеру, в Исландии базовое пособие на ребенка предоставляется в виде налогового вычета и управляется налоговой службой. Сумма вычета имеет твердый характер и не зависит от дохода в отношении детей в возрасте до 7 лет.

В большинстве стран Евросоюза, пособия семьям, имеющим детей, выплачиваются из бюджета и не связаны с социальным страхованием. Условием предоставления пособия на ребенка является факт проживания ребенка и родителей в стране. При этом в Германии, к примеру, для получения пособия на ребенка достаточно, чтобы один из родителей платил налоги в данной стране.

Пособия на детей выплачиваются и безработным. Они, как правило, принимают форму семейных пособий. Финансируются семейные пособия в большинстве стран ЕС за счет налоговых поступлений в госбюджет. Все семейные пособия, в том числе и пособия на детей, в странах ЕС (кроме Греции и Испании) не облагаются налогом.

Более того, страны Западной Европы стали усиленно использовать фонд социальной помощи для улучшения положения малообеспеченных семей и других граждан «группы риска». В ряде стран доля семей с детьми, живущих на уровне бедности или ниже, остается без изменений (в Норвегии, Люксембурге), в других она выросла (во Франции, Германии, Италии), в третьих – снизилась (в Дании, Швеции).

Признавая важность семейных пособий для населения, правительства стран Западной Европы тем не менее считают возможным снижать их, чтобы не обременять госбюджет, поскольку он и так перегружен растущими затратами на пенсионное обеспечение и пособия по безработице. В рамках семейной политики наблюдается лишь перераспределение государственных затрат по отдельным статьям. Снижаются расходы на базовые детские пособия (уменьшение их размеров, частичная или полная ликвидация их индексации и т.д.). Сокращаются пособия на кредитование

покупки жилья и на оплату коммунальных услуг. Одновременно с этим увеличиваются затраты на родительский отпуск [3, с. 32].

Следует также отметить еще одну общую тенденцию последних лет среди стран Европейского Союза: законодатели все большее внимание уделяют наиболее уязвимым группам населения. Таким образом, семейные пособия все в большей степени выплачиваются на избирательной, а не на универсальной основе.

Эффективность проведения любой политики зависит от ряда факторов. Исследуя федеративные государства, особое внимание уделяется отношению федеральных органов власти с органами субъектов федерации. От их взаимоотношения зависит успешность существования государства и народа в целом. В чью компетенцию лучше отдавать непосредственное исполнение политики государства вызывает много споров. Наилучшем распределением полномочий (и так обычно на практике государства и решают такие вопросы) является следующее: основные (общие) положения, принципы и способы проведения семейно-правовой политики закрепляются на федеральном уровне, а их конкретизация осуществляется на уровне субъекта федерации. Но такое распределение полномочий не обязательно будет успешным, так как всегда встает вопрос о его финансировании. Обычно налоговая база федерального бюджета намного больше, чем субъектов, так как большинство налогов и других сборов поступают туда, а потом перераспределяются в пользу менее обеспеченных слоев населения. Тем не менее, подобная политика позволяет поддерживать не только социальную стабильность, но и стимулирует массовый платежеспособный спрос. Также успешная семейная политика зависит от самого народа государства, его территории и других факторов. Государство должно само выбирать модель устройства, которая будет удобна и практична именно ему.

Библиографический список

1. Европейское семейное право : учебник / Е. В. Ерохина ; Оренбургский гос. ун.-т. – Оренбург : Университет, 2016. – 240 с.
2. Чебунина, Ж. В. Социальное обеспечение в Бельгии: вопросы сравнительного права / Ж. В. Чебунина // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-obespechenie-v-belgii-voprosy-sravnitelnogo-prava>
3. Хижный, Э. К. Эволюция государственной семейной политики ведущих стран Западной Европы в конце XX – начале XXI в. / Э. К. Хижный // Актуальные проблемы Европы. – 2009. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-gosudarstvennoy-semeynoy-politiki-vedushih-stran-zapadnoy-evropy-v-kontse-hh-nachale-xxi-v>
4. Сравнение социальных выплат в европейских странах. – URL: <http://foreign-life.info/news/379-sravnenie-socialnyh-vyplat-v-evropeiskih-stranah.html>

УДК 342

Р. Г. Попов, С. В. Тихонов

*магистранты, Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

R. G. Popov, S. V. Tikhonov

master students, Penza State University, Penza

СУДЕБНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

JUDICIAL FEDERALISM IN GERMANY: PECULIARITIES OF FORMATION AND CURRENT STATE

Аннотация. Актуальность данной темы объясняется тем, что вопрос о функционировании судебной системы любого государства напрямую связан с вопросом о деятельности

судейского корпуса. Именно судья является главным действующим лицом в процессе отправления правосудия. Порядок формирования судейского корпуса – это один из факторов, который влияет на качество осуществления правосудия. От того, как пополняется судейская корпорация, зависят, во-первых, квалификация судей, а во-вторых – степень их независимости и беспристрастности. Более того, без качественного и реально независимого судейского корпуса нельзя говорить о правовом государстве и демократии.

Ключевые слова: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, конституционные суды земель Федеративной Республики Германии, полномочия конституционных судов, конституционный судебный процесс.

Annotation. The relevance of this topic is explained by the fact that the question of the functioning of the judicial system of any state is directly related to the question of the judiciary. It is the judge who is the main actor in the administration of justice. The manner in which the judiciary is formed is one of the factors that affects the quality of the administration of justice. How the judicial Corporation is replenished depends, first, on the qualification of judges, and secondly, on the degree of their independence and impartiality. Moreover, without a high quality and truly independent judiciary it is impossible to talk about the rule of law and democracy.

Keywords: constitutional (Charter) courts of subjects of the Russian Federation, constitutional courts of lands of the Federal Republic of Germany, powers of constitutional courts, constitutional judicial process.

Проблема, связанная с теорией и практикой федерализма, занимает одно из ведущих мест в системе государственно-правовых наук. К конституционным моделям федеративных государств прибегает достаточно большое число унитарных государств для поиска решений своих национально-территориальных проблем.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению особенностей судебного федерализма в Германии, изложим суть этого явления.

На сегодняшний день в науке не сложилось единой теории федерализма. Сложность данной категории наглядно демонстрируется огромным количеством определений. Например, по Дж. Смит «федерализм можно рассматривать как идеологию: федеральная идея задумана как компромисс – между разнообразием и единством, автономией и суверенитетом, национальным и региональным». Дж. Локк же под федерализмом рассматривал некое сообщество людей, подданных государства, противопоставляя его остальной части человечества, не относящейся к данному государству. Он считал, что ущерб, причиненный одному подданному государства, считался ущербом для всего государства [3, с. 39].

К основным принципам федерализма относятся: добровольность объединения государств и государственных образований, признание федеральной конституции и конституций субъектов федерации, общая территория и гражданство, разграничение полномочий между федеральной и региональной властями и т.д.

Федеративная Республика Германия была провозглашена 23 мая 1949 г. в западной оккупационной зоне. В тот же день в Бонне Парламентский совет провозгласил вступление в силу Основного закона страны, «в целях придания нового порядка государственной жизни на переходный период» [8]. В советской оккупационной зоне 7 октября 1949 г., в противовес ФРГ, была основана Германская Демократическая Республика. Конституция 1949 г. была выработана только для государства трёх оккупационных зон, т.е. только для ФРГ. Однако, после интеграции ГДР в состав ФРГ, она стала Основным законом для объединенной Германии [1, с. 471]. Из Конституции исключалась статья 23 о возможности присоединения новых земель, так как считалось, что она выполнила свое предназначение и Германия более не претендует ни на какие другие земли. На данный момент Федеративная Республика Германия включает в себя 16 земель, среди которых особо выделяются три земли, получившие статус «свободного государства» (Свободное государство Бавария,

Свободное государство Саксония и Свободное государство Тюрингия) и два города, имеющих статус «свободного города» (Свободный ганзейский город Бремен и Свободный ганзейский город Гамбург), однако это не предоставляет им особых прав по сравнению с другими землями ФРГ. Все земли имеют одинаковый конституционно правовой статус.

Федерализм, закрепленный Конституцией ФРГ 1949 г., означает, что отдельные федеральные земли: пользуются ограниченным суверенитетом; имеют свои конституции, представительные органы; в некоторых случаях имеют право заключать договоры с другими государствами. К исключительной законодательной компетенции Федерации относятся: внешние сношения, гражданство Федерации, свобода передвижения, основы финансово-экономической системы, транспорт и связь, торговля и промышленность. Все остальное считается сферой конкурирующего законодательства.

Земли также имеют свое законодательство, строго ограниченное «рамочными предписаниями», изданными Федерацией. Данная модель федерализма, основанная на субсидиарности, получила название «кооперативной» [3, с. 89].

Современная Федеративная Республика Германия является симметричной федерацией, составные части которой обладают равноправием, имеют равный статус, а также являются однородными по природе. В Основном законе ФРГ нет специального раздела о федеративном устройстве государства. Однако, практически каждый раздел Конституции затрагивает взаимоотношения Федерации и земель, что в значительной мере свидетельствует о реализации на практике основных принципов федерализма.

Конституционный контроль в государственно-территориальных образованиях – составных частях федеративных государств – занимает важное место в системе обеспечения правосудия и целостности судебной власти.

Современная организация судебной власти в Германии, безусловно, отражает историческое развитие страны. Поэтому очень важно обратиться к истории становления судебной власти в Германии, в том числе и для того, чтобы понять причины федерализма всей судебной системы. В настоящее время вся судебная система этой страны представляет собой пример полисистемности и специализации [6, с. 12].

Процесс создания современных судов был начат в Германии в середине XIX века, с создания административных судов, а современная систем судебной власти в Германии окончательно сложилась во второй половине XX века.

Федеративное устройство страны исторически определило необходимость существования механизма урегулирования разногласий между участниками федерации. Уже в Германском Союзе 1815 года, который представлял собой конфедерацию государств, существовала развернутая система правил урегулирования разногласий между странами-участниками.

В соответствии с Конституцией Германской империи 1871 года, которая закрепляла федеративное устройство государства, разногласия между государствами – субъектами федерации должны были решаться Бундесратом, в состав которого входили представители субъектов федерации. Соответственно, специального судебного органа и судебной процедуры для разрешения подобных конфликтов, еще не существовало, а конфликты между субъектами федерации разрешались органом законодательной власти.

Веймарская республика также не знала еще такой обширной конституционно-правовой гарантии контроля администрации со стороны правосудия. Однако в соответствии с Веймарской Конституцией 1919 года заметно усилился судебный контроль государственной власти. Приоритет императорского права гарантировался ст. 13 Конституции, в соответствии с которой в случае сомнения или расхождения

во мнениях относительно соответствия актов земель имперскому праву центральные органы могли обращаться в высшие судебные инстанции Империи, как правило, в Имперский Верховный суд.

Наряду с этим и при отсутствии в Конституции специальных предписаний на этот счет, сложилась практика, по которой государственные суды могли рассматривать вопросы о соответствии федеральных законов Конституции Империи и выносить решение о неприменении антиконституционного закона.

Принципиально новым элементом, привнесенным Веймарской Конституцией, стало учреждение специального Высшего Государственного Суда. Ст. 19 Конституции, в частности, установила: «По конституционным спорам в рамках одной земли, где не существует судебного органа для их разрешения, а также по спорам, не носящим частного-правового характера, между различными землями или между Империей и землей, решение принимается Высшим Государственным Судом Германской Империи по ходатайству одной из сторон, участвующей в споре, если не предусмотрены компетенции иного судебного органа Империи. Решение Высшего Государственного Суда исполняется Президентом Германии».

Однако Высший Государственный Суд Германской Империи не обладал общими полномочиями по решению конституционно-правовых споров, его компетенция ограничивалась главным образом, решением споров между Империей и землями, а также между отдельными землями.

Федерально-конституционный суд ФРГ, учрежденный в соответствии с Конституцией ФРГ 1949 года наделен полномочиями по разрешению любых конституционно-правовых споров с обязательной силой его решений для всех других государственных органов, включая органы государственной власти.

В 1945 году после крушения нацистского режима, которое также означало ликвидацию Имперского верховного суда, в Германии не имелось сначала никакого вышестоящего суда. Первым шагом к созданию такой инстанции было учреждение Верховного суда для Британской зоны с местоположением в Кельне, который был судом ревизии в гражданских и уголовных делах с 1948 г. по 1950 г. для восьми Верховных судов земель. После объединения британской и американской зоны в Объединенную экономическую область был создан Немецкий Верховный суд в Кельне, который должен был унифицировать истолкование и применение частного и публичного хозяйственного права.

В связи с учреждением Федеративной Республики Германии в 1949 году 1 октября 1950 года была создана Федеральная Судебная Палата в Карлсруэ, которая сначала была высшим судом для старых федеральных земель, а с воссоединением Германии 3 октября 1990 года Федеральная Судебная Палата стала высшим судом по гражданским и уголовным делам для всей Германии [5, с. 130].

В современный период в Германии формирование судейского корпуса осуществляется по-разному на уровне федеральных судов и судов земель. При этом судьи Федерального конституционного суда в равном количестве избираются федеральным парламентом – Бундестагом и Бундесратом. Назначение судей высших судов федерации производится президентом ФРГ по предложению компетентного федерального министра и Комиссией по выборам судей, которая состоит из компетентных министров земель и 16 членов, избираемых Бундестагом. Компетентными в отношении судей Федерального верховного суда, например, являются федеральный министр юстиции и министры юстиции земель. Замещение судейских должностей в судах отдельных земель происходит различными способами. В одних землях они назначаются премьер-министром, в других – министром юстиции данной земли. В некоторых землях назначению на судейскую должность предшествуют выборы кандидата специальной комиссией по выбору судей, в которой участвуют депутаты

парламента, судьи и адвокаты. Как правило, назначение судьи должен одобрить кабинет министров соответствующей земли.

Эффективная работа конституционных судов земель ФРГ, оказывающая существенное влияние на общегосударственный конституционный контроль и судебный процесс, заставляет без преувеличений считать эти суды образцовыми органами конституционной юстиции, к показателям которых должны стремиться и отечественные конституционные (уставные) суды. Еще в 2004 г. Р. Вилль привел некоторые статистические данные о работе немецких конституционных судебных органов, показавшие, что земельные конституционные суды ФРГ рассматривают в сотни раз больше дел и обращений, чем конституционные (уставные) суды РФ.

К примеру, в 2003 г. только Конституционным судом Берлина было рассмотрено 228 дел [3, с. 1], в то время как за 2015 г. все существующие в субъектах Российской Федерации конституционные (уставные) суды вынесли в общей сложности 179 актов, а в 2017 г. – 122 [6].

Конституционное законодательство демократической республиканской Германии, как отмечалось выше, имеет более развитую и продолжительную историю. Основной закон (Конституция) ФРГ был принят еще в 23 мая 1949 г. И непосредственно в тексте Основного закона дважды упоминается о конституционных судах земель и их взаимосвязи с Федеральным Конституционным судом. Так, в п. 46 ч. 2 ст. 93 Конституции ФРГ закреплено, что Федеральный конституционный суд разрешает дела: по конституционным жалобам общин и объединений общин по поводу нарушения законом права на самоуправление, предусмотренное ст. 28, а в отношении законов земель при условии, что жалоба не может быть подана в конституционный суд земли. Таким образом, Конституция ФРГ не только заявляет о признании права земель на создание собственных органов конституционного судебного контроля, но также устанавливает особенности их взаимодействия с Федеральным конституционным судом. Любопытно также содержание ст. 99 Основного закона Германии, гласящей, что закон земли может предоставить Федеральному конституционному суду право рассмотрения конституционных споров в пределах одной земли. До 1 мая 2008 г. эта норма практически реализовывалась в Шлезвиг-Гольштейне, где не существовало собственного конституционного суда, а улаживанием конституционных споров неоднократно занимался Федеральный конституционный суд.

Основной закон ФРГ имеет еще несколько важных положений, напрямую касающихся конституционных судов земель. Так, в ч. 1 ст. 100 установлено, что если суд посчитает неконституционным закон, от признания которого действующим зависит решение, то процесс подлежит приостановлению; в случаях, когда речь идет о нарушении конституции земли, должно быть получено решение компетентного в разрешении конституционных споров суда земли. Таким образом, федеральная конституция устанавливает основы взаимодействия конституционных судов земель с судами, осуществляющими иное судопроизводство.

Правовые нормы, затрагивающие конституционные суды земель и перечисленные в Основном законе ФРГ, имеют не только важное регулятивное, но также административно-идеологическое значение. Они показывают специфику судебной власти Германии, где региональные конституционные суды являются неотъемлемой правовой реальностью и выступают рабочим и эффективным элементом системы обеспечения правосудия. А если говорить о правовом механизме реализации полномочий этих судов, особенностях его нормативного выражения, можно отметить, что Основной закон ФРГ является конкретным (то есть содержащим конкретные правовые нормы) источником земельного (регионального) конституционно-судебного права.

Важной особенностью нормативного выражения правового механизма реализации полномочий конституционных судов земель ФРГ является наличие в специализированных законах о них множества отсылочных норм к федеральным законодательным актам. Безусловно, подобное можно найти и в отечественных региональных законах, но такие отсылки носят общий характер (например, квалификационные требования на должность судьи, работа в рамках органов судейского сообщества и т.п.) и не затрагивают вопросов судопроизводства. Законы о конституционных судах земель ФРГ допускают, в частности, применение положений уже упомянутого Закона «О судостроительстве», ГК, ГПК, УПК, АПК (Административно-процессуального кодекса) ФРГ, а также Закона «О Федеральном конституционном суде».

Это обусловлено целым рядом факторов, в том числе исторических и ментальных, но также большое значение имеет проработанность немецкой нормативно-правовой базы, посвященной вопросам конституционного судопроизводства. Особенности нормативного выражения правового механизма реализации полномочий земельных конституционных судов заключаются в широком применении отсылочных норм, применении региональными судами положений федерального законодательства, широком объеме компетенции, а главное, в признании земельных конституционных судов в качестве неотъемлемого органа государственной судебной власти в Основном законе страны. Представляется возможным использовать этот наработанный опыт для повышения качества отечественного регионального конституционного судопроизводства, а также для повышения престижа конституционных (уставных) судов и побуждения к их учреждению в тех субъектах Российской Федерации, где они до сих пор отсутствуют.

В целом, подводя итоги всего вышеизложенного, можно без преувеличения сказать, что уровень конституционной юстиции в землях ФРГ достаточно высокий.

Это обусловлено целым рядом факторов, в том числе исторических и ментальных, но также большое значение имеет проработанность немецкой нормативно-правовой базы, посвященной вопросам конституционного судопроизводства. Особенности нормативного выражения правового механизма реализации полномочий земельных конституционных судов заключаются в широком применении отсылочных норм, применении региональными судами положений федерального законодательства, широком объеме компетенции, а главное, в признании земельных конституционных судов в качестве неотъемлемого органа государственной судебной власти в Основном законе страны.

Представляется возможным использовать этот наработанный опыт для повышения качества отечественного регионального конституционного судопроизводства, а также для повышения престижа конституционных (уставных) судов и побуждения к их учреждению в тех субъектах Российской Федерации, где они до сих пор отсутствуют.

Библиографический список

1. История государства и права зарубежных стран. – Москва : Проспект, 2017. – 559 с.
2. Вилль, Р. Статистические данные по количеству ходатайств в конституционные суды / Р. Вилль // Политические правила и свободные выборы : рабочие материалы к VII Междунар. форуму (Москва, 22–23 октября 2004 г.). – Москва : Ин-т права и публич. политики, 2004. – 314 с.
3. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 3: Два трактата о правлении. – 313 с.
4. Кашенов, А. Т. Конституционное право зарубежных стран / А. Т. Кашенов. – Томск, 2011. – 118 с.

5. Колбун, А. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации: анализ их деятельности и предложения по ее совершенствованию / А. Колбун. – URL: <https://zakon.ru/blo> (дата обращения: 06.04.2019).

6. Колесников, Д. А. Особенности нормативного регулирования деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и конституционных судов земель Федеративной Республики Германии / Д. А. Колесников // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. – 2018. – Т. 3, вып. 2. – С. 12–17.

7. Мазур, Т. В. Создание специализированных судов в Германии: историко-правовой аспект / Т. В. Мазур. – 2010. – № 2-2. – С. 128–134.

8. Основной закон Федеративной Республики Германии : пер. с нем. под ред. Ю. П. Урьяса. – Москва : Прогресс, 1991. – URL: <http://www.1000dokumente.de> (дата обращения: 05.04.2019).

Раздел 3

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

УДК 340

Е. В. Мешикова

*студентка Института права и национальной безопасности,
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов*

E. V. Meshkova

*student, Institute of Law and National Security,
Tambov State University named after G. R. Derzhavina, Tambov*

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSUES OF LIMITATION OF OBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Исследованы разграничения предметов ведения Российской Федерации и её субъектов. Перечисляются некоторые из тех вопросов, что закреплены в Конституции РФ; приводятся государственные задачи; выделяются основные нарушения законодательства Российской Федерации в действующих нормативных правовых актах субъектов РФ; рассматривается несколько постановлений Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: федерализм, предметы ведения, субъекты РФ, федеральные органы государственной власти, федеративные отношения, государственный суверенитет, разграничение ведений и полномочий.

Annotation. This article is devoted to the study of the delimitation of the jurisdiction of the Russian Federation and its subjects. The author lists some of the issues that are enshrined in the Constitution of the Russian Federation, states the state tasks, highlights the main violations of the legislation of the Russian Federation in the current regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation, reviews several decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: federalism, jurisdiction, constituent entities of the Russian Federation, federal government bodies, federal relations, state sovereignty, delimitation of competences and powers.

Российская Федерация по своему устройству является суверенным, целостным, демократическим и федеративным государством, состоящая из равноправных субъектов. Предметы ведения между Российской Федерацией и ее субъектами в некоторых моментах остаются конфликтными, что нужно считать проблемой. Именно поэтому в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации разрешает ее и заполняет конституционные пробелы, что нашло отражение в Докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, где отмечено, что «конституционный образец федерализма невозможно претворить в жизнь пока четкие меры по разграничению предметов ведения и совершенствования правового механизма нахождения решений по различным вопросам, касающихся как Российскую Федерацию, так и ее субъектов не будут установлены» [5, с. 74].

В Конституции Российской Федерации закреплены вопросы различного характера, в том числе вопросы, посвященные федеративному государственному устройству. Среди них можно выделить: предметы ведения Российской Федерации; предметы ведения субъектов Российской Федерации; предметы ведения и Российской Федерации, и субъектов Российской Федерации; автономность муниципальной власти. По общему правилу принимаемые на любом уровне власти правовые акты не должны противоречить Конституции России.

Основным и важным условием устойчивого существования и формирования России как федерации является создание и совершенствование единого правового пространства на всей территории государства.

В связи с этим, в качестве приоритетных государственных задач на современном этапе сложились обеспечение прямого действия Конституции Российской Федерации и федерального законодательства на всей территории страны, а также устранение противоречий между федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации.

Разрешить обозначенную проблему необходимо, так как от этого зависит, во-первых, целостность федеративного государства и нормальная работоспособность государственных механизмов, официально в нем установленных; во-вторых, самостоятельность субъектов федерации в сфере исключительных полномочий (а в России это остаточные полномочия).

Реальное развитие федерализма предопределило появление у субъектов Российской Федерации возможности создавать собственные правовые подсистемы.

Но стоит отметить, что законодательство субъектов Российской Федерации, особенно в течение 90-х годов, организовывалось вопреки условиям Конституции Российской Федерации и федеральных законов, что приводило к дестабилизации единого правового пространства федеративного государства.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации занимают основное место в тех условиях, где состояние федеральных отношений находится в состоянии конфликтности.

Одним из главных условий обеспечения единого конституционно-правового поля в условиях федеративного государства нужно считать своевременное и абсолютное выполнение предписаний Конституционного Суда, что является гарантией верховенства и непосредственного воздействия Конституции Российской Федерации и незыблемости государственного суверенитета.

В области разграничения ведения и полномочий между различными органами публичной власти Конституционный Суд Российской Федерации занимает особое место, так как занимается вопросами восполнением конституционных пробелов.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 1 февраля 1996 года № 3-П на основании нескольких статей Конституции России, отметил, что отсутствие того или иного нормативного правового акта, который бы смог урегулировать вопросы, относящиеся к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, не создает большую и непреодолимую проблему для принятия и утверждения областной Думой собственного федерального закона [1].

Примером могут послужить выборы главы администрации и структурных изменений органов государственной власти субъекта Федерации, так как это является предметом совместного ведения.

В другом своем Постановлении от 4 апреля 1996 № 9 Конституционный Суд пришел к следующему выводу: так как Конституция Российской Федерации до тех пор, пока не будут изданы соответствующие федеральные законы, не создает субъектам Федерации препятствий и барьеров в реализации своего правового регулирования (что

непосредственно отнесено к предметам совместного ведения), включающее в себя установление общих и единых принципов налогообложения и сборов, то и для субъектов Российской Федерации шанс установить собственные налоги и сборы не исключается, но только в пределах статей Конституции Российской Федерации и с соблюдением основных прав и свобод граждан [2].

В итоге, Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что при создании и исполнении политики (как федеральной, так и региональной), федеральные органы государственной власти не должны придерживаться мнения, что правовое равенство субъектов Российской Федерации не означает равенства их потенциалов и уровня социально-экономического развития, во многом зависящих от территории, географического положения, численности населения, исторически сложившейся структуры народного хозяйства и другое. Главным и необходимым условием соблюдения баланса интересов и внедрения общегосударственных стандартов во всех сферах жизнедеятельности субъектов Федерации является учет региональных особенностей.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 декабря 1997 г. № 19 – рассматривал фискальные аспекты разграничения компетенции в рамках проверки конституционности нескольких положений Устава (Основного закона) Тамбовской области [3].

Конституционный Суд принял решение, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают участие в отношениях, имеющих общегосударственное значение, а именно, это отношения финансового, валютного и кредитного характера. Они предусматриваются различными нормативными правовыми актами. К ним относятся федеральные законы и правовые акты федеральных органов государственной власти. Не смотря на то, что Российская Федерация реализует деятельность по финансовому, валютному и кредитному регулированию, осуществление мер по мобилизации и расходованию своих денежных средств не является прерогативой для органов государственной власти субъекта Федерации.

Точка зрения Конституционного Суда Российской Федерации, касающаяся вопросов федеративных отношений характеризуется большим уровнем согласованности и нацеленностью на гармонизацию правового поля Российской Федерации.

Таким образом, чтобы Россия существовала и формировалась как федерация, необходимо было приложить достаточно много усилий. Основным и главным правилом является соответствие всех правовых актов Конституции Российской Федерации. Спорные вопросы, которые складывались между Федерацией и ее субъектами, нашли отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации, который занимает особое место в области разграничения ведения и полномочий между различными органами публичной власти, в связи с тем, что часто его деятельность направлена на восполнение конституционных пробелов.

Библиографический список

1. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного закона Читинской области : постановление Конституционного суда РФ № 3-П от 01.02.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 7. – Ст. 700.
2. По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы : постановление Конституционного суда РФ № 9-П от 04.04.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 16. – Ст. 1909.
3. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Тамбовской области : постановление Конституционного суда РФ № 19-П от 10.12.1997 // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5877.

4. О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг исполнения решений Конституционного суда Российской Федерации : доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2019).

5. Салмина, С. Г. К вопросу правового регулирования предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов / С. Г. Салмина // Вестник Югорского государственного университета. – 2009. – № 4 (15). – С. 74–79.

УДК 342

С. В. Поletaев, О. С. Орлова
магистранты, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

S. V. Poletaev, O. S. Orlova
master students, Penza State University, Penza

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ*

RUSSIAN FEDERALISM: FORMATION AND MODERN PROBLEMS

Аннотация. Рассмотрены проблемы и перспективы развития российского федерализма, в частности, проанализированы положительные и отрицательные стороны федеративного устройства Российской Федерации; изучено федеративное устройство субъектов страны, по которым можно оценить степень централизации государства.

Ключевые слова: федерализм, федеративное устройство, Конституция, суверенитет, территория, централизованное государство, субъекты.

Annotation. This article is devoted to the problems and prospects of the development of Russian federalism, in particular, the positive and negative sides of the Federal structure of the Russian Federation are analyzed, as well as the Federal structure of the subjects of the country, by which it is possible to assess the degree of centralization of the state.

Keywords: federalism, Federal structure, Constitution, sovereignty, territory, centralized state, subjects.

Современный Российский федерализм в своем новом качестве действует уже более 25 лет, с момента подписания Федеративного договора. Одно из его направлений заключается в сохранении Российской государственности и демократизации сфер общественной жизни.

Федерализм – это одна из форм территориального устройства государства, которая предполагает децентрализацию власти на основе разграничения полномочий и предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, а также равноправие и самоопределение народов в составе Федерации при сохранении единства страны. До событий революции 1917 г. на протяжении почти тысячи лет Россия шла по пути развития унитарного государства. Поэтому вопрос становления федерализма в России правоведы связывают со Всероссийским съездом советов 1918 года [8].

Как известно, основы федерализма были сформулированы еще в древности. Безусловно, федерализм, который возник в Древнем мире, если точнее, то в Древней Греции, значительно отличался от того, который возник уже в Новое время, но тем не менее, о нем нельзя не сказать. На наш взгляд, говоря о Древней Греции, и, в первую очередь, об Ахейском союзе, следует говорить скорее не о федерации,

* Научный руководитель – к.ю.н., доц. Н. В. Макеева.

а о конфедерации. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что Ахейский союз все же следует рассматривать в качестве примера именно федерации.

Переходя к российскому историческому опыту развития и становления федерализма, следует согласиться с тем мнением, что сама идея федеративного устройства в России не «придумана после Октябрьского переворота, а имеет многовековые истоки развития. Некоторые исследователи отмечают, что процесс включения территорий в состав России всегда был многоплановым – силовым и добровольным, централизованным и договорным, региональным и этническим [6]».

Безусловно, идеи федерализма были известны в России еще до 1917 г. Более того, некоторые элементы федерализма можно обнаружить и в российской истории, хотя хорошо известно, что она являет собой пример централизации и усиления верховной власти. Но как показывает анализ, мы можем говорить о том, что вся российская история так или иначе строилась на дихотомии централизация-децентрализация. Эти тенденции проявлялись по-разному на различных исторических этапах развития России.

Именно частичную децентрализацию можно рассматривать как, хотя и слабое, но проникновение федеративных принципов в систему государственно-политического устройства России [8].

Российский федерализм в своем развитии прошел 4 основных этапа:

- 1) 1918–1936 гг. – период формирования основ социалистического федерализма;
- 2) 1937–1985 гг. – происходит процесс утверждения фактического унитаризма в организации государственной власти в условиях сложного территориального устройства России;
- 3) 1993 г. – реформирование государственного устройства перед принятием Конституции РФ [5];
- 4) 2000–2014 гг. – современный этап, связанный с укрупнением субъектов и вхождением в состав России новой территории.

Оптимизация федеративных отношений, осмысление и поиск решения насущных задач развития российского федерализма связаны не только с дальнейшей проработкой и реализацией норм, принципов, институтов конституционного права, но и совершенствованием политической, экономической, социальной и культурной сфер российского общества. В связи с этим отметим, что проблемы российского федерализма находятся в диалектической связи со всеми иными проблемами и вызовами, характерными для других сфер общества.

Те проблемы, вызовы, приоритеты, которые объективно складываются в отдельных сферах общественного развития во многом определяют общую тональность развития федеративных отношений, влияют на совершенствование системной модели российского федерализма.

Заметим также, что обеспечение системности российского федерализма в деятельности государства должно решаться через призму соблюдения национальных интересов России не только в процессе межгосударственного взаимодействия, но и посредством их реализации в практике внутригосударственного регулирования всех сфер жизни российского общества [6].

В связи с выше изложенным, важное значение в развитии российского федерализма, совершенствовании федеративных отношений приобретает еще одна проблема (третья) – проблема субсидиарности во внутригосударственной практике российского федерализма.

Для совершенствования российского федерализма есть все необходимые условия и основания. Российская модель разграничения предметов ведения

и полномочий (ст. 71–73 Конституции РФ) является достаточно гибкой и даже универсальной, поскольку она одновременно предполагает способность и готовность двигаться как к централизации власти, так и ее децентрализации, притом, что основы конституционного строя Российской Федерации останутся неизблемыми [1].

В связи с выше изложенным особую актуальность и остроту приобретает еще одна (в нашем случае – четвертая) проблема – проблема государственной региональной политики. Подлинный федерализм, федерализм без популизма не мыслим без четких критериев, ясного содержания, реальных перспектив развития региональной политики. Жизненность таковой на сегодняшний день выступает одновременно условием и гарантией обеспечения возможности субъектов федерации реализовывать себя в сфере «общество-государство – конкретная личность». Требуется не только фактическое принятие статусных основ региональной политики, но и систематическое их обновление, что позволяло бы субъектам РФ быть весьма заметными участниками, даже лидерами в общих процессах государственно-правового, социально-экономического, нравственно-духовного развития общества.

Огромное внимание к проблемам федерализма обусловлено не только с укреплением государственности, сохранением целостности и единства России, но и усилением демократии через соблюдение прав и законных интересов различных народов, прекращение межэтнических разногласий, поддержании экономики с учетом всех особенностей культуры и традиций нации Федерации. Федерализм в некоем смысле является «сердцевиной» национальной политики, где все граждане равноправны [4].

Итак, в совершенствовании федеративных отношений обязаны присутствовать две взаимообусловленные тенденции: во-первых, это тенденция централизации, которая позволяет обеспечить управляемость федеративными отношениями, где происходит согласование круг интересов центра и субъектов Федерации; во-вторых, тенденция децентрализации, которая определяет уровень развития самоуправления, региональной и местной демократии.

В настоящее время в России 22 республики, и если следовать формальной логике ч. 2 ст. 5 Конституции РФ, то на территории России находится 23 государства: Российская Федерация (ст. 1) и 22 республики-государства; а если вновь обратиться к ст. 5, ч. 1 – к положению о равноправных субъектах Российской Федерации, то можно предполагать, что количество государств-субъектов в составе РФ – 85. Каждый из субъектов, заметим, имеют свою особую, свойственную ему государственную власть; свою структуру органов государственной власти, зачастую со своими наименованиями, со свойственным им характером компетенций и объемом полномочий [3].

В итоге получается, что на сегодняшний день в России, в рамках одной страны, существует 86 государственных властей (федеральная государственная власть и субъектная государственная власть), 86 глав государств (федеральный президент и руководители-главы субъектов), 86 правительств (федеральное правительство и правительства субъектов РФ) и т.д., и все по 86 (систем законодательства, налоговых систем, систем государственной службы и пр.). Все это говорит о наличии множества различных юридических и фактических коллизий, противоречиях, нонсенсах.

Современное состояние российского общества можно охарактеризовать как весьма противоречивое, по причине наличия сложных социально-экономических, политических и иных правоотношений. В стране по-прежнему замечен системный кризис во многих общественных отношениях. Поэтому необходимо провести объективный анализ всего процесса становления российского федерализма, учитывая всю его противоречивую специфику и социокультурные особенности [2].

Подводя итог данной работе можно сделать вывод, что формирование современных федеративных отношений в России напрямую связано не только с ее историческим развитием, но и политическими факторами, а также национально-этническими особенностями. Необходимо отметить, что федерации, которые создаются по национально-территориальному принципу, обычно выступают в качестве средства решения национального вопроса в многонациональных, а соответственно многокультурных государствах. Именно поэтому рассмотрение вопроса управления многонациональным российским государством требует большого внимания и не меньшей осторожности, так как сохранение страны как единого непротиворечивого целого, а также национальной безопасности напрямую связаны с умением находить компромиссные решения в федеративных отношениях.

В России в силу исторических обстоятельств, связанных с традиционно сильной центральной властью, основанной на монархическом принципе, федерализм долгие века не рассматривался в качестве возможной формы государственного и политико-территориального устройства.

В начале XX в., в результате социально-экономических потрясений и зарождения многопартийности, вновь пробудился интерес к идеям федерализма, что выразилось в их теоретическом осмыслении [4].

В советский период отечественной истории федерализм стал основополагающим принципом государственного устройства, но носил крайне специфический характер. Это было связано с тем, что он реализовывался на основе национального, а не территориального принципа, что было связано с идеями большевиков о дальнейшем праве наций на самоопределение. Именно этот принцип в результате стал причиной скоротечного распада СССР на почве роста республиканского национализма и сепаратизма.

Современный этап реформирования государственного устройства России характеризуется активным формированием законодательства, регулирующего отдельные аспекты разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти разных уровней, поиском новой модели взаимоотношений центра и регионов. Вместе с тем он является лишь промежуточной стадией общего процесса, который должен завершиться появлением окончательных, базовых основ отечественного федерализма.

Таким образом, можно сделать вывод, что регионализм является интегральной частью федерализма, а реформирование последнего требует от властных органов комплексного анализа не только региональной политики, экономики, соблюдения прав и гарантий, но и информационной защиты, изучение межнациональных отношений.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ] // Российская газета. – 2015. – № 620.
2. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие в 2 т. / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2017.
3. Авакьян, С. А. Конституционное право России : учеб. пособие / С. А. Авакьян. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2018. – 912 с.
4. Брезгулевская, Н. В. Виды федерации и модели федерализма / Н. В. Брезгулевская // Правоведение. – 2018. – № 3. – С. 44–65.
5. Добрынин, Н. М. Новый федерализм. Модель будущего государственного устройства / Н. М. Добрынин. – Новосибирск, 2017. – С. 77–79.

6. Жилиев, А. В. Основные направления государственного строительства в современной России / А. В. Жилиев // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2015. – № 3 (44). – С. 14–17.

7. Малько, А. В. Теория государства и права : учеб. пособие / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. – 3-е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2015. – 213 с.

8. Письменов, В. Н. К вопросу генезиса российского федерализма: теоретические и практические аспекты / В. Н. Письменов // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. – 2018. – № 1-2. – С. 67–72.

УДК 342

Н. А. Плахтий, Е. К. Попова
магистранты, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

N. A. Plahtiy, E. K. Popova
master students, Penza State University, Penza

ДИСКУССИОННЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ*

DISCUSSION, CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF FEDERALISM IN RUSSIA

Аннотация. Рассматриваются конституционно-правовые аспекты федерализма в России. Исследуются вопросы перераспределения и разграничения полномочий между уровнями государственной власти. Акцентируется внимание на проблемах реализации власти органами местного самоуправления и их опережающего регулирования.

Ключевые слова: конституционный федерализм, российский федерализм, разграничение полномочий, органы государственной власти субъектов, местное самоуправление.

Annotation. This article discusses the constitutional and legal aspects of federalism in Russia. The authors explore the issues of redistribution and delimitation of powers between levels of government. The article focuses on the problems of the implementation of power by local governments and their advanced regulation.

Keywords: constitutional federalism, Russian federalism, delimitation of competences, public authorities of the subjects, local government.

Конституция РФ в части 1 статьи 1 закрепила федеративное устройство российского государства. В последнее время в области федерализма происходит все больше модернизационных процессов, преобразований и совершенствования законодательства. Однако это не исключает того, что по-прежнему остаются проблемные и дискуссионные аспекты в этой сфере.

Актуальным вопросом для обсуждения является участвовавшая практика передачи органам государственной власти субъектов РФ федеральных полномочий с одновременной передачей субвенций из федерального бюджета с разрешением последующей передачи этих полномочий на муниципальный уровень [1, с. 70]. Положительной стороной является возможность более скорого принятия решений. Однако нельзя не отметить минусы, заключающиеся в усиленном влиянии органов федеральной власти на органы власти субъектов РФ, затруднении в осуществлении эффективного контроля за целевым расходованием данных денежных средств и отсутствию стимула к увеличению собственных бюджетов субъектов РФ.

* Научный руководитель – к.ю.н., доц. Н. В. Макеева.

Сложно найти однозначное мнение по поводу права субъектов РФ принимать нормативно-правовые акты в порядке опережающего регулирования. Зайналов К. Ш. отмечает очевидную проблему – неясность границ такого регулирования. Нередки в практике случаи, когда субъекты РФ превышали свои полномочия при принятии законов по предметам совместного ведения до выхода федерального закона, в частности, превышение пределов правового регулирования особенно часто отмечалось в сфере экономических интересов субъектов РФ [2, с. 27].

Второй недостаток опережающего регулирования заключается в отсутствии единообразной процедуры приведения региональных правовых актов в соответствие с принятыми федеральными законами. Это приводит к тому, что каждый субъект РФ осуществляет такую процедуру в сформированном на данной территории порядке и в разные сроки, определившиеся в соответствующем субъекте.

Однако отрицать значимость опережающего регулирования для построения «здоровых» федеративных отношений тоже никак нельзя. Примером удачного нормативного акта, принятого в порядке опережающего регулирования, может выступать закон об инновационной деятельности, действующий в ряде субъектов в отсутствии федерального закона.

Андрюченко Л. В. и Юртаева Е. А. крайне позитивно оценивают само право субъектов принимать законодательные акты в данном порядке. Они видят в нем способ необходимого реагирования на сложившиеся общественные требования и возможность ликвидации пробелов по соответствующему предмету регулирования. Кроме того, они отмечают, что действительным положением дел может стать отказ от принятия федерального закона по данному вопросу, исходя из соображений целесообразности, если, принятый субъектом РФ в порядке опережающего регулирования, нормативный акт успешно и в полной мере координирует общественные отношения [3, с. 8–9].

Следует обратить внимание на то, что Конституция РФ называет две правовые формы, в которых может существовать регулирование по вопросам разграничения предметов ведения и полномочий органов государственной власти. Так, статья 11 Конституции РФ в качестве такой формы называет федеративные и иные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий. В статье 76 Конституции РФ законодатель, говоря о предметах совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, устанавливает издание федеральных законов по данным вопросам. Таким образом, возникает неясность, что в подобном случае носит первостепенный характер. Особый интерес к данной проблеме обусловлен и тем, что она непосредственно влияет на формирование системы источников права в России.

По статье 76 Конституции РФ принятие федеральных законов в соответствии с нормативно-правовыми актами субъектов РФ должно приводить к тому, что в таких законах должны закрепляться вопросы совместного ведения, а также регулировать правовое положение участников этих правоотношений. Однако ряд ученых-юристов, не безосновательно, отмечают, что на практике разграничение полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти пошло по договорному пути. Это приводило к усилению неравенства между субъектами РФ, так как заключение таких договоров практически официально устанавливало их неравноправие.

Несомненно, и то, что практика передачи полномочий также реализуется и на так называемом третьем уровне российского федерализма, а именно на уровне местного самоуправления. Как указал в Особом мнении судья Конституционного Суда РФ А. Н. Кокотов, «местное самоуправление в его конституционном закреплении – это своеобразный «третий» уровень российского федерализма. Если субъекты РФ есть форма децентрализации государства в целом, то муниципальные образования

в субъектах РФ – это децентрализация в децентрализации. Такая конституционная конструкция разворачивает вертикаль публичной власти в равнобедренный треугольник, в котором федеральный центр (вершина треугольника) в равной мере может и должен опираться как на субъекты РФ, так и на муниципальные образования, в том числе используя муниципальный фактор в качестве средства воздействия на субъекты РФ с целью удержания последних в русле единой государственной политики, а в конечном итоге – в рамках единого конституционного пространства страны» [4, с. 16–20].

Только теперь в данном случае полномочия перераспределяются уже от субъектов РФ к муниципальным образованиям соответственно. Так согласно статье 19 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» возможно наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями [5]. Однако в последнее время на местном уровне происходит в этом вопросе так называемая «неразбериха с полномочиями», связанная с «несбалансированностью объема ответственности и ресурсов муниципалитетов», что вызывает необходимость «привести ситуацию в соответствие со здравым смыслом, с требованиями времени» [6]. В частности, неоднозначна позиция в отношении проведенных в последнее время преобразований в части распределения полномочий между уровнями власти, без должного учета их природы, в том числе и в отношении отмеченных полномочий в сфере здравоохранения и социальной защиты населения.

В ряде случаев органы местного самоуправления неоправданно лишаются средств влияния на процессы жизнеобеспечения на местах, которые эффективнее можно решать именно с муниципального уровня, именно с учетом принципов «шаговой» доступности органов местного самоуправления и муниципальных услуг для жителей. Существенной проблемой является и то, что законы большинства субъектов РФ не содержат прописанной процедуры передачи отдельных государственных полномочий от органов государственной власти органам местного самоуправления, повторяя лишь принципы наделения подобными полномочиями, либо констатируют конкретный факт передачи вместо порядка заключения подобного рода соглашений, что требует более детального урегулирования на федеральном уровне [7, с. 10–14].

Все эти положения приводят к существованию к одной из основных проблем, стоящей перед современным российским федерализмом, а именно нарушение принципа разграничения предметов ведения и полномочий, как между Российской Федерацией и ее субъектами, так и между государственной властью и местным самоуправлением [8, с. 89–93].

Для разрешения существующего вопроса первоначально можно и нужно сделать вывод, о том, что закрепление норм о разграничении компетенции РФ, субъектов РФ и муниципальных образований по предметам совместного ведения предпочтительнее федеральными законами. Однако более действенными, эффективными и справедливыми эти законы сделают новые правовые нормы, которые будут дополнительно регламентировать взаимодействие между тремя уровнями власти в России. При этом конкретно в аспекте российского федерализма необходимо не допустить дальнейшего размытия полномочий того или иного уровня российского федерализма, а также прекратить практику постоянного перекидывания данных полномочий с одной ступени власти на другую. Требуется закрепить такие правовые нормы, которые смогли бы ограничить возможность «сваливать» полномочия федерального уровня на региональный уровень, а потом и на местный уровень, тем самым создав благоприятные условия для развития всего российского федерализма.

Библиографический список

1. Скворцова, Ю. В. Современное состояние и перспективы модернизации современного российского федерализма / Ю. В. Скворцова // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 68–73.
2. Зайналов, К. Ш. К вопросу об опережающем правовом регулировании по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов / К. Ш. Зайналов // Современное право. – 2012. – № 4. – С. 26–29.
3. Андриченко, Л. В. Конституционные основы российского федерализма / Л. В. Андриченко, Е. А. Юртаева // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 5–16.
4. Шугрина, Е. С. Понятие местного самоуправления как конституционной ценности / Е. С. Шугрина // Юридический мир. – 2016. – № 2. – С. 16–20.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 (в ред. от 18.04.2018 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – 6 октября. – № 40. – Ст. 3822.
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. – 2014. – № 1.
7. Щепачев, В. А. Развитое местное самоуправление – основа укрепления российского федерализма / В. А. Щепачев // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 10–14.
8. Какителашвили, М. М. Некоторые проблемы современного российского федерализма / М. М. Какителашвили // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 8. – С. 89–93.

УДК 342

А. А. Паняева
магистрант, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

A. A. Panyayeva
master, Penza State University, Penza

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

FEATURES OF JUDICIAL FEDERALISM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Рассматривается устройство судебной власти в федеративном государстве на примере Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная власть, суд, федерализм, принцип единства, организация судебной власти.

Annotation. The article discusses the structure of the judiciary in a federal state on the example of the Russian Federation.

Keywords: Judicial branch, court, federalism, principle of unity, organization of judicial power.

Для наиболее точного обозначения особенностей устройства и организации системы судебной власти в федеративном государстве в научный оборот был введен термин «судебный федерализм».

* Научный руководитель – к.ю.н., доц. В. А. Терехин.

Судебный федерализм – это принцип устройства судебной власти в федеративном государстве, связанный с приспособлением институтов судебной власти к федеративному характеру отношений между федеральным центром и составными частями федерации. Иными словами, судебный федерализм представляет собой общий принцип, институциональную форму, а так же правовой режим устройства и функционирования судебной власти, с помощью которых осуществляется работа и адаптация всех ее структур к федеративному характеру отношений между центром и составными частями государства.

В федеративном государстве, как, впрочем, и в унитарном, основой построения судебной власти является принцип единства, который, тем не менее, имеет различное наполнение в каждой из форм государственного устройства. В унитарном государстве, ввиду особенностей его организации, единство судебной власти построено на основе централизма. Централизм подразумевает под собой создание одноуровневой структуры судебных органов. В свою очередь, судебная власть в федеративном государстве организуется на основе сочетания централизации и децентрализации, существовании иерархичной системы государственных органов. Наличие отличительных особенностей в организации судебной власти в федеративных государствах обусловлено необходимостью решения вопроса о распределении государственно-властных полномочий, то есть о разделении судебной власти между федеральным центром и субъектами федерации, необходимостью повсеместного соблюдения принципов государственного суверенитета, главенства Конституции и федеральных законов, имеющих общенациональный характер [1, с. 33].

Единство судебной системы также проявляется в ряде иных аспектов: в верховенстве Конституции и соблюдении всеми судами ее норм, а так же единообразном применении норм федеральных законов, обязательности на всей территории государства требований судебных решений, вступивших в законную силу, осуществлении судопроизводства и судьями субъектов, и федеральными судьями в соответствии с правилами, которые были установлены федеральным законом, осуществлении федеральными судами судебного контроля за законностью правовых актов, принятых региональными органами власти и т.д. Развитие региональных судебных подсистем определяют также экономические, социальные и политические предпосылки. Самым наглядным примером является постепенное совершенствование федеративных отношений. В сфере судостроительства происходит поэтапное расширение компетенции субъектов Российской Федерации. Правосудие осуществляется в соответствии с основными принципами, закрепленными в Конституции и федеральном законодательстве.

И в Конституции РФ, и в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», и в ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» содержатся указания на принцип единства. Суды, входящие в федеральную судебную систему, а так же суды, образующие судебную систему субъектов РФ, определены в федеральном законодательстве. Так, конституционные суды субъектов Российской Федерации и мировые судьи отнесены к судам субъектов РФ.

В разнообразии форм государственного устройства федерация занимает особое место. Федеративный способ территориальной организации государства характерен для большинства наиболее развитых стран мира. И тенденции распространения данной разновидности политико-территориального устройства связаны с перераспределением определенной части полномочий на уровень регионов, поэтому судебный федерализм является распространенным явлением в современном мире. В целях упрочения российского федерализма и эффективной защиты личности, общества и государства необходимо разумное учитывание интересов регионов и центра, оптимальное соотношение и баланс централизации и децентрализации.

На всех уровнях организации государственной власти – начиная федеральным центром и заканчивая субъектами – эффективная судебная власть является основой для устойчивого развития государства. Исполнение, точная реализация законов – это одна из основополагающих государственных функций. Из этого следует, что наличие независимой, беспристрастной судебной власти, прежде всего, находится в сфере интересов самого государства.

Особенности организации федерации, безусловно, оказывают прямое воздействие и на институт судебной власти. Поскольку субъекты государства имеют право осуществлять государственную власть на своем уровне, из этого следует, что федеральная судебная система сочетается с относительно автономными системами субъектов федерации. Это подразумевает, что необходимо законодательное согласование этих систем, а так же установление политико-правовых и экономических основ их взаимодействия. В федеративных государствах при организации судебной власти приходится учитывать правовые особенности каждого субъекта. Нельзя забывать и о стремлении субъектов к самостоятельности.

На практике организация судебной власти в федеративном государстве представлена двумя моделями: централизованной и дуалистической.

Отличием дуалистической системы является то, что в ней оба уровня власти, и федеральная, и власть субъектов, закреплена Конституцией, что по факту порождает двойственность суверенитета – им обладают оба уровня власти. Ярким примером модели дуалистического устройства являются США, Канада, Австралия, где параллельно сосуществуют две иерархически организованные системы судов. При этом федеральные суды первой инстанции и апелляционные суды действуют параллельно с судами первой инстанции и апелляционными судами Соединенных Штатов Америки [2, с. 62].

Россия является примером централизованной модели организации судебной власти. Действующая судебная система России в основном соответствует принципам федерализма. Согласно Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» в России установлен принцип единства судебной системы, предполагающий лишь некоторую автономность субъектов Федерации в сфере судебной власти. Единство судебной системы Российской Федерации обуславливается единством природы судебной власти. Но данный принцип не отрицает наличия в структуре единой судебной системы как развивающегося целого, наличие различных уровней и подсистем. Согласно Конституции РФ, судьи судов общей юрисдикции, арбитражных судов, Конституционного и Верховного судов назначаются органами Федерации, а именно: судьи высших судов – Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, а остальные, вплоть до районных судов общей юрисдикции и арбитражных судов субъектов Федерации, Президентом России. И лишь мировые судьи избираются со стороны законодательных органов субъектов.

Конституция РФ не содержит указаний на наличие внутри государственной системы Российской Федерации отдельной судебной системы субъектов. В высшем нормативном правовом акте страны непосредственно регулируются и регламентируются лишь статус высших федеральных судебных органов, в то же время суды субъектов РФ в нем не упоминаются. Положения, которые устанавливают основы организации, и работы судебной системы на региональном уровне, в Конституции РФ отсутствуют [3, с. 202].

Судебная система, по крайней мере ее основы, определяются на общегосударственном законодательном уровне. Конституцией и федеральными законами учреждается и упраздняется судебная система, устанавливаются единые правила

судопроизводства, которые повсеместно соблюдаются судами, регулируется единый статус судей, регламентируется централизованный порядок назначения (избрания) судей федеральных судов, кроме этого создается система судебного надзора и контроля вышестоящих судебных инстанций над нижестоящими.

В соответствии с ч. 2 ст. 11 и ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации, субъекты Российской Федерации наделены правом самостоятельной организации системы органов государственной власти исходя из требования ее соответствия основам конституционного строя России. В федеративном устройстве государства неизбежно фигурирует элемент децентрализации, предопределенный самим типом его устройства. Конституционный принцип разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами относит к ведению федерального центра: установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности, способа формирования вышеуказанных органов власти. Уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, гражданское, гражданско-процессуальное и иные ответвления законодательства так же отнесены к ведению федерального центра. В свою очередь вопросы кадрового обеспечения судебных органов, а так же установление определенных принципов организации системы органов государственной власти, включая органы судебной власти, отнесены к совместному ведению Российской Федерации и субъектов.

Реализация существующих конституционных положений, посвященных федеративному устройству российского государства, предопределяет создание системы органов судебной ветви власти в субъектах Российской Федерации [4, с. 153].

Принцип федерализма преследует также и вспомогательные цели, которые направлены не только на еще большее совершенствование взаимоотношений между федеральным центром и регионами, но и так же на существенное улучшение работы органов местного самоуправления и судебных органов.

Перед судами, которые формируют судебную систему Российской Федерации, стоит множество задач, которые они призваны разрешать, среди которых:

1. Принцип доступности правосудия, который должен быть реализован путем приближения судебных органов к месту проживания граждан. Но под доступностью правосудия понимается не только территориально удобное расположение судов, но так же и упрощение процедуры инициирования судебного разбирательства (снижение размера госпошлины, замена письменных обращений устным и т.п.);

2. Снижение нагрузки на федеральную судебную систему. Судебная система развивается в сторону все большей открытости и доступности правосудия, из чего следует, что все большую роль будут играть примирительные процедуры, институт медиации и т.д. Не нужно забывать о том, что наличие судов в субъектах РФ не может быть рассмотрено как вариант снижения нагрузки на федеральные суды, так как данное звено российской судебной системы в основном нацелено на развитие и укрепление федеративных отношений;

3. Непосредственное обеспечение взаимодействия региональных институтов государственной власти, гражданского общества и суда, что, в свою очередь, проявляется в согласовании кандидатур судей субъектов Российской Федерации с региональными органами власти для поддержания эффективности правосудия на местах. Так же не менее важно отправление правосудия с учетом региональных традиций и особенностей правосознания граждан каждого конкретного региона, если подобные нюансы имеются.

Преимущество явления судебного федерализма состоит в независимости органа конституционного контроля от других государственных органов и нахождения его вне политики. В результате конституционные и уставные суды субъектов РФ

вполне вписались в теорию разделения властей и систему сдержек и противовесов. Они стали судебными органами, устанавливающими эффективные пределы государственного властвования.

Библиографический список

1. Лысов, П. К. Особенности организации судебной власти в Российской Федерации / П. К. Лысов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 8.
2. Мельникова, Г. В. Судебный федерализм: сущность и институционально-правовые признаки / Г. В. Мельникова // Юрист-Правовед. – 2007. – № 6.
3. Фарукшин, М. Х. Разграничение полномочий по регулированию федеративных отношений внутри третьей ветви государственной власти / М. Х. Фарукшин // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1.
4. Цалиев, А. М. Судебная власть как обязательный атрибут субъекта Российской Федерации / А. М. Цалиев // Журнал российского права. – 2016. – № 4 (232).

Раздел 4

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ МНОГОСОСТАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

УДК 342

К. А. Евсеева
студентка, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

К. А. Evseeva
student, Penza State University, Penza

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ. КИОТСКАЯ КОНВЕНЦИЯ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАНДАРТ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ*

INTERNATIONAL PRINCIPLES OF CUSTOMS REGULATION. KYOTO CONVENTION AS AN INTERNATIONAL STANDARD IN THE FIELD OF CUSTOMS REGULATION

Аннотация. Рассматриваются международные принципы таможенного регулирования и принципы Киотской конвенции. Определено понятие международных принципов. Отмечены значение, сущность, структура Киотской конвенции.

Ключевые слова: таможенное регулирование, принципы, конвенция, инструменты.

Annotation. This article discusses the international principles of customs regulation, as well as the principles of the Kyoto Convention. The article defines the concept of international principles. The significance and essence of the Kyoto Convention, as well as its structure are noted.

Keywords: customs regulation, principles, Convention, instruments.

В настоящее время международные принципы таможенного регулирования очень важны и являются главным составляющим звеном норм международного права [1]. Международные принципы улучшают систему международных отношений, а так же способствуют их развитию в перспективе.

Киотская конвенция так же на сегодняшний день является одной из самых значимых документов в сфере таможенного регулирования. Международная конвенция об упрощении и гармонизации операций в области таможни (Киотская конвенция) является неким ориентиром для системы законодательства многих развитых государств.

Принципы влияют на различные интегральные процессы, происходящие в таможенной сфере [2].

Принципы можно представить в виде особых правил и стандартов, с помощью которых эффективно осуществляется деятельность в сфере таможенного регулирования [3].

Международные принципы таможенного регулирования – это основные начальные установки отношений между государствами в области таможенного дела.

* Научный руководитель – к.социол.н., доц. С. А. Агамагомедова.

Рис. 1. Перечень международных принципов таможенного регулирования

Соблюдение всех перечисленных международных принципов на сегодняшний день является очень важным. Например, принцип законности, в соответствии с ТК РФ должен исполняться всеми субъектами таможенного права.

Киотская конвенция представляет собой универсальное международное соглашение в сфере таможни, она регулирует все, что связано с международным сотрудничеством [4].

Структура конвенции достаточно проста. Она состоит из:

- протокола;
- текста;
- приложений.

В свою очередь приложения делятся на:

- специальные;
- генеральные.

В данной конвенции трактуются практически все специальные принципы, которые входят в состав международного таможенного регулирования [3].

Необходимо подчеркнуть, что принципы, которые зафиксированы в Киотской конвенции, распространяются на международное и правовое регулирование, а значит применять их нужно как самые главные начала в сфере регулирования [5].

Главное в Киотской конвенции это сделать как можно проще правила и процедуры [6].

Принципы обязательно должны соблюдаться, так как они являются обязательными в международных стандартах таможенного регулирования.

Если следовать принципам данной конвенции можно:

- эффективно выявлять нарушения, которые связаны с законами таможни;
- выявлять сферы, где возникновение риска является повышенным уровнем;
- рациональное распоряжение ресурсами.

Главным документом, на который опирались эксперты в процессе формирования ТК ЕАЭС – является Киотская конвенция [7]. Важное условие присоединения к Киотской конвенции – это принятие ее текста и генеральные приложения. Принятие одного или более специальных приложений Конвенции, а также одной или более их глав осуществляется по усмотрению заинтересованной стороны. Но, стоит отметить, что объемы присоединения к специальным приложениям Киотской конвенции разные.

Принципами Киотской конвенции являются:

Рис. 2. Принципы Киотской конвенции

Таким образом, таможенное регулирование и таможенный контроль [3] должны основываться на общеправовых принципах, потому что соблюдение международных принципов играет важную роль в сфере таможенного регулирования, так как на их основе регулируются международные отношения. Киотская конвенция необходима для того чтобы регулировать международную торговлю, а так же она является важным инструментом в принятии различных задач, связанных с гармонизацией международной торговли.

Библиографический список

1. Буваева, Н. Международное таможенное право : учебник / Н. Буваева. – Москва : Юрайт, 2015. – 376 с.

2. Иванова, В. Ю. Таможенные пошлины во внешнеторговой деятельности / В. Ю. Иванова // Вестник Сибирского федерального университета. – 2018. – № 3. – С. 11–13.
3. Агамагомедова, С. А. Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности : монография / С. А. Агамагомедова. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 160 с.
4. Давиденко, Л. Г. Налоги и таможенные платежи : учеб. пособие / Л. Г. Давиденко. – Санкт-Петербург : Интермедия, 2017. – 199 с.
5. Тимошенко, И. В. Таможенное право : конспект лекций / И. В. Тимошенко. – Москва : Феникс, 2016. – 320 с.
6. Попович, О. М. Таможенное право / О. М. Попович, Ю. С. Тихомирова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. – 160 с.
7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза : приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04 2017 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

УДК 342

А. В. Козяева
студентка, Пензенский государственный университет,
г. Пенза

A. V. Kozyeva
student, Penza State University, Penza

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА*

PATTERNS AND PROBLEMS OF FORMATION OF UNIFORM ECONOMIC SPACE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Аннотация. Задачи, стоящие перед автором настоящего исследования, заключаются в анализе закономерностей и выявлении проблем в процессе формирования единого экономического пространства ЕАЭС, анализе угроз на современном этапе развития Союза.

Ключевые слова: ЕАЭС, Евразийский экономический союз, единая таможенная территория, санкции, импортозамещение.

Annotation. The tasks facing the author of this study are to analyze the patterns and identify problems in the formation of the common economic space of the EAEU, the analysis of threats at the present stage of development of the Union.

Keywords: EAEU, Eurasian economic Union, common customs territory, sanctions, import substitution.

Последние годы стали настоящим испытанием для экономической ситуации в России. Речь в первую очередь идет об обострении отношений с Украиной, которые в свою очередь привели к реакции со стороны Евросоюза в виде экономических санкций, результаты которых сегодня может ощущать каждый житель России. С целью смягчения экономического падения Россией со странами, которые ранее состояли в СССР, был заключен союз – евразийский экономический союз.

Целью данного союза является развитие экономики стран, входящих в данный союз, свободная торговля между данными странами, а самое главное. Повышение конкурентоспособности экономик данных стран.

* Научный руководитель – к.социол.н., доц. С. А. Агамагомедова.

Разработка административного и юридического обеспечения таможенного контроля в нормах ТС ЕАЭС выходит на новый уровень [1, с. 21], но сегодня все еще есть много проблем, от компетентного решения, которых во многом зависит будущая жизнеспособность ЕАЭС и ее дальнейшая интеграция. Я бы разделила их на политические и экономические.

Основные экономические проблемы и несоответствия в Евразийском союзе связаны с особенностями национальных экономик.

Во-первых, для всех стран-членов основными экспортными товарами являются природные ресурсы или продукты их первичной переработки. Это говорит о том, что рынок третьих стран более интересен государствам из-за идентичности этой группы товаров и спроса на природные ресурсы в странах-потребителях.

Во-вторых, минимальное количество общих производственных проектов, а также подробная программа развития производственных мощностей приводят к торможению взаимной торговли. Первичные торговые эффекты участия в Таможенном союзе и возможности свободы передвижения товаров, а также отсутствие четкой регламентации внутри Таможенного союза для большинства товаров практически исчерпаны. Чтобы увеличить рост торговли внутри Союза, необходимо развивать новое производство и увеличивать номенклатуру товаров. При этом необходимо и развивать специализацию стран в производственном секторе для того, чтобы у нас не было, или был как минимум идентичный товар на общем рынке.

В-третьих, значительное уменьшение, а точнее, падение мировых цен на нефть, которое стабильно происходит с 2014 года, что значительно уменьшило импорта готовой продукции обрабатывающей промышленности из третьих стран, что увеличило потребность в обеспечении потребностей государств-членов собственного промышленного производства ЕАЭС.

В-четвертых, сегодняшняя ситуация диктует свои правила, что выводит в первые места интеграции энергетическую, химическую, нефтехимическую а так же металлургию, что делает отдельно экономическую ситуацию каждой из стран неконкурентоспособной.

Интеграция в области инноваций может позволить повысить стабильность национальных экономик и преодолеть препятствия, связанные с отсутствием общей границы и подходящими транспортно-коммуникационными возможностями на пути формирования единого рынка [6, с. 99].

Основными драйверами развития международных коридоров сегодня являются появление единых документов, например, наземного транзитного транспорта в направлении восток-запад через Забайкальск, Эрлиан, Достик, Хоргос, Суйфэньхэ, а также подписание соглашения между железными дорогами Китая, Беларуси, Германии, Казахстана, Монголии, Польши и России о углублении сотрудничества в организации контейнерных поездов в сообщении Китай – Европа.

Основными проблемами развития являются растущие потребности в движущемся составе для выполнения транспортировки в условиях дисбаланса объема грузов; ограниченная пропускная способность пограничных переходов между соседними странами; ограниченная пропускная способность железнодорожной сети Восточного многоугольника, ограничивающая увеличение скорости транзитных контейнерных поездов. В автомобильной инфраструктуре свои проблемы – их незначительное развитие, качество дорог, особенно не автомагистралей.

Политические проблемы развития ЕАЭС могут быть связаны с незавершенностью в государствах-членах процесса национального строительства, что связано с недавними историческими событиями в получении независимости. Это влияет на возможность быстрого создания наднационального законодательства и укрепления наднациональных органов ЕАЭС. Без них взаимодействие государств в Союзе

намного сложнее и приводит к ручному управлению интеграционными процессами [7, с. 87].

Это всего лишь основные блоки проблем, каждый из которых имеет более подробную градацию проблем развития интеграции в ЕАЭС.

Одной из главных проблем ЕАЭС на сегодняшний день являются пресловутые санкции, введенные в ответ на отношения России с Украиной, которые в первую очередь сказались на поставках продовольствия для россиян из США, Евросоюза и других стран. В связи с этим поставки из Беларуси и Казахстана стали менее последовательными, что породило проблемы поставки продукции из данных стран в другие страны ЕАЭС.

Общеизвестно, что сегодня лидером запрещенного реэкспорта является Беларусь, о чем свидетельствует неутешительная статистика Федеральной таможенной службы, свидетельствующая о многочисленных фактах ввоза санкционного продовольствия из этой страны [2].

По данным Россельхознадзора, было арестовано более 16,5 тыс. тонн контрабандных фруктов и овощей и более 600 тонн мяса и сыра [8]. Какой объем запрещенных продуктов успешно пересек российскую границу неизвестно. Но российские регулирующие органы не сомневаются, что подавляющее большинство «санкционки» поступает из Беларуси. Планируется ужесточение штрафов за ввоз санкционной продукции, это стало возможным из-за того, что контролирующие органы, в частности ФТС, «научились вычислять злоумышленников, и этого не произошло сразу [с момента введения ограничений на ввоз]».

Если проанализировать список стран «серого» реэкспорта, то понятно, что ведущими из них являются наши главные партнеры, Беларусь и Казахстан. Такая недобросовестность стран ЕАЭС для нас не является неожиданностью, но поведение членов Союза привело к тому, что Россия перешла в крайности, которые противоречат законодательству Союза.

Самый популярный – импорт товаров на основе поддельных фитосанитарных сертификатов, например, любой африканской страны. Беларусь пропускает такие продукты и не просит авторизации сертификатов, даже если продукция необычна для этой страны, поэтому Россельхознадзор был вынужден запретить импорт продукции из нескольких десятков стран Африки через Беларусь. Также часто «идет контрабанда, поставка продукции под видом "покрывающих товаров"». Приходят контейнеры из Гамбурга, написано [что внутри] безвредная химия, строительный герметик. При открытии – там шпик». Кроме того, экспортеры используют поддельный транзит – когда продукты из Беларуси едут в Казахстан, а фактически продаются на территории России [5, с. 27].

Решить данную проблему можно лишь проводя комплексную работу по модернизации законодательства, например, вернув в УК РФ незаконный ввоз обычных товаров в качестве предмета контрабанды, что значительно снизит «серый реэкспорт» ввиду его уголовной наказуемости.

Таким образом, можно заключить, что создание ЕАЭС носит созидательный характер, целью которого является нивелировать наличие барьеров в торговле между странами, что порождает неэффективность использования и воспроизводства ресурсов. Все же как показывает практика иногда это сотрудничество имеет деструктивный характер, в частности для России в ситуации с «серым экспортом» в условиях эмбарго. Кроме того, на сегодняшний день наблюдается ряд других проблем, которые нами были рассмотрены. На наш взгляд следует форсировать унификацию законодательства, а также повышать сознательность и ответственность стран участниц, перед своими партнерами. Увеличивать интеграционные и экономические процессы, создавать проектную инфраструктуру.

Библиографический список

1. Агамагомедова, С. А. Административно-правовое регулирование таможенного контроля в Российской Федерации в условиях евразийской интеграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Агамагомедова С. А. – Нижний Новгород, 2018.
2. Айтеева, А. А. Некоторые проблемы и перспективы Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и интеграции предприятий Кыргызской Республики с предприятиями ЕАЭС в условиях глобализации / А. А. Айтеева, У. Д. Джаныбеков, А. А. Айтеев // Молодой ученый. – 2017. – № 41.
3. Адушев, М. Н. Проблемы импортозамещения товаров в России и пути их решения / М. Н. Адушев, С. Н. Лагутенко // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 1–4.
4. Влияние санкций на экономику России. Последствия ведения санкций. Экономика России сегодня. – URL: posledstviya-vvedeniya-sanktsiy-ekonomika-rossii-segodny (дата обращения: 02.01.2018).
5. Гурьянова, А. А. Исследование особенностей деятельности таможенных органов, связанной с пресечением ввоза санкционных товаров на таможенную территорию ЕАЭС / А. А. Гурьянова, С. О. Кислицына // Молодой ученый. – 2017. – № 13 (147).
6. Кнобель, А. Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия / А. Ю. Кнобель // Вопросы экономики. – 2015. – № 3.
7. Обзор по актуальным и проблемным вопросам реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики Евразийского экономического союза. – Москва : ЕЭК, 2017.
8. Официальный сайт Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору. – 2018. – URL.: <http://www.fsvps.ru>
9. Политика импортозамещения в России: от слов к делу // СПС «Гарант». – 2018. – URL: <http://www.garant.ru/article/630000/>
10. Столбовская, А. Г. Евразийский экономический союз: социально-экономический потенциал ЕАЭС / А. Г. Столбовская // Молодой ученый. – 2015. – № 24. – С. 587–592.

УДК 342

Е. Митрофанова

*студентка, Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Е. Mitrofanova

student, Penza State University, Penza

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ВЫБОРА ИНТЕГРАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ*

THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN CONDITIONS OF COMPETITION OF MODELS OF INTEGRATION

Аннотация. Рассмотрены вопросы обеспечения экономической безопасности государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях конкуренции и выбора моделей межгосударственной интеграции. Представлены основные направления евразийской интеграции в контексте ее взаимодействия с иными государствами и межгосударственными образованиями. В условиях унификации таможенного регулирования и формирования единого экономического пространства категория безопасности приобретает качественно новые характеристики.

* Научный руководитель – к.социол.н., доц. С. А. Агамагомедова.

Ключевые слова: экономическая безопасность, Евразийский экономический союз, внешнеэкономическая деятельность, интеграция, экономика, конкуренция.

Annotation. The article is devoted to the issues of ensuring the economic security of the states of the Eurasian Economic Union (EAEU) in a competitive environment and the choice of models of interstate integration. The main directions of Eurasian integration are considered in the context of its interaction with other states and interstate entities. In the conditions of unification of customs regulation and the formation of a single economic space, the category of security acquires qualitatively new characteristics.

Keywords: economic security, Eurasian Economic Union, foreign economic activity, integration, economy, competition.

Переход в 21 столетие можно охарактеризовать формированием определенных тенденций развития мировой хозяйственной деятельности и созданием совершенно нового уклада общемирового экономического пространства. Основными субъектами ведения мировой экономической деятельности этот период становятся межблочные, включая межгосударственные и даже межконтинентальные, интеграционные объединения.

Оживленная динамическое развитие данного интеграционного процесса связано, в первую очередь, с вхождением в условия мировой конкуренции, возникающей из-за создания интеграционных объединений разнообразных макроэкономических мировых регионов, наиболее развитых стран и их объединений [1, с. 24].

Вместе с ликвидацией межгосударственных таможенных тарифов подобные объединения ориентированы на максимальное сглаживание существующих различий, которые касаются вопросов технического регулирования, установленных стандартов безопасности, внешнеэкономических и таможенных процедур, открытости обслуживающих, инвестиционных рынков и осуществления государственных закупок.

Эти процессы напрямую оказывают влияние на осуществляемый на территории государств – бывших членов Советского Союза проект реализации глубокого экономического интегрирования в форме создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС). ЕАЭС, в состав которого на сегодняшний день входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация, можно назвать первой, имеющей сравнительный успех попыткой образования мощной системы действующих многосторонних институтов для реализации эффективной экономической интеграции регионов постсоветского пространства.

Важнейшей особенностью экономического и внешнеэкономического контекста образования ЕАЭС в качестве интеграционного межгосударственного объединения является то, что не только в государствах постсоветского пространства, но и в других европейских и азиатских странах образуются свои, часто сильно отличающиеся от российских суждения о существующих принципах, поставленных целях, выбранных приоритетах и участниках евразийской интеграции.

Принятие активного участия в других конкурирующих проектах интеграции становится сложным для российского государства в связи с отсутствием у него общерегиональной стратегии сотрудничества с государствами, расположенными в Центральной Азии (создание стратегически важных партнерских отношений с Республикой Казахстан Кыргызской Республикой в рамках евразийского объединения и в будущем – с Республикой Таджикистан, существующие ограничения узким форматом реализации двухсторонних взаимосвязей с Республикой Узбекистан и Туркменистаном) [2, с. 44]. Также можно наблюдать низкую привлекательность российской экономической системы для многих государств Восточной Европы, Центральной и Южной Азии, а также усиление возникшей в 2014 году русско-украинской кризисной ситуации, в контексте которой под руководством США –

была образована геостратегическая антироссийская коалиция, в состав которой вошли главные участники существующих альтернативных интеграционных объединений.

В связи с чем основной становится задача разработки эффективной модели последующего усиления интеграционных инициатив и взаимоотношений, складывающихся между странами, являющимися участницами ЕАЭС, а также с государствами-членами альтернативных интеграционных объединений, а также подробной характеристики основных принципов процесса интегрирования, которые определены в Договоре о Евразийском экономическом союзе, к которым относятся суверенность, открытость, экономический прагматизм [3].

По некоторым прогнозным данным, общее увеличение размера совокупного ВВП государств ЕАЭС к 2030 году будет составлять свыше 2,5 %, итоговый эффект от интеграции для России будет оцениваться в размере свыше 630 млрд долл. [4, с. 138].

По данным официальной статистики, для Российской Федерации уже сегодняшние итоги, например, за 2017 год отразили благоприятную динамику. Так, объем внешнеторгового оборота РФ за 2017 год составил 584 млрд долл., в сравнении с предыдущим годом он вырос на четверть. Но если рассматривать по иным государственным объединениям, первое место в структуре российской внешнеторговой деятельности занимает Европейский союз (ЕС), который на сегодняшний день является самым крупным внешнеэкономическим российским партнером, на долю которого в общей сумме внешнеторгового оборота России по итогам 2017 года приходилось 42 %, при этом размер внешнеторгового оборота с государствами ЕАЭС равен всего лишь 9 %. Главными внешнеторговыми российскими партнерами по итогам 2017 года были Китайская Народная Республика с долей в 15 % в товарообороте России (увеличение по сравнению с 2016 годом составило 32 %), Федеративная Республика Германия с долей в 9 % (рост – 23 %), Нидерланды с долей в 7 % (рост – 22 %), в то время как удельный вес внешнего российского товарооборота с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан, т.е. государствами-участницами ЕАЭС, которые максимально активно ведут внешнеэкономическую деятельность с РФ, был равен в 2017 году лишь 5 % и 3 % соответственно. Хотя это довольно скромные показатели, но можно констатировать ощутимое увеличение внешнего товарооборота по сравнению с предыдущим годом на 26 % с Республикой Беларусь и на 30 % – с Республикой Казахстан. Основные показатели внешнеторговой активности России с государствами ЕАЭС по итогам 2017 года представлены на рис. 1.

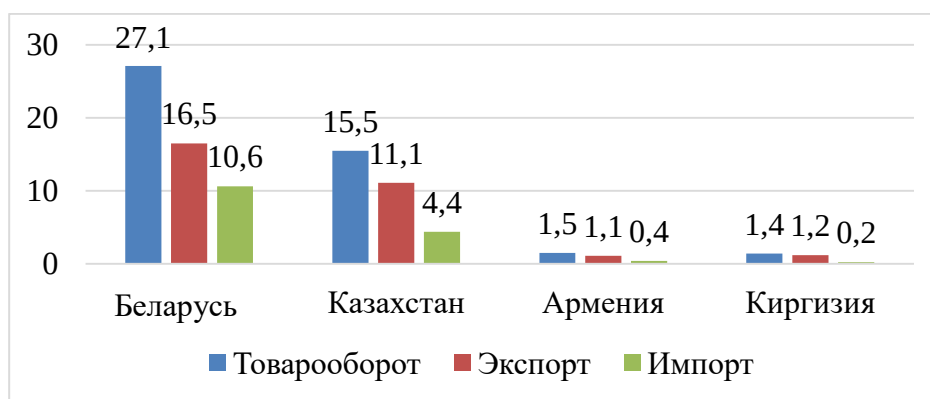

Рис. 1. Внешнеторговая активность РФ со странами ЕАЭС в 2017 году

На сегодняшний день развитие Евразийского экономического союза происходит в нескольких направлениях: образование товарных сельхозбирж, создание сообщающихся друг с другом энергетических систем, сквозных систем транспорта, нефте- и газопроводов, разработка эффективной финансовой системы. Эти стратегии

используются в рамках образованного экономического союза и основываются на двух главных принципах:

- осуществление согласованной торговой политики касательно других государств;
- формирование и функционирование единого таможенного экономического пространства [5, с. 15].

В связи с чем на нынешнем этапе современного экономического развития ЕАЭС особенное значение получили целенаправленные государственные усилия по реализации нормативного, экономического, организационного, информационного развития общего для всех стран-участниц механизма осуществления таможенного регулирования, который должен обеспечивать необходимый уровень национальной безопасности стран-участниц ЕАЭС с внешней стороны. Этот механизм должен включать в себя: унифицирование основных условий таможенно-тарифного регулирования ВЭД, осуществление активного развития современного технологического и технического декларирования и контроля товарной продукции со стороны таможенных органов, формирование действенной системы обмена информацией между уполномоченными подразделениями, осуществляющими контрольные функции государств-членов ЕАЭС, унификацию стратегического развития транзитного потенциала территорий ЕАЭС, который включает на сегодняшний день проблемы образования единой системы транспорта, таможенно-логистической сети, развития инфраструктуры межгосударственных транзитно-транспортных коридоров.

В этой связи следует согласиться с учеными, которые выдвигают тезис о трансформации понятия безопасности в условиях интеграционных процессов [6].

На сегодняшний день стоит острая необходимость проведения четкого определения направлений и форму становления взаимосвязей с членами альтернативных интеграционных объединений с целью исключения конфликтных ситуаций и деструктивной конкурентной борьбы, предотвращения каких-либо разломов на фоне геополитических интересов ЕАЭС. Все это подразумевает усиление интеграционных процессов в рамках развития Евразийского экономического союза на основе совершенствования таможенных инструментов регулирования ВЭД [7, с. 29], создание общего механизма таможенного регулирования, который будет способен обеспечить образование единого контура экономической безопасности и единой структуры экономических институтов ЕАЭС.

Библиографический список

1. Хапилин, С. А. Обеспечение экономической безопасности государств Евразийского экономического союза в условиях конкуренции моделей интеграции / С. А. Хапилин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 33. – С. 22–30.
2. Казитова, Э. И. Внешние и внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского экономического союза / Э. И. Казитова // Управление инвестициями и инновациями. – 2018. – № 2. – С. 43–49.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29.05.2014 ; в ред. от 15.03.2018] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 05.06.2014).
4. Иванова, А. А. Роль Российской Федерации в ЕАЭС / А. А. Иванова // Молодой ученый. – 2018. – № 40. – С. 136–141.
5. Чуфрин, Г. И. Евразийский интеграционный проект и стратегические интересы России / Г. И. Чуфрин // Россия и новые государства Евразии. – 2017. – № 1 (34). – С. 9–20.
6. Агагомедова, А. М. Трансформация концепции безопасности в условиях евразийской экономической интеграции / А. М. Агагомедова, С. В. Тактарова // Проблемы и перспективы развития российской экономики : сб. ст. по материалам VIII Науч.-практ. конф. – Прага, 2019. – С. 287–292.
7. Абдулаева, А. А. Перспективы экономического сотрудничества стран-участников ЕАЭС / А. А. Абдулаева, Р. Р. Гаан // Наука и общество. – 2018. – № 1 (30). – С. 28–30.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

TRANSFORMATION OF CUSTOMS REGULATION IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION

Аннотация. Дано определение таможенному регулированию в Российской Федерации; выявлены слабые места таможенного регулирования; проанализированы статистические данные, на основании которых сделаны выводы и даны рекомендации по повышению эффективности таможенного регулирования в Российской Федерации.

Ключевые слова: таможенное регулирование, таможенные органы, ФТС, внешнеэкономическая деятельность, экспорт продукции, импорт продукции, контрабанда.

Annotation. This article defines the customs regulation in the Russian Federation, identifies weaknesses in customs regulation, analyzes statistical data on the basis of which conclusions are drawn and recommendations are made to improve the efficiency of customs regulation in the Russian Federation.

Keywords: customs regulation, customs bodies, Federal customs service, foreign trade, exports, imports, smuggling customs regulation, customs bodies, Federal customs service, foreign trade, exports, imports, smuggling.

Таможенное регулирование внешнеэкономической деятельности представляет собой сложное социально-экономическое явление, которое отражает уровень развития государственного управления в сфере экономики и внешнеэкономической деятельности. Оно призвано обеспечивать надежность реализации интересов РФ в сфере экономического взаимодействия с другими странами, а также содействовать пополнению федерального бюджета за счет доходов вовремя и в полном объеме.

Таможенные органы выступают в качестве связующего звена между внутренней и внешней политикой государства, принимают участие в процессе определения основных направлений, в которых будет развиваться экономика, формируют наиболее важные макроэкономические показатели.

На сегодняшний день формируется новая концепция таможенного регулирования. Таможенное регулирование, которое было нацелено на то, чтобы осуществлять лишь фискальные и правоохранительные функции, отходит на второй план по сравнению с таможенным регулированием, которое нацелено на взаимодействие с надежными участниками ВЭД в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности.

Таможенное регулирование ВЭД в каждом конкретном обусловлено системой элементов, влияющей именно на это государство. Глобальная экономика требует от каждой страны формирования таможенного регулирования внешнеэкономической деятельности, которое будет соответствовать ее стратегическим интересам [1].

Таможенные органы РФ и иных государств, являющихся членами ЕАЭС непрерывно занимаются совершенствованием имеющихся инструментов и мер по таможенному регулированию, однако необходимо постоянно стремиться к эффективным преобразованиям в данной сфере.

* Научный руководитель – к.социол.н., доц. С. А. Агамагомедова.

Особенность мер современной экономики представляет собой сервисный подход к пониманию государственного регулирования процессов в социально-экономической сфере и рассмотрение государства наряду со всеми субъектами хозяйственной деятельности, обязанность которых заключается в том, чтобы поставлять обществу конкретные экономические услуги с должной полезностью производства данных благ. Государство справляется с несовершенствами рынка в процессе осуществления таможенной, налоговой, антимонопольной политики, ставя ограничения на экспорт и импорт благ, имеющих отрицательные внешние эффекты, и максимизируя операции во внешнеэкономической сфере с положительными внешними эффектами [2].

Деятельность по поиску новых видов и методик по регулированию деятельности во внешнеэкономической сфере обусловлена реализацией наиболее значимых задач, обеспечивающих стабильное развитие государства.

Государство имеет в распоряжении действенный таможенный инструментарий по урегулированию ВЭД, который будет способствовать стимулированию инновационно-инвестиционных процессов и поддержанию структурных сдвигов в экономике в нужном направлении.

Сегодня важное значение имеет трансформация таможенного регулирования из вспомогательного в основной фактор, способствующий экономическому развитию. Это означает необходимость использования иных концептуальных подходов в процессе проведения внешнеэкономической политики государств, являющихся членами ЕАЭС, которые будут направлены на обеспечение стабильности в макроэкономической сфере и усиление экономического роста, повышение уровня качества жизни граждан.

ФТС осуществляет бюджетные полномочия главного администратора доходов федерального бюджета, при этом она осуществляет деятельность по финансовому контролю за тем, чтобы правильно исчислялись и своевременно уплачивались таможенные платежи.

Ежегодные доходы от уплачиваемых таможенных и иных платежей, которые администрируют таможенные органы, составляют более 35 % части доходов федерального бюджета в РФ.

Наращение напряженности в геополитической сфере, введение санкционных мер основными торговыми партнерами России в отношении важнейших отраслей экономики РФ, ограничение российского экспорта на внешних рынках, повышенная зависимость от импорта в промышленном производстве, разрозненное количество обязательств для участников евразийской интеграции (ВТО) ставят на первое место вопрос обеспечения действенной защиты товаропроизводителей государств, являющихся членами ЕАЭС [3].

По данным ФТС РФ за 2017 и 2018 годы, можно сделать вывод о том, что в связи с реформированием и ужесточением законодательства наблюдается положительная динамика в сфере регулирования таможенными органами экономической деятельности, особенно это касается стратегически важных товаров и ресурсов, что не может не радовать, однако стоит отметить такой негативный факт, как увеличение количества сумм в иностранной валюте и валюте РФ не возвращенного из-за рубежа, это грозит усилением проблемы «бегства» капитала за границу, это опасно тем, что данные денежные средства не поступают в федеральный бюджет, соответственно уменьшается его доходная часть, после чего государство сокращает финансирование общественных благ и иных нужд общества, поэтому необходимо тщательно контролировать данный процесс.

Совершенствование финансово-экономических и контрольных инструментов таможенного регулирования ВЭД должна осуществляться по следующим концептуальным направлениям [1]:

– унификация базисных параметров таможенно-тарифного регулирования в ЕАЭС (согласование по экспортной таможенно-тарифной политике, определение перечней стран, которым может быть предоставлен наиболее благоприятный режим, порядки, по которым действует режим свободной торговли, порядок, по которому предоставляются льготы по тарифам и преференции, осуществление однозначной таможенно-тарифной политики на основании определения императивов политики в промышленной сфере в пределах единого экономического пространства. Все это направлено на возрастание объемов торговли внутри регионов, поощрение процессов по замещению импортной продукции из-за границы продукцией стран ЕАЭС), на разработку единых условий для применения льгот для уплаты косвенных налогов, унификация в государствах, являющихся членами ЕАЭС, выявление особенностей для предоставления отсрочек по уплате налогов;

– возрастание действенности контрольных операций по классификации товаров, что подразумевает детализацию кодов номенклатуры товаров ВЭД ЕАЭС, для того чтобы выделить инновационные товары, а также те товары, которые будут значимы для сотрудничества в промышленной области государств, являющихся членами ЕАЭС, деятельность по формированию в пределах ЕАЭС единого подхода к решениям по классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой ВЭД, которые направлены на усиление кооперации в промышленном плане, деятельность по формированию общих технологических платформ и промышленных кластеров, поощрение роста производства замещающего импорт;

– коррекция перечня развивающихся стран, которые пользуются системой по тарифным преференциям ЕАЭС, сведение к минимуму предоставления тарифных преференций в одностороннем порядке странам с интенсивно раскручивающейся экономикой и развитие стратегического многостороннего сотрудничества с развивающимися государствами, которое будет включать не только взаимное предоставление тарифных преференций, но и выход на рынки, взаимное соблюдение прав субъектов ВЭД;

– структурная модернизация Единого таможенного тарифа ЕАЭС, которая предполагает оптимизацию, основанную на принципе эскалации таможенного тарифа, уровня и структуры ввозных таможенных пошлин по отношению к товарам спроса в инвестиционной сфере, компонентов, которые необходимы продукции, которая производится на территории РФ (на первом месте стоят товары, не имеющие аналогов в РФ или являются дефицитными);

– создание единого основания для функционирования системы управления таможенными рисками Евразийского экономического союза, для этого необходимо:

1) сформировать единую базу данных ЕЭС по видам рисков и организовать деятельность по обмену информацией об индикаторах риска, критериях отнесения товаров, участниках ВЭД, внешнеторговых операций по отношению к группам риска;

2) создать систему по идентификации участников ВЭД ЕАЭС;

3) сформировать единый механизм для отслеживания продукции, начиная с момента ее ввоза на таможенную территорию ЕАЭС до того момента, как эта продукция будет передана потребителям.

Следует отметить, что в процессе работы, которую провела Евразийская экономическая Комиссия для выявления преград и ограничений во взаимной торговой деятельности среди стран ЕАЭС, было установлено отсутствие унифицированных требований при обмене семян сельскохозяйственных растений и племенной продукции. Для искоренения данной проблемы были разработаны проекты по двум отраслевым соглашениям в рамках семеноводства и племенного животноводства.

Помимо прочего, необходимость в разработке данных Соглашений объясняется высокой степенью зависимости от импорта племенной продукции и семян сельскохозяйственных растений.

Первый раз в международном договоре подобного уровня идея единой политики и сотрудничества в сфере семеноводства в рамках евразийской интеграции нашла отражение, это свидетельствует о разработке и мер по осуществлению унифицированных требований в области испытания сортов и семеноводства сельскохозяйственных культур, а также признания взаимно государствами, являющимися членами Союза документов на сортовые и посевные качества семян. Так, сорт, который включен в национальный раздел Единого реестра определенной страны, может быть перемещен без каких-либо ограничений и быть проданным на территории иной страны, являющейся членом [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс повышения эффективности таможенного регулирования был запущен, и мы уже можем наблюдать положительные изменения, однако, несмотря на это, нельзя оставлять данный процесс без внимания, потому что он требует постоянного мониторинга и корректировки, так как политическая ситуация в мире далека от того, чтобы называться стабильной. Необходимо исследовать и уделять внимание всем факторам, которые прямо или косвенно могут отрицательно сказаться на таможенном регулировании и своевременно их устранять или минимизировать.

Библиографический список

1. Гамидуллаев, С. Н. Теоретические аспекты исследования безопасности внешне-экономической деятельности / С. Н. Гамидуллаев, И. В. Бородушко // Вестник Российской таможенной академии. – 2017. – № 3. – С. 87–93.
2. Смагина, В. В. Принципы индикативного государственного планирования в условиях международной интеграции / В. В. Смагина // Философия хозяйства. – 2015. – № 3. – С. 225–231.
3. Кутырев, Е. А. Институциональное развитие таможенных органов в условиях современных интеграционных процессов в экономике: проблемы и приоритеты / Е. А. Кутырев // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 7. – С. 193–201.
4. Евразийская экономическая комиссия. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/APK-rus_n.pdf (дата обращения: 25.04.18).

УДК 342

Е. Н. Ионов
*студентка, Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

E. N. Ionova
student, Penza State University, Penza

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ЕАЭС*

PROBLEMS OF INFORMATION INTERACTION OF CUSTOMS BODIES OF THE EAEU

Аннотация. Раскрыты принципы информационного взаимодействия таможенных органов ЕАЭС, рассмотрены ее основные проблемы и пути их решения.

* Научный руководитель – к.социол.н., доц. С. А. Агамагомедова.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, информационное взаимодействие, единое око.

Annotation. And this article reveals the principles of information interaction of the customs authorities of the EAEU, and also its main problems and ways to solve them are considered.

Keywords: Eurasian Economic Union, integration, information interaction, a single eye.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что, несмотря на то, что таможенное администрирование в рамках Евразийского союза не игнорирует современные информационные технологии, активно используя их в своей деятельности, существуют некоторые проблемы информационного взаимодействия данных органов.

Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, обеспечивающая свободное перемещение товаров, услуг и капитала, а также проведение скоординированной, согласованной политики в отраслях экономики. Членами Евразийского экономического союза являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Целью создания ЕАЭС являются всесторонняя модернизация, кооперация, повышение конкурентоспособности национальных экономик и создание условий для стабильного развития торговли.

В XXI веке успех любого интеграционного проекта в большей степени связан с его информационным сопровождением. Это особенно важно для молодого Евразийского экономического союза. На данный момент основным интеграционным направлением в развитии стран – членов ЕАЭС является сфера таможенного сотрудничества. Таможенный кодекс ЕАЭС основывается на тексте уже существующего Таможенного кодекса Таможенного союза. Однако с переходом к новому этапу интеграции появилась необходимость в частичном пересмотре нормативно-правовой базы, действовавшей ранее, юридических инструментов, регулирующих таможенные правоотношения

Информационное взаимодействие таможенных органов ЕАЭС – это актуальная проблема таможенного права, так как данное взаимодействие является необходимым условием для создания Единого экономического пространства ЕАЭС в результате внедрения современных технологий (создание информационно-технической основы) для совершенствования взаимодействия таможенных органов Союза, с целью совместной и постоянной работы таможенных органов ЕАЭС, а также правильного и своевременного решения возникающих перед данными органами различных задач.

В настоящее время идёт активный процесс создания и совершенствования информационного взаимодействия таможенных органов ЕАЭС. Информирование о международных договорах и актах в сфере таможенного регулирования осуществляется Комиссией и таможенными органами с помощью размещения их на официальном сайте Союза и официальных сайтах таможенных органов в сети Интернет, а также путём доведения информации о них до общего сведения посредством телевидения и радио, использования информационных технологий, а также иными общедоступными способами распространения информации [3, с. 67].

Анализируя Таможенный кодекс ЕАЭС, можно выделить ряд нововведений, которые непосредственно касаются применения информационных технологий, таких как:

1) сокращён срок выпуска товаров до 4 часов с момента регистрации таможенной декларации, при условии отсутствия необходимости запросов документов в соответствии с которыми данная декларация заполнена, либо отсутствует необходимость в проведении таможенного контроля, которая связана с проверкой товаров;

2) в отдельных случаях существует возможность непредоставления документов на основании которых была заполнена декларация; 3. возможность проведения таможенных операций, а также таможенного контроля в форме проверки документов и сведений с помощью информационной системы таможенных органов, исключая участие должностных лиц таможенных органов [2, с. 64].

Не смотря на новые положения об информационном взаимодействии таможенных органов, в Таможенном кодексе ЕАЭС существуют недостатки в практическом применении данных положений. В частности с 2014 года был разработан механизм «единого окна» на всей территории ЕАЭС, который предусматривает взаимодействия между государственными органами, регулирующие внешнеэкономическую деятельность, и участниками внешнеэкономической деятельности, позволяющий участникам внешнеэкономической деятельности однократно предоставлять документы в стандартизированном виде через единый пропускной канал для последующего использования заинтересованными государственными органами и иными организациями в соответствии с их компетенцией при проведении контроля за осуществлением внешнеэкономической деятельности. Механизм «единого окна» позволяет усилить национальную конкурентоспособность государств, которые являются членами ЕАЭС, в глобальной экономике [3, с. 1].

Однако при реализации данного механизма существуют некоторые риски, а именно:

- недостаточно правовых основ для использования документов в электронной форме;
- недостаточная вовлеченность в проект государственных органов и уполномоченных организаций;
- недостаточно реализована межведомственная система управления рисками и т.д. [4, с. 126].

Данные негативные явления на практике выражаются в виде требования предоставления бумажных форм документов, это связано с тем, что межведомственное информационное взаимодействие и принцип однократности соблюдается не всеми государственными органами. Таким образом, при всех плюсах и удобства использования механизма «единого окна» существуют проблемы в реализации, которые требуют своего скорейшего разрешения.

Развитие информационного взаимодействия таможенных органов ЕАЭС также связано с механизмом уникального идентификационного таможенного номера, что позволяет обеспечить уникальную идентификацию всех заинтересованных лиц в рамках ЕАЭС. Плюсами данного механизма заключается в повышении эффективности анализа, прозрачности и безопасности поставок, повышает достоверность сведений содержащихся в предоставляемых документах, значительно уменьшается объём данных используемых для сбора, хранения и обработки документов в электронном виде, а также механизм уникального идентификационного номера существенным образом упростит электронное взаимодействие таможенных служб государств – членов Союза [2, с. 65].

Для улучшения системы управления рисками существует институт предварительного информирования, который заключается в заблаговременном информировании таможенных органов о трансграничном перемещении внешнеторгового груза, с помощью чего фактически определяются необходимые формы контроля. Реальным решением проблемы информационного взаимодействия таможенных органов ЕАЭС является автоматизация всех таможенных процедур на уровне Евразийского экономического союза в целом.

Однако на данном этапе существует различие в темпе внедрения информационных таможенных технологий, которые указанные выше. Например, в Российской Федерации используются различные программные средства, снижающие эффективность таможенного администрирования Союза, когда как в других государствах – членах ЕАЭС действует техническая платформа ASYCUDA.

Однако не стоит оставлять без внимания внутригосударственное информационное взаимодействие таможенных органов с другими государственными структурами. Например, сотрудничество Федеральной Таможенной Службы и Федеральной Налоговой Службы, которое регулируется «Соглашением о сотрудничестве Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы» от 21.01.2010 № 01-69/1, № ММ-27-2/1.

Подобная взаимопомощь обеспечивает контроль за соблюдением таможенного и валютного законодательства, а также за деятельностью участников ВЭД. Для таможенной сферы деятельности сотрудничество с Федеральной Налоговой Службой позволяет своевременно выявлять и пресекать совершаемые правонарушения, что имеет принципиально важное значение [5, с. 351].

Таким образом, в условиях цифровой экономики одним из ключевых элементов вступившего в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза от 1 января 2018 г. стал окончательный переход к упрощенным правилам осуществления таможенных процедур, их переводу в электронный вид.

К числу введенных новшеств относится система «единого окна» – инструмента для упрощения торговых операций, который позволяет повысить уровень предоставляемых услуг, снизить роль человеческого фактора в процессе декларирования, а также способствует устранению проблем сокращения поступления доходов в бюджет страны, улучшению торговой статистики и созданию эффективной системы управления рисками. Однако на сегодняшний день данная система используется таможенными органами не настолько эффективно, насколько могла бы.

Реальным решением проблемы информационного взаимодействия таможенных органов ЕАЭС является автоматизация всех таможенных процедур на уровне Евразийского экономического союза в целом.

Библиографический список

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза от 01.01.2018 / СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultat.ru>
2. Агамагомедова, С. А. Таможенный контроль в условиях евразийской экономической интеграции: понятие, признаки, тенденции развития / С. А. Агамагомедова // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 64–72.
3. Дуйсебаев, С. Д. Состояние развития механизма «Единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности в государствах-членах Евразийского экономического союза / С. Д. Дуйсебаев, Д. К. Секербаева, С. В. Мозер, Л. В. Белоусова. – Москва, 2017. – 171 с.
4. Медведева, А. А. Информационные таможенные технологии как фактор развития таможенного администрирования в ЕАЭС / А. А. Медведева, Н. В. Мозолева // Аллея Науки : науч.-практ. электрон. журнал. – 2018. – № 2 (18).
5. Паулов, П. А. Процессы таможенного и налогового администрирования / П. А. Паулов, Н. В. Калугина // Сборник материалов XXVI Междунар. науч.-практ. конф. – Москва : Олимп, 2017. – С. 350–353.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ*

EURASIAN INTEGRATION: PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND WAYS TO OVERCOME THEM

Аннотация. Раскрыты значение и сущность Евразийского экономического союза. Определено понятие Евразийской интеграции и выделены основные ее этапы. Отражены проблемы развития Евразийской интеграции и представлены мероприятия, способствующие ее развитию. Проанализированы статистические данные, которые также свидетельствуют о проблемах развития.

Ключевые слова: Евразийская интеграция, проблемы, мероприятия, этапы.

Annotation. This article reveals the meaning and essence of the Eurasian economic Union. The concept of Eurasian integration is also defined and its main stages are highlighted. Problems of development of the Eurasian integration are reflected and the actions promoting its development are presented. Also analyzed are statistical data, which also indicate the problems of development.

Keywords: Eurasian integration, problems, events, stages.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой особый проект, который создан на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства. Сущность ЕАЭС заключается в том, чтобы стать интеграционным звеном на постсоветском пространстве, а также стать новейшим этапом глобальной политики. Ученые справедливо отмечают влияние интеграции на развитие национального законодательства [1].

К сожалению, в настоящее время можно наблюдать достаточно серьезные проблемы, которые препятствуют развитию Евразийской интеграции и в том числе отрицательно влияют на ее успех.

Евразийская интеграция является осознанным процессом, направленным на сближение, сращивание стран постсоветского пространства [2]. Этот процесс основан на согласии экономической политики для формирования унифицированного комплекса.

Следует подчеркнуть, что Евразийская интеграция происходит в характерных исторических условиях, которые начались еще приблизительно в 90-х годах постсоветского времени. С давнего периода негативные факторы оставили отпечатки на все аспекты Евразийской интеграции, которые проявляются в современной Евразийской интеграции.

Выделяют следующие этапы интеграции:

* Научный руководитель – к.социол.н., доц. С. А. Агамагомедова.

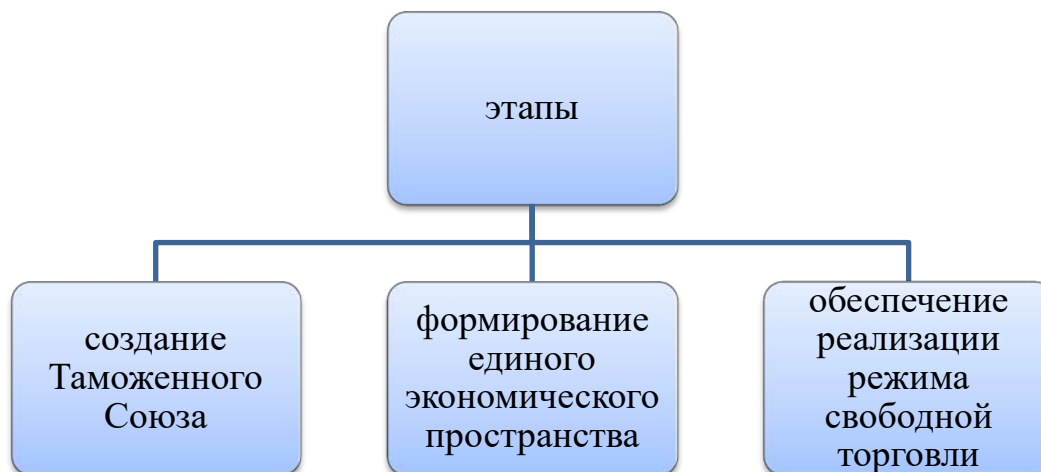

Рис. 3. Этапы интеграции

Проблема развития интеграции заключается в нескольких факторах:

- нахождение в достаточно большом разрыве в степени развитости в сфере экономики стран-участниц;
- помимо этого, опережающие значения экономики России не позволяют выстроить сотрудничество, основанное на доверии и равноправии. Это происходит из-за того что другие страны партнеры боятся влияния нашей страны, а также доминирования в создающихся национальных органах;
- уменьшение количества взаимной торговой деятельности так же является отрицательной чертой для развития интеграции, [3] это свидетельствует о недостаточной ориентированности нашей страны, главного локомотива объединения интеграции, на рынок союза, в то время как Белоруссия в большей мере вовлечена в торговую деятельность;
- недостаточно точная концепция;
- несоответствие целям концепции;
- введение различных ограничений импорта, что отрицательно влияет на внутренний рынок;
- высокие цены на импортные товары.

На основе данных статистики можно заметить, что в прошлом году было преобладание во внешнеторговом балансе стран-участниц торговли с другими странами над коммерческими связями с другими членами ЕАЭС. Такую динамику эксперты считают крайне отрицательной, что говорит о кризисе интеграции [3].

Целесообразно отметить, что экономический союз находится в весьма нерентабельной начальной фазе. Считается, что наша страна неким образом зажата между наиболее сильными странами. Результаты статистических данных за первый квартал прошлого года так же подтверждают данное мнение.

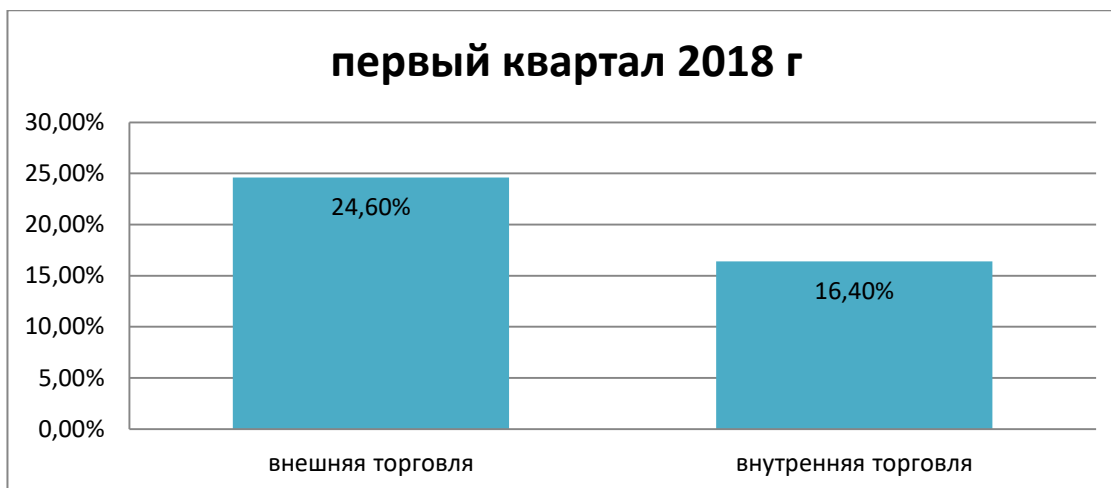

Рис. 4. Уровни торговли, %

Такая информация свидетельствует о малых интересах стран Евразийского союза друг в друге, что так же говорит о приостановлении развития ЕАЭС.

Таким образом, Евразийская интеграция представляет собой особую деятельность сплочения экономик стран постсоветского пространства. Данная деятельность направлена на формирование единственного хозяйственного комплекса, который называется Евразийский Экономический Союз, который должен развиваться в перспективе, для того чтобы была достигнута стабильность в финансовом плане, а так же для повышения уровня состояния граждан.

К сожалению, существует и ряд проблем, которые препятствуют развитию интеграции, поэтому необходимо применять специальные мероприятия, которые представлены на рис. 3.

За последние три года были проведены комплексы мероприятий по развитию направлений евразийской интеграции:

Рис. 5. Мероприятия по преодолению проблем развития интеграции

Библиографический список

1. Агамагомедова, С. А. Взаимовлияние международного и национального права в сфере трансграничной защиты прав интеллектуальной собственности / С. А. Агамагомедова // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 122–129.
2. Готовский, А. В. Промышленная политика в Евразийской интеграции / А. В. Готовский // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – 26 февраля. – № 1. – 192 с.
3. Мухин, А. С. Оправдание Евразийской интеграции / А. Мухин, И. Аглиуллин, С. Гриняев. – Москва : Алгоритм, 2015. – 224 с.

УДК 342

А. В. Абросимова
*магистрант, Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

A. V. Abrosimova
master, Penza State University, Penza

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ США *

LEGAL REGULATION OF US FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

Аннотация. Исследуются правовые основы внешнеэкономической деятельности США, включая правовое регулирование внешнеторговых, инвестиционных и валютных операций; рассматриваются субъекты, входящие в системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности США.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, законодательное регулирование внешнеторговых операций, нормативная база, таможенный тариф, отмывание денег, иностранные инвестиции, система органов.

Annotation. The article examines the legal framework of US foreign economic activity, including the legal regulation of foreign trade, investment and foreign exchange transactions, are subjects included in the system of state regulation of foreign trade activities of the United States

Keywords: foreign economic activity, legislative regulation of foreign trade operations, regulatory framework, customs tariff, money laundering, foreign investment, the system of bodies.

США – единственная страна мира, чья экономика вышла из второй мировой войны значительно окрепшей. В первые послевоенные десятилетия лидирующее положение США в мировом хозяйстве было бесспорно. Война избавила эту страну от серьезных конкурентов, но ненадолго. Экономический подъем Западной Европы и промышленный рывок Японии существенно изменили это положение.

Угроза лидирующей роли США в мировом хозяйстве вызвала необходимость решительных мер: в США заметно возросли расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, ускорились и углубились процессы перестройки промышленности в пользу наукоемких отраслей, возникли и получили развитие новые методы стимулирования научно-технического прогресса.

Важнейшее значение для положения США в мировом хозяйстве имеет то, что на их долю сегодня приходится около половины мирового экспорта зерна. Вместе с тем в традиционных отраслях – сталелитейной промышленности, судостроении, производстве станков, легкой промышленности и производстве потребительских товаров длительного пользования – США проигрывает своим конкурентам не только из Западной Европы и Японии, но и из «новых индустриальных стран».

* Научный руководитель – к.социол.н., доц. А. Е. Сиушкин.

Все более важным фактором международной экономической жизни становятся американские транснациональные корпорации и их филиалы за границей.

Политика США остается сегодня источником не только политической, но и экономической напряженности в мире. Стратегия массированного нажима на всех – наиболее важная и характерная черта современной внешнеэкономической политики США. Правительство США в своей внешнеэкономической политике уделяет главное внимание устранению барьеров, препятствующих экспансии американских монополий в области торговли товарами и услугами и в сфере приложения капиталов.

В послевоенный период одним из широко используемых инструментов государственно-монополистического регулирования экономики стал в США федеральный бюджет. Бюджетно-налоговое регулирование применяется правительством для сглаживания остроты кризисных явлений в экономике или для создания искусственных стимулов по поддержанию снижающихся темпов экономического роста [2, 3].

Законодательное регулирование внешнеторговых операций относится к ведению федеральных органов власти. Статья 1 Конституции США закрепляет право регулировать торговлю с иностранными государствами и между штатами за Конгрессом США. Вопросы осуществления внешнеторговых операций регулируются многочисленными правовыми актами, в частности, Законом о торговле 1974 года и 2002 года, Законом о тарифе 1930 года, Законом о торговле и конкуренции 1988 года, Законом о биотерроризме 2002 года и др.

Общие положения, регулирующие вопросы внешнеторговых операций, определены в Законе о торговле 1974 года (Trade Act of 1974, Pub. L. 93-618, 88 Stat. 1978, 19 U.S.C.) – далее Закон 1974 г. В частности, данный Закон регламентирует вопросы предоставления режима наибольшего благоприятствования (РНБ), распространения на импортные товары льгот Генеральной системы преференций США (ГСП) и др. Так, основные положения ГСП, построенной по аналогии с ГСП Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), изложены в Главе 5 данного Закона. Закон 1974 г. уполномочивает предоставлять беспошлинный режим ввоза любого подпадающего под ГСП товара из развивающейся страны-бенефициара при соблюдении определенных условий и требований.

Регулирование импорта в США осуществляется в соответствии с Законом о торговле и конкуренции 1988 года (Omnibus Trade and Competitiveness Act, P.L. 100 – 418, 102 Stat. 1107) – далее Закон 1988 г. Данный Закон обеспечивает законодательное регламентирование импорта, заключение двусторонних и многосторонних соглашений, решение вопросов тарифного и нетарифного регулирования, несправедливой торговой практики.

В соответствии с Законом 1988 г. Президент США при наличии веских оснований имеет право приостановить, отменить или ограничить режим ввоза отдельных товаров. Кроме того, данным Законом предусмотрена возможность введения конкурентных ограничений режима беспошлинного ввоза в случае, если импорт отдельных товаров из страны, пользующейся льготным режимом, превышает установленный ежегодный стоимостной или процентный порог. Льготный тарифный режим предусматривается, в частности, для товаров из Мексики, Канады в рамках соглашения НАФТА. Законом 1988 г. предусмотрена система защитных мер при импорте товаров в США, целью которой является устранение любого несправедливого конкурентного преимущества, которое могут получить иностранные производители или экспортеры, использующие иностранные субсидии, по отношению к производителям и экспортерам в США.

Также Закон о тарифе 1930 года (The Tariff Act of 1930 (Chapter 497, 46 Stat. 590, June 17, 1930) определяет основы таможенного тарифа, который построен (с 1989 года) на базе Гармонизированной системы описания и кодирования товаров. Любые изменения в таможенный тариф принимаются Конгрессом США.

Таможенный тариф служит средством реализации долговременных, стратегических целей американской торговой политики. Используемые США ставки таможенных пошлин призваны, в частности, стимулировать импорт сырья и продукции с низкой степенью переработки и затруднять ввоз продукции машино-технической группы и товаров высокой степени переработки. При этом многие виды сырья ввозятся беспошлинно из стран, как пользующихся РНБ на постоянной основе, так и не имеющих такого режима.

От таможенных пошлин освобождаются ввозимые в страну товары американского происхождения, а также американские комплектующие изделия или сырье, включенное в состав ввозимых в США иностранных изделий. Если ввозимый в США товар американского происхождения подвергся обработке или ремонту за границей, то таможенному обложению подлежит лишь стоимость, добавленная в процессе такой обработки или ремонта.

Законодательство о валютном контроле в США, являющееся составной частью нормативно-правовой базы ВЭД, является достаточно либеральным и не препятствует совершению легальных сделок, связанных с конвертацией американской валюты и других операций. Нормативное регулирование осуществляется в той части, в которой это необходимо для осуществления контроля за движением денежных средств с целью недопущения отмывания денег или финансирования террористических организаций. Содержащиеся в законах ограничения предусмотрены, как правило, на случай наступления чрезвычайных обстоятельств. Валютные ограничения могут вводиться в связи с объявлением режима экономических санкций по отношению к отдельным странам. В соответствии с действующими нормативными актами все коммерческие банки обязаны иметь разработанный перечень мероприятий, направленных на борьбу с «отмыванием» денег (в частности, по выполнению требования «знай своего клиента»).

Закон о надзоре за «отмыванием» денег (The Money Laundering Control Act, 1986) предусматривает гражданскую и уголовную ответственность за «реструктуризацию» банковских операций. В соответствии с его требованиями банки усилили контроль за повторяющимися сделками, связанными с продажей банковских чеков, почтовых переводов или дорожных чеков на сумму свыше 3 тыс. долл. США.

Закон о банковской тайне (The Bank Secrecy Act, 1970) обязывает коммерческие банки, небанковские финансовые институты и риэлторов вести специальную регистрацию и извещать Минфин США обо всех операциях, связанных с вкладами на счета или изъятиями со счетов сумм, превышающих 10 тыс. долл. США.

В развитие вышеупомянутого закона был принят Закон об отчетности по международным валютным операциям (Currency and Foreign Transactions Reporting Act, 1982 (31 U.S.C. §§ 5311 et seq)) в соответствии с которым нерезиденты обязаны ставить в известность Службу внутренних доходов Минфина США в случае, если ими ввозится или вывозится за границу сумма, превышающая эквивалент 10 тыс. долл. США в наличной валюте, дорожных чеках и т.д. Граждане США и иностранцы, проживающие на территории США, обязаны предоставлять сведения о своих счетах в иностранных банках, суммы на которых составляют 10 тыс. долл. США в указанный год, по которым они получают проценты и имеют право подписи.

Регулирование вопросов иностранных инвестиций в США, в силу федеративного устройства государства, осуществляется на двух уровнях: на федеральном уровне и на уровне штатов. При этом на федеральном уровне, как правило, устанавливаются общие требования, а конкретные предписания в отношении участия иностранных инвесторов в проектах на территории соответствующих штатов устанавливаются органами местного управления таких штатов. На федеральном уровне координация вопросов регулирования и привлечения иностранных инвестиций возложена именно на Комитет по иностранным инвестициям в США.

Центральное место в нормативной базе США по данному вопросу занимает «Закон об иностранных инвестициях и национальной безопасности 2007» (The Foreign Investment and National Security Act of 2007). Данный закон усиливает контроль и упорядочивает процедуру допуска иностранного капитала в отрасли, потенциально связанные с национальной безопасностью.

В соответствии с предписаниями вышеупомянутого закона, Минфином США в его исполнение было разработано и опубликовано «Руководство, регулирующее порядок поглощения, приобретения и слияния иностранными лицами при совершении сделок, которые затрагивают интересы национальной безопасности» [4].

В целом, модель построения системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности США базируется на концепции внешнеэкономической деятельности как составной части к общей распределительной сети всего хозяйственного комплекса страны и одного из инструментов внешней политики.

Это подтверждается тем, что на Минторг США возлагаются функции «проведения политики, направленной на усиление международных экономических позиций США». Главный исполнительный орган государственного регулирования в этой стране – Управление по международной торговле в составе Министерства торговли США. В его ведении находятся вопросы торговой политики, политики в сфере инвестиций за рубежом и иностранных инвестиций в экономику США, содействия экспорту, поддержания согласованного уровня торгового баланса, свободных экономических зон, нетарифного регулирования, регулирования внешнеэкономической деятельности по странам и группам стран и др.

Большое значение в системе государственного регулирования внешнеэкономической деятельности имеют Экспортно-импортный банк Соединенных Штатов, Министерство финансов США и др. С учетом особого значения для американской экономики сельскохозяйственного экспорта его комплексное государственное регулирование осуществляет Министерство сельского хозяйства этой страны [1].

Таким образом, проводимая внешнеторговая политика в США во всех аспектах направлена на экономическое развитие страны. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в принципе обеспечивает предоставление равных условий хозяйствования иностранным и национальным участникам. Иностранные представители могут свободно вкладывать свои средства в большинство отраслей экономики США, а также вывозить основной капитал и прибыли. Однако имеются и определенные ограничения на осуществление иностранных инвестиций в капитал компаний некоторых отраслей американской экономики, которые устанавливаются или по соображениям национальной безопасности, или для защиты «чувствительных отраслей» и «критической инфраструктуры».

Библиографический список

1. Энциклопедия государственного управления России : в 2 т. / под общ. ред. В. К. Егорова. – Москва : Изд-во РАГС, 2008. – Т. 1. – 520 с.
2. Пивоваров, С. Э. Международный менеджмент : учеб. для вузов. Стандарт третьего поколения / С. Э. Пивоваров, Л. С. Тарасевич, А. И. Майзель. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Питер, 2013. – 968 с.
3. Рыбалкин, В. Е. Международные экономические отношения : учеб. для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / под ред. В. Е. Рыбалкина, В. Б. Мантусова. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 704 с.
4. Торговое представительство Российской Федерации в Соединенных Штатах Америки. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Торговое_представительство_России_в_США

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Р а з д е л 1. МНОГОСОСТАВНЫЕ ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МНОГОСОСТАВНЫХ ГОСУДАРСТВ В ДОИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ	
<i>Алтеева О. И., Корнилова Е. С.</i> Империя Ахеменидов как многосоставное государство	4
<i>Минаев А. И.</i> Особенности развития императорского Китая в эпоху династии Цинь	10
<i>Борунова В. С., Бушуева А. В.</i> Древнегреческие союзы городов	13
<i>Хромойкина В. С., Ширяева О. Д.</i> Основные этапы развития Древнеримской империи и последующая рецепция государственного строя	18
<i>Карамышева Э. С.</i> Существовал ли имперский федерализм Священной Римской империи германской нации?	23
<i>Пупкова М. А.</i> Швейцарская Конфедерация в XIII–XVI вв.	26
<i>Сизов М. В.</i> Династия Мин и вхождение имперского Китая в состояние кризиса	28
<i>Ермакова Е. С.</i> Союз германских городов	32
<i>Бродягина Д. Е.</i> Республика Соединенных провинций Нидерланды в 1579–1795 гг.	36
<i>Кузьляева О. С., Пигалова В. И., Хасянова Д. С.</i> Уния между Англией и Шотландией: к истории вопроса	40
<i>Андряшикина Е. С., Лощинина М. А., Егорчев М. Г.</i> Германская Конфедерация в 1815–1866 гг.	44
Р а з д е л 2. ФЕДЕРАЛИЗМ КАК НАИБОЛЕЕ ОПТИМАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ МНОГОСОСТАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	
<i>Саликова Д.</i> Этнические аспекты индийского федерализма	48
<i>Даркина Ю. А., Кочетков Д. Ю.</i> Особенности федерализма в США	52

<i>Рогова И. А., Сорокина В. А.</i> Федерализм Германии: история становления и стремление к политическому идеалу	56
<i>Родимов Д. И.</i> Особенности и история развития федерализма в Канаде.....	60
<i>Шкурова В. А.</i> Судебная система Швейцарии в контексте федеративных отношений.....	64
<i>Чибочинова А. А.</i> Семейная правовая политика в федеративном государстве (опыт стран Евросоюза)	68
<i>Попов Р. Г., Тихонов С. В.</i> Судебный федерализм в Германии: особенности становления и современное состояние.....	71
Р а з д е л 3. РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ	
<i>Мешкова Е. В.</i> Вопросы разграничения предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в решениях Конституционного суда Российской Федерации	78
<i>Поletaев С. В., Орлова О. С.</i> Российский федерализм: исторические особенности и современные проблемы	81
<i>Плахтий Н. А., Попова Е. К.</i> Дискуссионные конституционно-правовые аспекты федерализма в России	85
<i>Паняева А. А.</i> Особенности судебного федерализма Российской Федерации	88
Р а з д е л 4. СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ МНОГОСОСТАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	
<i>Евсеева К. А.</i> Международные принципы таможенного регулирования. Киотская конвенция как международный стандарт в области таможенного регулирования	93
<i>Козяева А. В.</i> Закономерности и проблемы формирования единого экономического пространства Евразийского экономического союза.....	96

<i>Митрофанова Е.</i> Обеспечение экономической безопасности государств Евразийского экономического союза в условиях выбора интеграционных моделей	99
<i>Маслова А. О., Сазонова К. А.</i> Трансформация таможенного регулирования в условиях евразийской интеграции.....	103
<i>Ионова Е. Н.</i> Проблемы информационного взаимодействия таможенных органов ЕАЭС	106
<i>Танскова Е. В.</i> Евразийская интеграция: проблемы развития и пути их преодоления	110
<i>Абросимова А. В.</i> Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности США.....	113

Научное издание

**Многосоставные государства:
опыт и перспективы развития**

Сборник статей молодых участников
Всероссийской научно-практической конференции

г. Пенза, 29–30 мая 2019 г.

П о д р е д а к ц и е й
А. Ю. Саломатина

Все материалы представлены в авторской редакции

Компьютерная верстка *Н. В. Ивановой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 28.05.2019.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 13,95.
Тираж 50. Заказ № 142.2.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru